

АЛЕКСЕЙ ПЕРШИН

**ПОКОЙ
НАМ ТОЛЬКО
СНИТСЯ**

АЛЕКСЕЙ ПЕРШИН

**ПОКОЙ
НАМ ТОЛЬКО
СНИТСЯ**

ПОВЕСТИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1972**

Першин А.

П 27 Покой нам только снится. Повести. М., «Сов. Россия», 1972.
288 с.

Книга состоит из двух повестей. Первая — «Подвиг» — это документальной достоверности рассказ о короткой и героической жизни первого председателя Пятигорского Совета рабочих и солдатских депутатов Григория Анджиевского.

Вторая повесть — «Поседевшая юность» — о боях за Днепр во время наступления Советской Армии в 1943 году. Автор был участником этих боев, и повесть во многом автобиографична.

Сынү Вадимү
Автор

ПОДВИГ

ПОВЕСТЬ

ПРОЛОГ

В 1949 году я был студентом Пятигорского педагогического института. Там и подружился с ассистентом кафедры истории, тогда молодым ученым, Героем Советского Союза Иваном Васильевичем Корольковым. Нам было что вспомнить. Оба, как выяснилось, форсировали Днепр где-то рядом друг с другом. И звание Героя Советского Союза Иван Васильевич Корольков удостоен именно за форсирование Днепра.

Переплыв один на плоту со станковым пулеметом, он совершил почти невозможное: захватил плацдарм и тяжело раненный, с одной рукой много часов удерживал его до подхода главных сил.

Днепр сначала сближал, а потом и породнил дружбу между студентом и молодым ученым. Работал в то время Иван Васильевич над темой об «Установлении Советской власти на Северном Кавказе». Немалое место в этой работе отводилось судьбе первого председателя Пятигорского Совета Григория Григорьевича Анджиевского.

Как-то, рассказывая мне об Анджиевском, Корольков сказал:

— Удивительное и до сих пор неразгаданное происшествие случилось в жизни Анджиевского. Во время боя за Владикавказ, где Анджиевский командовал несколькими подразделениями красных войск, а его жена была рядовым бойцом, кто-то похитил у них трехмесячную дочку.

— Почему? Зачем и кому это было нужно? Ведь малютка же...

— Кому-то, стало быть, понадобилось.— Иван Васильевич надолго замолчал, а потом добавил: — По моим предположениям — мстили Анджиевскому. Это был выдающийся организатор масс и революционер. Только революция, пожалуй, порождает такие судьбы. Я давно занимаюсь Анджиевским, разгадкой его жизни...

Что-то помешало тогда продолжить разговор. Но он врезался в память. Я потерял покой. Жизнь Анджиевского завладела моим воображением. Как всегда в таких случаях, толчком к заинтересованности была деталь: похищение малолетней дочери.

Непонятно это было. И дико.

Жить в Пятигорске значило изо дня в день сталкиваться с

именем Анджиевского. Здесь и улицы, и школы его имени, здесь и портреты, и скульптурные его изображения, и могила на горе Казачка.

...Прошло несколько лет. После окончания вуза я работал в Москве. Все эти годы мы не очень часто, но достаточно регулярно переписывались с Иваном Корольковым.

В пятьдесят третьем году по каким-то делам мой друг приехал в Москву. Предупрежденный телеграммой я встретил его и привез к себе. За столом Иван Васильевич вдруг спросил:

— Не забыл той истории с пропавшей дочерью Анджиевского?

— Как можно! На днях выезжаю в командировку. Правда, не о дочери речь. О самом Анджиевском. Нужен очерк о герое гражданской войны.

— А я попал на след Юлии Анджиевской.

Сообщение было неожиданным: неужели загадке конец?

— Не совсем все ясно. Но сомнения у меня лично отпали: Юлия жива.

...Вот с этого все и началось. Началось с крупницы. А кончилось большой историей, полной удивительных событий.

В тот раз, когда прощались, Корольков бросил фразу, которая тогда и для меня осталась неясна:

— Если бы враги Анджиевского знали, как закончится их мисты!..

Теперь мне известно, что хотел сказать мой друг. Но для того, чтобы все стало ясно, надо рассказать о жизни пламенного революционера-ленинца Григория Анджиевского.

НА ПОРОХОВОЙ БОЧКЕ

1

Гнедой скакун, всхрапнув от резкого рывка, поднялся на дыбы и картинно, будто в цирке, засучил передними ногами с белыми бабками. Полковник в длинной кавалерийской шинели соскочил с лошади; блеснул в косых лучах весеннего солнца шевровый сапог, серебряно звякнули шпоры.

От каменных львов, украшавших подъезд атаманского дворца, рванулись два свирепого вида текинца атаманского конвоя, оба с осинными талиями, при кинжалах в ножнах серебряной чеканки и в огромных каракулевых шапках. Один из них поймал брошенный в его сторону повод и ловко перекинул его подскакавшему вслед ординарцу.

Полковник забежал по парадной лестнице белого мрамора, вихрем прошел мимо офицеров конвоя, толкнул массивную резную дверь и остановился перед столом адъютанта.

— Мне к войсковому атаману! Немедленно! Неотложное сообщение.

— Как прикажете доложить? — надменно и одновременно угодливо, как это могут только адъютанты, спросил тонколицый офицер с усами-ниточками, одергивая рукава черкески.

— Командир сто тринадцатого запасного полка полковник Соколов! Незамедлительно!

Будто заражаясь взрывной энергией полковника, адъютант стремительно распахнул створки дверей, ловко закрыл их за собой и, кажется, уже в следующую секунду вновь распахнул двери:

— Его превосходительство войсковой атаман ждет вас, господин полковник.

У дальней стены просторного кабинета за дубовым столом с инкрустациями на фоне изображения Николая Второго в рост стоял атаман, опираясь локтем на высокую спинку кресла, похожего на трон. В белой черкеске, с золотыми погонами генерал-майора, с газырями и серебряными ножнами кинжала в узорах старинной восточной чеканки войсковой атаман являл собой железную опору белого царя и как бы пропитан был охранительным духом. Полковник вытянулся в струнку и щелкнул каблуками. Малиново звякнули шпory.

Атаман Попов положил руку на эфес кинжала, вопрошающе взглянул на командира полка... Что-то, должно быть, произошло непредвиденное, коль уж этот Соколов четверть часа назад по телефону попросил срочной аудиенции в неурочный час.

— Ваше превосходительство! Прибыл вечером, дабы утром не оказаться в обозе истории...

Чело генерала слегка затуманилось — не жаловал атаман изъяснений «высоким штилем».

— Полно... полно вам, полковник. Извольте ближе к делу.

— Ваше превосходительство! Я раньше вам докладывал — в полку неспокойно. Сегодня же... нечто невероятное. Две маршевые роты вверенного мне полка отказались отправиться на фронт. Невиданный инцидент! Я не могу отделаться от ощущения, что сижу на пороховой бочке.

— «Сижу!!!» — сурово усмехнулся атаман. — А вы поменьше сидите за вистом, сударь мой! Какие приняты меры по розыску зачинщиков?!

Лицо Соколова потемнело. Его задела резкость атамана, но, сдержав себя, он четко ответил:

— Подозреваем солдат Анджиевского и Малыгина. Большевицкие агитаторы. Пользуются влиянием в солдатской массе.

— Так какого же вы черта нянчитесь с ними? — Атаман изменился в лице. — Играете в демократию, полковник! Агитаторов следовало по законам военного времени расстрелять на месте. Непокорных маршевых взять в пулеметы!!! Вы что ж, первый день на службе, черт вас побери!

Соколов не сразу ответил. Грубость атамана вызвала не страх, а, скорее, презрение. Доверительной беседы не получилось. Полковник укоризненно проговорил:

— Ваше превосходительство, в полку брожение, крутые меры послужат к возбуждению солдат... К тому же наше убеждение о преступных действиях Анджиевского и Малыгина основывается на подозрениях, на интуиции, а и то и другое, я полагаю...

— Надо не полагать, а знать. Может быть, прикажете мне разбираться в ваших делах? Подумать только! Не дай бог в округе узнают об этих ваших ротах! Позор!

— Позвольте мне закончить, ваше превосходительство. — Полковник слегка побледнел. — Жандармерия работает из рук вон плохо. У нас нет убедительных фактов, разоблачающих Анджиевского и Малыгина. И все-таки перед отъездом сюда я приказал арестовать смутьянов. Но разбираться придется жандармерии... Не имею чести быть специалистом в этих делах. Однако позволю высказать свое мнение. Необходим показательный суд. Прошу разрешить его. Надо разоблачить большевистских смутьянов как предателей, как шпионов и тем самым воздействовать на солдат. Это необходимо. Прошу вас, ваше превосходительство, дать соответствующие указания...

Доклад полковника прервал резкий телефонный звонок.

— Кому там не терпится? — недовольно сказал атаман. Грузно переваливаясь на коротких ногах, он подошел к аппарату. — У телефона Попов.

Было слышно, как в микрофоне зарокотал торопливый взволнованный голос.

— Что?.. Что такое?! — Лицо генерала сделалось вдруг пунцовым. — Да вы понимаете, что говорите?

Полковник почти на лету подхватил выпавшую из рук генерала трубку и тотчас услышал испуганный лепет докладывающего...

— В Петрограде восстание... Царь отрекся от престола...

Соколов, побелев, тяжело, обеими руками оперся о стол. Ужас и полное непонимание происходившего, казалось, лишили его возможности двигаться.

Телефон опять затрещивал.

Генерал замахал руками. Трубку поднял полковник.

— Командир полка Соколов.

Выслушав доклад, он торопливо бросил:

— Да, да. Минутку,— и обратился к атаману: — Ваше превосходительство, поручик Немировский сообщает: солдаты не дали арестовать Анджиевского и Малыгина. В казармах митингуют. Как прикажете поступить?

Генерал сделал жест: он не в силах говорить.

Соколов прокричал в телефон:

— Будьте осторожны! Не вадумайте применять оружие! Я сейчас возвращаюсь в полк!

Круто повернувшись, полковник бросился к двери, даже забыв попросить на это разрешения у генерала.

Телеграмму об отречении Николая Второго доставили в апартаменты атамана. Принес ее жандармский штабс-капитан. Дрожащими руками он долго открывал портфель, боясь взглянуть в посиневшее апоплексическое лицо генерала. Попов дышал со свистом, в груди у него клокотало. Штабс-капитан справился, наконец, с замком, опасливо покосился на генерала и подал ему правительственное сообщение.

Атаман пробежал взглядом по строчкам. Да, Николай отрекся... Революция... Все, все рушится...

— Кто знает?.. Кому известно о телеграмме?

— Н-никому... Я и... телеграфист.

Попов рванулся к сейфу и быстро спрятал телеграмму.

— Телеграфиста посадить. И никому ни слова. Слышите?! Штабс-капитан выскочил из кабинета.

2

С утра Пятигорск бурлил. Меры, принятые атаманом Поповым, чтобы скрыть весть об отречении царя, не возымели действия. О падении престола на всех улицах кричали мальчишки, приводя в ужас обывателей.

— Царь отрекся...

— По шапке дали Николашке...

В казармах запасного полка митинговали.

— Конец войне, товарищи! — кричали солдаты. — Хватит с нас крови! Довольно вшей кормить! Не желаем воевать за буржуев! Долой кровососов! Да здравствует революция!

— Господа солдаты! — пытались возражать офицеры. — Не слушайте смутьянов-большевиков. Наш священный долг защищать матушку-Россию...

— ...и батюшку царя! — крикнул Анджиевский, солдат 113-го запасного полка.

Солдатский смех спугнул с деревьев галок. Они подняли такой гвалт, в котором утонула и захлебнулась речь офицера.

— Даже галки против, ваше благородие,— не отступал Анджиевский.

— Арестовать германского шпиона Анджиевского! — приказал офицер.

Четверо унтер-офицеров, подготовленных заранее, подскочили к Анджиевскому, высокому солдату с бледным тонким лицом и воспаленно блестящими глазами. Заломив ему руки за спину, они поволокли его к закрытой повозке, в которой обычно перевозили раненых.

Такой оборот дела вызвал шок у окружающих. На это замешательство и рассчитывал полковник Соколов. Всю ночь он совещался с офицерами о том, как удержать солдат в повиновении. Только арест Анджиевского и Малыгина¹ мог предотвратить бунт...

Анджиевского уже почти подтащили к повозке, когда вдруг в тишине лягнул затвор. Наперерез унтер-офицерам проби-вался огромный солдат, державший винтовку, как палку,— в его могучих руках она казалась не тяжелее трости.

— Ну-ка, в сторону, господа хорошие,— спокойно сказал он унтер-офицерам.— А то ведь так и живота лишиться можно.

— Не упускай их, Янышевский! — раздался голос Малыгина из толпы.— Идем на помощь.

Офицер, командовавший унтер-офицерами, выхватил револьвер, но выстрелить не успел: его руку перехватили сзади. И тут же раздался винтовочный выстрел. Один из унтеров упал, трое бросились бежать.

— Иуды! Сволочи-и! — неслоь им вслед.

— Товарищи! Внимание! — На бочонок из-под оружейного масла вскочил солдат Малыгин в заношенной, но аккуратно сидевшей на нем шинели.

— Тише! Дайте сказать человеку.

— Товарищи! Граждане! Мы обязаны разоружить жандармов и полицию. Со своими предателями мы всегда справимся, от нас они не уйдут. Долой атамана, прихвостня кровавого Николая! Мы — солдаты, опора революции. За дело, товарищи. Да здравствует революция!

Солдатский полковой комитет собирался на первое свое заседание. В небольшом, с обшарпанной мебелью, с полуслепым, в рост человека, зеркалом, кабинете, который раньше занимал

¹ Иван Васильевич Малыгин — профессиональный революционер, один из 26 бакинских комиссаров, расстрелян английскими интервентами 20 сентября 1918 года.

командир батальона, людей набилось порядочно. Несмотря на то что окна были распахнуты, махорочный чад плавал в комнате синими простынями.

Избранный председателем комитета Григорий Анджиевский присел к столу, сбросил на спинку стула шпатель, расстегнул ворот гимнастерки...

— Во, ребята, настали времена, — донесся от окна веселый молодой голос. — Раньше в эти хоромы только офицерам да фельдфебелям ход был, а ныне, смотри-ка, аж в зеркале серо от нашего брата...

Засмеялись комитетчики — густо, со вкусом, добродушно...

«Молодцы, сознают свою силу, — подумал Анджиевский. — А как там дела у Малыгина?»

Малыгин еще утром отправился в трамвайный парк прощупать настроение рабочих-трамвайщиков. Среди солдат 113-го запасного большевиков раз-два — и обчелся...

Отворилась дверь, грохоча прикладом об пол, вошел верзла Николай Янышевский, за ним невысокий крепыш Васильев. Глаза у обоих возбужденно блестят, дышат тяжело, будто в гору бежали.

Янышевский вскинул ладонь к папахе:

— Разрешите, братцы, присутствовать?

— Валяй, да боле не опаздывай. Жди тут вас! — Это звонкий задиристый голос от окна.

— Что стряслось? — вскинулся Анджиевский.

— Такое дело, Гриша, — фельдфебель Ярчук мутит у нас в роте...

— Как мутит?

— Известно как. — Янышевский снял папаху, пригладил слипшиеся в сосульки волосы, огляделся и, молния еще не остывшей злостью, продолжал: — Собрал, гад, унтеров да подлипал своих, которые из крепких хуторян, и давай орать: комитет, дескать, избрали из одних штрафников, а хорошие солдаты-фронтовики должны этой шпане, значит, выходит нам, подчиняться... Ну, мы его... — Янышевский оглянулся на своего спутника.

Тот деликатно, в ладошку, кашлянул и проговорил:

— Успокоили, значит... В каптерку заперли...

Анджиевский вдруг рассмеялся, да так заразительно, озорно и весело, что все сразу увидели, как еще молод и по-мальчишески угловат их председатель. Веселое оживление несколько разрядило напряженность минуты.

— Значит, успокоительное прописали? — отсмеявшись, сказал Анджиевский. — И правильно! Очень правильно, товарищи! Да вы садитесь... — Он покрутил головой, отыскивая свободные

стулья, не нашел. — Вон хоть на подкопщик... — Взъерошил недавно отросшие волосы, заговорил резко, точно, подчеркивая слова скупыми, не размашистыми, но вместе с тем энергичными жестами: — Вы видите, товарищи, нас, рядовых солдат, хотят запугать и расколоть. И придумал это не фельдфебель Ярчук — он мелкий исполнитель — и даже не ротный командир — поднимай выше. Не нравится господам генералам, заводчикам и крупным землевладельцам дашний состав нашего полкового комитета. — Широким жестом Анджиевский указал на присутствующих. — А почему? Да потому, что мы с вами стоим за программу большевиков: долой войну, землю — крестьянам, заводы и фабрики — рабочим. Против нас сейчас — все буржуазные партии. Момент острый. Обстановка в стране пока не в нашу пользу. Сейчас эсеры пытаются захватить всю полноту власти. Наша задача — не допустить этого!

Солдаты угрожающе загудели. Анджиевский поднял руку.

— В Советах рабочих, солдатских и казачьих депутатов они создали свой Гражданский исполнительный комитет во главе с Леонидом Орловым. А этого ублюдка вы хорошо знаете. Он может служить и революции, и царю, и богдыхану — лишь бы ему лично было выгодно. Но дело, как вы понимаете, не только в личных качествах Орлова, другое настораживает. Как вы знаете, организовалась городская дума. А кто во главе? Монархист Теличев. Монархист — и эсер... Эсер — и монархист...

— А может, Советы поглотят думу вместе с Теличевым? — осведомился Янышевский.

— Ну, и что же? Кто от того выиграет? Рабочие, солдаты? Ведь большинство-то в Советах — меньшевики и эсеры. Значит, лично Орлов выиграет, кадеты, местные буржуи. Коротче — «отцы города».

— А может быть, удастся повернуть этого Орлова? — не сдавался Янышевский. — Все-таки социал-революционер. Революционер, что ли говори.

Анджиевский отрицательно покачал головой.

— И Теличев, и Орлов представляют интересы хозяев, крупных и мелких эксплуататоров. Разве нам с такими по пути? Нет. Партия большевиков торговаться с Орловыми не станет... Ленин учит: трудовой народ должен взять силой то, что ему принадлежит по праву. Я за борьбу, и борьбу решительную!

— Правильно!

— Верно!

— О це так! — слышались возбужденные голоса.

— Есть какие-либо возражения?

— Все ясно!

— Нас пока мало. Но мы должны накапливать силы...

— Легко сказать «накапливать», — опять загудел Янышевский. — А как это сделать? Я вон уж сколько накопил. — Солдат согнул руку в локте. — А куда ее девать? Морды буржуям чистить?

— Кулаками, Коля, много не начистишь, — укоризненно сказал Анджиевский.

— Так что же? Будем сидеть сложа руки?

— Ни в коем случае. За тем и собрались, чтобы держать совет насчет наших совместных действий. Сила — в массах, в народе, стало быть, мы с вами должны за помощью обратиться к народу.

— Ишь ты — к народу. Народу полна Россия... Ты дело говори.

Анджиевский улыбнулся.

— Хорошо. Дело так дело. Вот задача конкретно по городу Пятигорску. Хоть и курортный город, но тут имеются и заводы и фабрики. Считайте. — И стал загибать пальцы: — Чугунолитейный, лесопильный, мыловаренный, два известковых, маслобойный... Это заводы. Теперь фабрики... Мебельная, швейная, кондитерская... В целом — одиннадцать предприятий. Да еще трамвайный парк. А сколько кузниц? Есть пролетариат в Пятигорске, есть! На него и опора. К нему надо идти. Малыгин уже занимается этим. Но мы все должны пойти на заводы и фабрики. И сегодня же. Я составил список — кто куда.

— А что? Голова у председателя варит... — Это опять Янышевский. — Как, ребята?

— Одобряем. Давай дальше.

— А если меньшевики будут мешать? — задал кто-то вопрос.

— Большевиков гнать в три шеи, — с улыбкой сказал Анджиевский.

Одобрительным смехом встретили комитетчики и эти слова своего председателя.

В первые дни революции в здании бывшего окружного дворянского собрания по инициативе Совета открылся дискуссионный клуб. И название он получил по моде того времени громкое и, так сказать, всеобъемлющее — «Жизнь». В администрации клуба верховодили эсеры и меньшевики, посещала его, главным образом, учащаяся молодежь.

В канун Первого мая в клубе был организован митинг. Анджиевский отправился туда в сопровождении Николая Янышевского. Сколько его ни уговаривал председатель полкового комитета не брать с собой громоздкую винтовку, поскольку-де в зале будет тесно, Янышевский слушать ничего не хотел.

— Ничего, Гриша, она у меня легонькая.

К началу митинга опоздали. На сей раз узкий длинный зал с выходами на обе стороны был переполнен разным трудовым людом. Тут и рабочие, и солдаты, и казаки в черкесах, при кипжалах. Там и тут золотисто поблескивали погоны офицеров. Отдельной стайкой поближе к сцене сгрудились оживленные юноши в гимназических фуражках, кое-где виднелись шляпки барышень. Весною семнадцатого года на политические митинги нередко ходили, как на спектакли.

Для иного неискушенного слушателя не столь важно было, что говорили, а главное — как! Чем больше ораторских жестов, чем больше громких, жутких слов, вроде: «Ррреволюция!», «Кррровавая лапа деспотизма!», «Порвать ррржавые цепи ублюдочной моррррали!» — тем лучше, тем интереснее...

Выступал лидер местной фракции меньшевиков Лунин — невысокий, изящный, очень подвижный человек, успевший среди завсегдатаев клуба приобрести репутацию незаурядного оратора. Перед публикой он держался свободно, умел владеть ее вниманием, говорил с нею на какой-то непринужденно-интимной ноте, и это создавало впечатление искренности.

Мощно ворочая плечами, Николай Янышевский и его спутник Григорий Анджиевский не без труда протиснулись в зал.

Две-три минуты послушав оратора, Анджиевский понял главную мысль его речи: мало завоевать политическую свободу внутри страны. Только после победы над тевтонским империализмом народ сможет приступить к строительству новой России.

— Давай, Коля, поближе к оратору, — попросил Анджиевский и вслед за Янышевским пробился в первые ряды.

Меньшевистский лидер закончил свою речь, и загрели аплодисменты. Усерднее всех аплодировали гимназисты и барышни, но и рабочих, солдат, казаков речь также не оставила равнодушными.

Все это Анджиевский отметил про себя и, как только замолкли аплодисменты, вскочил на сцену.

— Господин Лунин, позвольте задать вопрос.

Лунин метнул на Анджиевского злой взгляд, однако, обернувшись к публике, улыбнулся, как бы приглашая ее вместе посмеяться над незадачливым оппонентом.

— Ошибаетесь, товарищ, я не господин. Хотя бы потому,

что имею честь состоять членом Российской социал-демократической рабочей партии.

— Разве? — деланно удивился Анджиевский. — Из вашей речи этого не видно. Социал-демократы защищают интересы трудящихся. Скажите, вы, социал-демократ, с кем вы собираетесь строить «новую Россию»?

— Вот с ними, с русским народом, — Луний патетически выбросил руки вперед, в зал.

— Да?! А куда же вы денете Рябушинских, Путиловых, Нобелей, словом, капиталистов, истинных хозяев страны?.. Нет, господин Луний, так называемую «новую Россию» вы собираетесь строить в компании со старыми мироедами и эксплуататорами... Уж будьте покойны, товарищи, — Анджиевский повернулся к публике, — эти толстопузы построют такую Россию, в которой рабочему человеку будет ни вздохнуть, ни охнуть!..

По залу прокатился язвительный смехок, слышались возгласы и возмущения и одобрения...

— Анджиевский! — в сильнейшем волнении воскликнул Луний. — Вы демагог! И, наконец, это нечестно!..

— Нет, господин Луний, честно. Мы хотим, чтобы люди поняли, где правда, а где ложь, завуалированная красивыми словами. Вот здесь, — Анджиевский ткнул пальцем в зал, — присутствуют рабочие, солдаты, простые казаки... Они вам, между прочим, аплодировали. А ну-ка давайте теперь спросим их прямо, без ораторских приемов: нужна им война?.. Товарищи, ответьте: нужна вам война?

— Нет!!! — дружно выдохнула масса.

— Вот, видите! А говорите о чести... Разве это честно, когда социал-демократ призывает рабочих и крестьян проливать кровь за чуждые им интересы?..

— Правильно, парены!

— Долой войну!

— Хватит! Полили нашей кровью!

Раскаленная лавина выкриков из зала нарастала.

— Ты, большевик, кайзеровский шпион! Я т-т-тебя!..

От двери, лапая кобуру, рванулся к сцене невысокий поджарый поручик с двумя офицерскими Георгиями на груди. Николай Янышевский мгновенно, будто только этого и ждал, сорвал с плеча винтовку... Офицер едва не наделел грудью на выставленное дуло.

— Осади, господин поручик, — прогудел Янышевский, — ухлопаю — и на кресты не погляжу!

Офицер замер на месте, бледный, с ощеренным ртом.

— Товарищи рабочие, солдаты, казаки! — митингово взметнув руку, заговорил Анджиевский. — Теперь вы сами ви-

дите, с кем заодно этот так называемый народный защитник? — Жест в сторону Лунина. — Он заодно с господами офицерами из богатых классов, которым не жалко народной крови, потому что эту кровь они превращают в золото!..

— Замолчите, Анджиевский, вы... — взвизгнул Лунин и потряс над головой кулаками.

— Смотри-ка, грозит, свола-ачь!.. — взвилось недобро.

— Долой!

Несколько солдат и рабочих взобрались на сцену и сволокли Лунина вниз. Наверное, ему помяли бы бока, но Анджиевский предотвратил готовую вспыхнуть потасовку.

— Товарищи! Соблюдайте революционный порядок!

Красный от смущения и гнева, меньшевистский лидер протолкался к ближайшей двери и вышел. За ним потянулись гимназисты, барышни, офицеры, какие-то господа в светлых тройках, — верно, коммерсанты, адвокаты, словом, «чистая публика».

— Размежевание, которое сейчас на ваших глазах, товарищи, происходит в этом зале, — заговорил Анджиевский, когда шум немного поутих, — происходит сейчас во всей России. Почему?.. А потому, товарищи рабочие, крестьяне, трудовые казаки, что ваши интересы противоречат интересам богатых классов. Поэтому ни о каком мирном строительстве «новой России», о котором здесь так сладко распевал господин Лунин, сейчас речи быть не может. Прежде необходимо покончить с войной, помещичью землю без выкупа отдать крестьянам, заводы и фабрики — рабочим! То есть необходимо совершить вторую революцию — социалистическую. И тогда мы с вами построим новую Россию, социалистическую Россию, свободную Россию, где у власти встанут рабочие и крестьяне. Так считаем мы, большевики, так считает наш вождь Ульянов-Ленин. Кто одобряет эту программу, прошу поднять руки!

Взметнулись сотни рук, в иных были винтовки, валетели к потолку фуражки.

— Коли так, товарищи, прошу вас всех стать агитаторами за нашу большевистскую программу. Согласны?!

— А чего ж, записывай!

Анджиевский сел за стол, подвинул к себе лист бумаги. На сцену хлынул поток людей, стол окружили.

Янышевский и с ним еще несколько солдат-однополчан с трудом сдерживали натиск толпы.

«Это начало конца эсеро-меньшевистских советов, — радостно думалось Анджиевскому. — Уже сейчас они представляют меньшинство населения Пятигорска. А что будет через месяц-другой?»

...Вечером вдвоем возвращались в казармы. Янышевский, усмехаясь в усы, укорил друга:

— А ты, Гриша, говорил: винтовку оставь... Вот шлепнул бы тебя тот поручик — парель, видать по крестам, отчаянный до крайности.

— Да, судя по всему, немало хлопот доставят нам офицеры,— задумчиво проговорил Анджиевский.

— А ты не печалуйся: нас-то больше.

— Верно, Коля, нас больше. И если мы сумеем организовать — победа нам обеспечена.

5

Доверенный Временного правительства на Северном Кавказе осенью 1917 года доносил Керенскому:

«...В феврале большевиков в Пятигорске было полтора десятка. Сейчас их около двухсот. Во главе у них некто Анджиевский. За ним идут массы. Как стадо... Очень опасен. Крайне опасен. Можем потерять многое. Нужны чрезвычайные меры... Анджиевскому надо противопоставить своего лидера...»

Керенский немедленно откликнулся на это допесение. Чрезвычайным комиссаром Временного правительства на Терек он направил Караулова, члена четвертой Государственной думы, созванной, как известно, еще при царе. На собравшемся во Владикавказе казачьем круге Караулова провозгласили председателем круга и атаманом войска Терского.

Отъявленный черносотенец, в прошлом атаман, Караулов окружил себя столь пышной свитой, какой, пожалуй, не знала сама императрица Екатерина Вторая. Караулов не сомневался, что отныне он станет «царем, и богом, и воинским начальником» от Черного до Каспийского моря. Атаман стал обсаживать свои владенья, чтобы и подвластных посмотреть, и себя показать...

В Пятигорск докатилась весть, что «сам» Караулов намерен посетить их прославленный своими целебными водами город. «Отцы города» возликовали. Чрезвычайному комиссару Временного правительства устроили пышную встречу. На перроне, на привокзальной площади и на пути его следования к «резиденции» гремели оркестры, под ноги пугливым коням и под дутые резиновые колеса экипажа, на котором восседал высокий представитель правительства, бросали цветы, зелень. Когда экипаж остановился перед роскошной гостиницей «Бристоль», «отцы» Пятигорска подхватили на руки чрезвычайного и понесли в апартаменты.

Но тут случился конфуз. Шедшие впереди пятились задом,

На пороге один из них, владелец пекарни, оступился и повалился на тротуар вместе с гостем. Образовалась свалка. Мальчишки поднимали свист, заулюлюкали, захохотали. Развеселились и взрослые.

Караулов первым выпола из-под кучи тел и, взбешенный, дал чувствительного пинка виновнику публичного позорища, и без того едва живому от перепуга.

Хохот толпы потонул в церковном перезвоне. Гудели колокола. Дьяконы ревели «батюшке» Караулову «многия лета» и, осеняя себя крестом, возводили очи к небу.

— Господи! Покарай большевиков!..

Чрезвычайный комиссар Временного правительства, заподозрив в этой комичной случайности козни завистников и врагов, стал еще злее проводить свои «ревизии» на вверенной ему территории. В городах, на станциях он производил гарнизонные смотры, устраивал крикливые разносы, разжаловал «нерадивых», а угодных ему возводил в чины.

Когда из Петрограда пришло известие о падении Временного правительства и позорном бегстве Керенского и о том, что власть перешла в руки большевиков, атаман Караулов и не подумал сложить с себя полномочия.

Теперь из грозного ревизора он превратился в карателя. По его приказу разгоняли большевистские Советы и расстреливали целыми группами активных рабочих, трудовых казаков и солдат.

Кончилась бурная деятельность атамана на станции Прокладной. Выйдя в сопровождении свиты на перрон, Караулов не услышал ни привычных звуков военного оркестра, ни торжественных с переливами команд. Вдоль перрона выстроилась воинская часть — Уфимская дружина. Но вместо офицера с рапортом к чрезвычайному комиссару подошла группа рядовых, отделившаяся от общей массы солдат. Один из них сообщил, что группа есть делегация, уполномоченная воинской частью для переговоров с представителем бывшего Временного правительства по вопросу незаконности его полномочий. Делегация просит немедленно ее принять.

Караулов, человек более темпераментный, чем умный, не говоря ни слова, выхватил пистолет и начал стрелять в делегатов. Делегаты, оставляя раненых, шарахнулись от него.

В следующую минуту воздух над станцией разорвал мощный винтовочный залп, затем часто затрещали выстрелы. Не охнув, Караулов свалился около вагона.

Местный врач, которому пришлось засвидетельствовать смерть атамана, насчитал на его теле более пяти десятков пулевых ран...

ЗАХВАТИЛИ ЭШЕЛОН

1

Тяжкая, мучительная пора наступила для большевиков в предгорьях Северного Кавказа после Октября 1917 года.

Так называемое правительство Юго-Восточного союза, паспех сколоченного за пять дней до Октябрьского восстания горской верхушкой и атаманами войска Донского, Терского и Кубанского, поставило во главе, как они громко именовались, «вооруженных сил» Северного Кавказа известного в то время своими зверствами генерала Половцева.

По его приказу наиболее оголтелые, обманутые горской верхушкой части «Дикой дивизии» совместно с казачьими полками в декабре семнадцатого стали разгонять, стрелять и вешать представителей Советской власти поблизости от Пятигорска...

...В станице Ессентукской обосновалась «Организация английского влияния». С благословения меньшевистских деятелей иностранные агенты не стеснялись, стали подкупать казаков и горцев, снабжать их оружием, чтобы с лица земли стереть большевиков... Переехав чуть позже в Кабарду, агенты «Организации английского влияния» начали формировать наемные конные части, выплачивая каждому горцу по 160 рублей в сутки...

...Офицеры «Дикой дивизии» ворвались во Владикавказ, разгромили редакцию большевистской газеты «Красное знамя», напали на Владикавказский Совет, арестовав сподвижника Ленина, предводителя большевиков в городе и всей округе Ноя Буачидзе и других видных деятелей партии. Офицеры рыскали по городу в поисках Сергея Мироновича Кирова, который в это время был на заводе. Вовремя предупрежденный, Киров успел скрыться. Всей большевистской организации пришлось уйти в подполье. В городе начались облавы, аресты, расстрелы...

...Другие бандиты, выполняя задание врагов Советской власти, подожгли в Грозном нефтепромысел. Пожар бушевал пятнадцать месяцев подряд...

В то же время — конец семнадцатого года — вокруг Пятигорска началась война между казаками и горцами...

Пятигорск стал единственно надежным центром, где уже окрепла и набирала силы большевистская организация. Скрываясь от преследования, сюда 7 января тайно прибыл Киров. Еще до его приезда Аджиевский со своими соратниками начали сколачивать Революционный штаб. Штаб занимался

формированием отрядов Красной гвардии. В декабре семнадцатого года в Пятигорске насчитывалось триста красногвардейцев, а во второй половине января восемнадцатого года численность Красной гвардии в Пятигорске возросла до трех тысяч человек.

— Как думаете вооружить воинские подразделения? — осведомился Киров, когда Анджиевский пришел к нему в номер гостиницы «Бристоль».

— За счет противника, — ответил Григорий.

— Я не шучу. Не только для города, но и для округи сила собралась внушительная... Но что она без оружия?

— Не собираюсь шутить, Мироныч. Мы тут с ребятами покумекали и решили податься за оружием в «Дикую дивизию».

Киров поклонил голову, прищурил один глаз, улыбнулся иронически.

— Вы что же... взаимоотношно, так сказать, по-соседски? А может быть, миллион в золоте раскопали на горе Машук?..

Анджиевский промолчал, покрутил головой, будто у него был тесен воротник, и отвел в сторону глаза, чтобы скрыть в них веселый блеск.

— Ну? Давай, Гриша, без фокусов. Размышляли и прикидывали, поди, не одни сутки.

— Что было, то было. Решил вот поговорить с этими «дикарями». В Минеральных Водах у них эшелоны с оружием и боеприпасами... Вот хочу поехать.

— Один?!

— Конечно.

Изумление Кирова было столь велико, что Анджиевский уже по недавно привившейся привычке при крутых поворотах беседы с Миронычем валоматил волосы и ладонью смазал лицо от лба к подбородку.

— Конечно, один. Не вести же вооруженных палками три тысячи красногвардейцев...

— Ну и ну!

Киров потребовал детального плана. План «Разбойной операции», как ее окрестил Киров, доложили во всех подробностях.

— Черт возьми! А ведь тут что-то есть! — И, взволнованный, встал. — Вот что, Григорий. Если у меня есть хотя бы какой-то авторитет и какая-то власть старшего по возрасту, одному категорически... — и сделал резкий отрицательный жест. — Слишком дешево ценишь свою голову. Если хочешь, она больше нам нужна, чем тебе самому.

Спор оказался бесполезным — Киров умел отстоять свое мнение.

Сколотили небольшой отряд. Людей нарядили текинцами. Подобрали реазых коней...

Одетый в щегольскую черкеску офицера-текинца, Григорий Анджиевский выглядел этаким балованным отпрыском горского феодала: молод, красив и дерзко отважен — хоть картину с него пиши.

Прибыли в Минеральные Воды. Неподалеку от эшелона, в укрытиях, установили два ручных английских пулемета Брэна. Все, кроме Анджиевского и человека, изображавшего ординарца «князя», заняли удобные позиции для обстрела.

В «Дикую дивизию» входили Кабардинский, Дагестанский, Татарский, Чеченский, Черкасский, а также Ингушский конные полки. Сюда были причислены Осетинская пешая бригада и казачий артиллерийский дивизион. Охрану намеченного эшелона несли казаки.

Заметив группу из семи казаков, Анджиевский стремительно направился к ней.

Казаки вытянулись, узрев на плечах Григория офицерские погоны. С хорошо отработанным кавказским акцентом Анджиевский каркнул:

— Почему князь Гегечкория не слышит доклад?

От растерявшейся группы казаков отделился наиболее сообразительный.

— Так что, ваше высокоблагородие...

— Молчать! Обращаться к князю — «ваше сиятельство»!

— Так что, ваше благородно сиятельство, кончаем перекур. Готовимось заступиты до наряду.— И замолчал, не отнимая руки от козырька.

— Кто докладывает? Почему не знай устав? — Анджиевский хлестнул нагайкой по сапогу.

— Так что докладует рядовой осьмого Донского казачьего артиллерийского дывызыону Сэмэн Семьдивкин.

— Что?! Сэмыдэвкин? У тебя что, сэмы дэвок — один ты?

Казаки с угодливой готовностью заржали.

— Звыняюсь, ваше благородно сиятельство, це ж хвамялия така. Диды, а мабудь и прадицы тау хвамялию отхватили.

— Вольно! — И Анджиевский снисходительно кивнул на Семидевкина.— Ишь, «благородное сиятельство»... Карашо! На...— и протянул раскрытый портсигар.— Куры, казак, раз твоим аксакалы с сэми дэвками справлялись.

Опять последовал солдатский гогот.

— Ладно. Угодыл князь, куры все. Князь добры.

С готовностью затаились. Тонкие сигары из ароматного

восточного табака могли бы по крепости соперничать с российским самосадом. У Семидевкина даже слезы выступили на глазах.

— О це заграниця! О це, вилы ей у бок, Великабрехутания.

— Как ти сказал? — удивился Анджиевский.

— Да це ж така присказка у хуторе, ваше благородно сиятельство. Якусь дяржаву так кличат, я точно не могу сказаты.

Анджиевский испытывающе взглянул на казаков и уже на чистом русском языке произнес:

— Вот что, казаки... Никакой я не князь. Я большевик. Из Пятигорска.

Немой сцене обалдения семерки словоохотливых, ранее основательно кем-то запуганных казаков могли бы позавидовать актеры академического театра.

— Воюю за единую неделимую с четырнадцатого года, — спокойно продолжал Анджиевский. — И все годы — рядовым. Понятно?

— А це все як же? — Семидевкин указал на погоны, газыри, богатый кинжал, маузер.

Григорий пренебрежительно махнул рукой.

— Все это, друзья, для маскарада. Признаться, ожидал я встретить офицеров и угостить их по-солдатски! — Анджиевский крепко взмахнул кулаком. — Но вы же свои, простые... За что вас убивать?

— Убивать!!! — Семидевкин и двое других затравленно стали озираться.

— Верьте слову большевика. Никто вас не тронет. Хотя, доложу вам, вы окружены. Кругом расставлены пулеметы...

— Господи! Товарищ! Да что же это?

Один из казаков рухнул на колени.

— А ну встань. Стыдно! Вас германец убивал, офицеры мордуют, насильно гонят на верную смерть. Как баранов, заставляют проливать кровь простых, обездоленных людей... Да еще мы станем на вас поднимать руку? К чему тогда Советскую власть завоевывать?

— О, господи! — Семидевкин истоиво перекрестился. — А ведь сколько говорили, что большевики душегубы, они все с рогами дьявола.

Анджиевский рассмеялся, снял папаху.

— Поищи рога, товарищ. Может, отыщешь.

— Я це к слову... Просю простыты...

— Ладно, стапичники. У меня вопрос. Только честно. Идет?

— Да шо балакать. Скажемо, як перэд Хрыстом-богом.

— У вас... у каждого из вас помного земли?

— Тю!.. Да яка ж у нас земля! З курый лапот. А о це двое — и вовсе батраки.

— А почему же вы отказываетесь от земли?

— Мы!!!

— От какой земли?

— Кто ж будет отказываться?

Казаки загалдели.

— Конечно, отказываетесь. Вот декрет, подписанный товарищем Лениным. Читать можете?

— Та я ж мало-мало...— Семидевкин взял газету и медленно прочел: — «Пра-вда». Ось вопо как. «Правда»...

— А ты ниже, ниже...

— «Вой-не конец! За-во-ды и фа-бри-ки рабочим». Ага, це где ситец делают... «Зе-мли кре-стья-нам». Во дають, а? А по сколько нарезать будут? — простодушно заинтересовался казак.

— А сколько осилишь? Лично ты?

— Пяток дэсятн ничого бы...

— Фу, ты, чудак. И десять, и двадцать дадут, только сумей обработать.

— Да мы б, господин товарищ,— вдруг сорвался самый молчаливый, названный батраком.— Мы б ее руками... вот этими...

Анджиевский пожал плечами.

— Так берите же. Советская власть декрет, то есть специальный закон, приняла. Пашите, сейте, ешьте хлеб, сколько захочется.

— Боже мой! Да вжели ж це правда?

— Эх, люди, люди! Куда же вас обманом завели! За чужие интересы... За толстопуzych буржуев... За атаманов, чтоб они вас же свободно и вольготно нагайками пороли... И за все это вы свою крестьянскую кровь должны проливать!..

Казаки переглянулись, опустили головы, ушли в думы...

— Слухай, большак. Кажы, шо мы той Советской власти у силах зробыты?

— Уходите к ней. Бросайте оружие. И пашите, сейте, воспитуйте детей.

— Не понятно, А сей секунд? Мы ж будэмо рады. Нэ сумлевайтесь, зробим.

...Поняли друг друга быстро. Как только они, семеро, заступят в наряд, можно подгонять паровоз к их эшелону. Двух офицеров и «гадюку-урядника» они берут на себя.

— А что... перевоспитать ту гадюку... никак?..

— Хай його черти воспитують. До десятку самолично зарубив.

— Ах, вот оно что! Убийца, значит?

Семидевкин попросил, чтобы вместе с ними уехали еще восемь горцев: четверо осетинцев, один чеченец и трое кабардинобалкарцев.

— Хлопцы шо траба.— Семидевкин выставил большой палец.— Вопы самы шо твои большаки. Их могут порубаты охвицерье. Во такэ дило, господин товарищ большак. Я их поклычу. Дозвольтэ?..

Хлопцы и в самом деле будто из-под земли выросли и оказались как на подбор. Они вихрем заметались по станции и вскоре докладывали Анджиевскому о количестве груза: сорок пулеметов, двенадцать орудий, две или три тысячи винтовок. Столько же клинков... Не мог, правда, Семидевкин сказать точно, сколько миллионов было патронов и сколько тысяч сварядов. А вот шинелей, полного солдатского обмундирования с яловыми сапогами, папахами и всяким «шурум-бурум» — всего этого на четыре тысячи «добрых молодцев».

— Ладно, хлопцы. Благодарность вам будем от всей нашей рабоче-крестьянской души.

...Эшелон захватили без единого выстрела.

Двух связанных офицеров и «гадюку-урядника» упрятали поглубже в вагон. Заранее извещенный и хорошо усвоивший свою роль машинист выгнал из тупика паровоз, прицепил к эшелону, и поезд, осторожно звякнув буферами, двинулся в сторону Пятигорска.

Казакам, что помогли захватить эшелон, в приказе была объявлена «революционная благодарность». Каждый был награжден именной грамотой и подарком, который смогли найти пока что не очень опытные по этой части хозяйственники. Казаки хлюпали носом и, не в силах выразить чувства человеческой речью, били себя в грудь кулаками...

«ПОДАТЬ КОМИССАРА!»

1

Наступил грозный 1918 год. Со всех сторон Пятигорск был окружен врагами. Зашевелились антисоветски настроенные казачьи станицы. В близлежащих курортных городах тысячи офицеров, находившиеся на излечении, готовы были встать под антибольшевистские знамена. Создавались кавалерийские сотни и полки, которые открыто выступали против Советской власти.

Особенно активно сколачивал казачьи отряды для борьбы с Советской властью есаул Шкуро.

В самом Пятигорске и после Октября, в сущности, не произошло изменений: у власти остались имущие, частный капитал процветал.

В январе 1918 года в Пятигорск прибыл Киров. Он остановился в гостинице «Бристоль». Сюда потянулись люди из окрестных сел, станиц и городов. Они проникали в город, хотя дороги контролировались врагами всех мастей и красок.

Шла подготовка к съезду народов Терека. Предстояла острая борьба. Нужна была победа Советской власти на Тереке. В борьбе за нее Киров хотел использовать и наиболее прогрессивно настроенных меньшевиков и эсеров, всех левых из числа соглашателей, на которых можно было опереться хотя бы временно.

В очень сложной и напряженной политической обстановке открылся в январе 1918 года в Моздоке съезд народов Терека.

Инициатива его созыва принадлежала контрреволюционному «временному революционному комитету». Этот комитет стремился утихомирить силой оружия горцев, задушить революцию на Тереке и создать все условия для наступления на Советскую Россию. Чтобы заставить делегатов принять нужные им решения, организаторы съезда вызвали отряды вооруженных казаков.

Большевикам пришлось срочно решать: признавать съезд или бороться против него. По предложению Кирова было решено принять в съезде участие. Невозможно было допускать национальную резню.

На съезд от пятигорских большевиков послали Анджиевского и Малыгина. В целом делегацию от Пятигорска и Минеральных Вод возглавил Киров, Владикавказскую — Ной Буачидзе.

В массе шестисот делегатов большевики могли бы затеяться, не предприняв Мironыч, как все звали Кирова, очень быстрых и решительных мер. Глубокой ночью на старой конспиративной квартире, которая использовалась еще до революции, Киров собрал руководителей делегаций от Владивостока, Грозного, Георгиевска, Кизляра, Пятигорска. Главной задачей большевиков по резонному и всеми разделяемому мнению Сергей Миронович считал создание внушительного противовеса казачьей контрреволюции...

— Наша задача, товарищи, — убежденно говорил Киров, — это объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти.

— С кем мы должны объединиться?— хмуро задал вопрос Анджиевский.— Неужели мы все-таки должны объединиться с этими так называемыми «социал-демократами»?

— Да, Григорий!— твердо сказал Киров.— У нас нет сейчас другого выхода. Иначе эти псевдореволюционеры уйдут под крылышко богатых казаков.

— Пойми, Анджиевский, не вечно мы будем в союзе с меньшевиками, эсерами и прочими соглашателями,— вступил в спор и Буачидзе.— Мы должны организовать давление на этих «рреволюционеров» со стороны рабочих и горской бедноты. Если мы этого не сделаем, нам, большевикам, худо придется. Нас просто сомнут, и прольется кровь. Много крови.

— Мы не можем, не имеем права упустить победу, хотя сейчас и в меньшинстве,— добавил Малыгин.

Закончили совещание с единым мнением. Правда, очень смущала Анджиевского идея политического контакта с соглашательскими партиями. И все-таки он беззаветно верил Кирову, его опыту, мудрости и какому-то удивительному умению сплотить вокруг себя, казалось бы, самую разношерстную, политически неустойчивую массу, зарядить ее верой в победу своего дела.

Нелегко было вступить в контакт с меньшевиками и эсерами. Но Киров так поставил вопрос, что присутствующие при этих переговорах делегаты горцев в случае отказа соглашателей от политического контакта с большевиками могли понять, что меньшевики и эсеры одобряют готовящуюся междоусобную резню.

И «рреволюционеры» сдались...

2

Сразу же после утверждения повестки дня съезда с места вскочил казачий полковник Рымарь.

— Господа!— зычно крикнул он.

— Здесь нет господ!— раздался гневный голос из зала.

— Долой господ!— не очень стройно пропеслось по рядам.

— И все-таки имею честь поставить вас в известность, господа делегаты.— По-бычьи выгнул толстую красную шею полковник.— Моздокский Совет дал распоряжение о наступлении на проклятых иноверцев, на горских разбойников, которых я вижу и в этом зале.

Крики возмущения, грохот прикладов об пол заглушили слова Рымаря. Но луженая глотка полковника выдерживала, видимо, и не такие испытания.

— Я... я, господа, предлагаю... Да что предлагаю!.. Я тре-

бую! Немедленно утвердите это законное решение Моздокского Совета!

Буря негодования продолжалась много минут. Но вот Киров появился на самом краешке невысокой сцены. Он заговорил тихо. Никто не слышал его прежних слов, а он говорил, говорил...

И зал стал затихать. А потом и затаил дыхание. Всю силу своей души Киров вложил в главную мысль: неужели должна пролиться кровь безвинных горских народов? Междоусобная война выгодна только терским и горским верхам.

— Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих, скажут: «Да здравствует республика солдат, крестьян и рабочих!»

В зал неожиданно ворвались пьяные казаки. Они подняли свист, затопали ногами, а кто попьянее начали размахивать пашками, грозя снести головы «боснякам иноверцам».

Почти у каждого делегата было оружие, и дружным натиском казаков выставили из зала. Особую активность проявили горцы; вели они себя сдержанно, достойно и в то же время отважно.

Съезд продолжал работу. Большинство делегатов проголосовало против провокационного предложения Рымаря. Было принято постановление об организации революционных сил для борьбы с врагами трудового народа, избрали Терский народный Совет, в который вошли представители всех национальностей Терека.

Учитывая очень сложную обстановку, Киров настоял на том, чтобы вопрос о признании Советской власти здесь, в Моздоке, не ставить. По его мнению, съезду следовало продолжить работу в другом городе: потерпевшая поражение казачья верхушка была готова на любые подлости.

Съезд принял предложение Кирова. Заседания в Моздоке объявили первой сессией. Для проведения второй сессии решили перебраться в Пятигорск, поближе к пролетарским массам.

На одном из заседаний съезда в Пятигорске Кабардино-Балкарская фракция большевиков поставила вопрос о признании Совета Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Предложение приняли абсолютным большинством голосов. Владимиру Ильичу послали приветственную телеграмму, текст которой написал Анджиевский.

Работу съезда вдохновенной речью заключил Киров.

— Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, — задумчивым голосом говорил Сергей Миropович, — но что эта цепь горных скал явится той могучей пре-

градой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии...

До обжигающей боли в ладонях аплодируя Кирову, Григорий Анджиевский, которому тогда шел двадцать первый год, восторженно думал: «Вот у кого надо учиться овладевать массами! Талант, талант!.. Разве я когда-нибудь смогу так говорить!»

И невдомек было Григорию, что недавно пропзнесенная им на том же съезде речь, которую он закончил страстным призывом: «Вся власть Советам!» — заставила Кирова прийти к твердому убеждению: быть молодому оратору партийным вожаком на Северном Кавказе...

Так оно и случилось. 17 марта 1918 года в Пятигорске была провозглашена Советская власть. Совет Народных Комиссаров Терской республики, избранный на той же сессии съезда во Владикавказе, возглавил Ной Буачидзе. В Совет Народных Комиссаров вошли Я. Бутырин, Ю. Фигатнер, А. Шерипов, Б. Калмыков и другие. Председателем Пятигорского Совета рабочих и солдатских депутатов избрали Григория Григорьевича Анджиевского, заместителем председателя — Федора Дмитриевича Пащенко, военным комиссаром — Николая Степановича Янышевского.

3

Новый Совет национализировал предприятия и банки, передал в распоряжение коммунального хозяйства крупные дома. Беднота с шумом и песнями перевозила свой скарб из подвалов в барские особняки.

— Кто разрешил?

— Анджиевский... Прочь с дороги!

Буржуа взбесились. Кто такой этот Анджиевский? Какой-то солдат, горлопан из голодранцев смеет распоряжаться в городе...

...Однажды к зданию Совета подскочила казачья сотня.

— Давай сюды комиссаров! — орали казаки. — Мы отечество защищаем, а над казачьими семьями измываются?!

К казакам вышел комендант Грицай.

— Чего орете? Что вам нужно?

— Подать Анджиевского! — потребовал подъясаул, командир сотни.

— Сейчас доложу, — спокойно произнес комендант и скрылся за дверью.

Несколько минут спустя тупые рыльца пулеметов высунулись сквозь балконную балюстраду.

— Слезай с лошадей! — зычно подал команду Грицай.

Казаки потянулись к шашкам и винтовкам.

— Пулеметы к бою! — возвысил голос комендант.

— Не стреляй! — закричал вдруг один из казаков.

Сотню будто ветром сдуло с лошадей.

— Не шевелиться. Клади оружие! Ну, быстро... Вот сюда, в сторону. Подходи по одному. Но помни, стреляю без предупреждения.

Казаки торопливо сдавали оружие, один из усердия даже руки вверх поднял.

— Опусти, дура. Лежачего не бьют, — добродушно усмехнулся комендант.

Через минуту он докладывал Анджиевскому:

— Готово, товарищ председатель.

Анджиевский вышел к разоруженной сотне.

— Здравствуйте, товарищи! Чем вас обидела Советская власть?

Казаки смущенно молчали.

— Вся сотня из Пятигорска? — продолжал расспрашивать Анджиевский. — Скажи, пожалуйста, не знал, что в городе столько казачьих семей! — Неожиданно скомандовал: — Кто из Пятигорска — шаг вперед!

Ряды казаков не шелохнулись.

— Значит, никого из местных? — Анджиевский подошел к одному из казаков. — Вы откуда, товарищ?

— Моздокский я...

— Какое задание получили?

— Громить Совет. Уничтожить немецких шпионов, большевиков то есть...

— Значит, ваши семьи здесь ни при чем?.. Казаки! Неужели вы не понимаете, как вас обманывают? Советская власть защищает трудовой народ. Мы за бедняков, против богатеев. Большевики отняли у буржуев награбленное и хотят это добро отдать вам. Вас же патравливают на Советскую власть те же буржуи только потому, что мы у них отняли богатство. А вы защищаете капиталистов, атаманов, идете против народа, против бедняков, вдов и сирот. Получается — против себя идете. Ведь просто, как дважды два... Или казакам шевелить мозгами по уставу не полагается?

Сотня молчала. Наконец, откуда-то из глубины строя раздался несмелый голос:

— А вы сами немец?

Анджиевский рассмеялся.

— Я солдат Корсунского полка. Простой солдат. Вот мой документ.— Сунул он под нос солдатскую книжку одному из казаков.— Смотри-смотри, не крути башкой. Я же чую, что грамотный. На тебе все с иголочки, а на мне, как видишь, простая пинель. Прочел?.. Передай другому... Я вместе с вами валялся в траншеях, если кто из вас бывал на фронте. Меня ранили, здесь я лечился, попал в запасной полк. Здесь меня и застала революция...

Моздокский казак рванул с себя папаху и выскочил из строя.

— Братцы! Да что же это такое?! До каких пор нас будут за нос водить! Навроде петушков заманивают на просол! А?!— Казак устремился в ряды.— А ну, подь сюды, гад, расскажи, иде германский шпийн...

В строю произошло движение, хлопнул револьверный выстрел, началась возня. Из строя вытащили подьесаула. Он зверовато устоялся на Анджиевского.

— Все равно всех вас, голодранцев...— И захлебнулся. Выстрел был глухой, в упор, стрелял кто-то из казаков.

...Через полчаса площадь перед Советом опустела. Казаки разъехались по своим станицам. Анджиевский поднялся на второй этаж, подошел к пулеметчикам.

— А где ваши ленты?— удивился он, не видя коробок рядом с пулеметами.

— Не успели поднести,— комендант сокрушенно почесал затылок.— Надо ж было быстро...

Анджиевский взглянул на пулеметчиков, на смущенного коменданта и блеснул улыбкой.

— Ну и ну... Одним махом семерых убивахом.

ПЕШКОМ В РОСТОВ

1

Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Анджиевский...

Григорий Григорьевич, будто глядя на себя со стороны, удивлялся: он ли это? Мальчишкой служил на побегушках в магазине, удрал оттуда против воли матери. Когда ему исполнилось двенадцать лет, она умерла. Отца Гриша даже не помнил...

Некоторое время жил в Темрюке у родственницы, которая сама едва сводила концы с концами.

— Отдай мальчика в типографию, — посоветовали соседи. — Он книги любит. Может, и выйдет толк.

Гришу приняли учеником наборщика в темрюкскую типографию. Смышсленный мальчишка понравился рабочим. За три года учебы превосходно овладел своей профессией. Вышел, что называется, в люди. К одному из наборщиков — Михаилу Шустову — Гриша Анджиевский особенно привязался. И когда Шустов переехал в Ростов-на-Дону, Гриша также решил отправиться в Ростов.

Но как туда добраться? Не было денег на билет. Отправился на железнодорожную станцию, надеясь незаметно проскользнуть в пассажирский вагон. Но где там — проводники были начеку. Помог случай.

В начале перрона Гриша заметил молодую, хорошо одетую даму, которую сопровождала молоденькая девушка, почти девочка. Обе были перегружены вещами, но почему-то не наняли носильщика, хотя им наперебой предлагали услуги.

Гриша не совсем уверенно подошел к даме и тихо сказал:

— Можно мне вам помочь?

Дама удивленно вскинула брови, но лицо ее тотчас посветлело.

— Очень мило с твоей стороны, — усталым голосом ответила она, приостанавливаясь. И, как бы извиняясь, добавила: — Заплатить хорошо мы не сможем, милый юноша.

— Что вы, что вы! — Гриша смешался оттого, что его совсем не так поняли; вовсе не деньги ему требовались, лишь бы незаметно проскользнуть в вагон. — Я и так помогу, не думайте что...

Дама внимательно посмотрела на смущенного парня. Лицо ее осветилось улыбкой, похорошело.

— Что вам по силам, молодой человек? Узел, чемодан?

— Давайте самое тяжелое, — осмелел Гриша.

И дама, и ее спутница рассмеялись. Женщина указала Грише глазами на чемодан. Он подхватил его и понес.

— Вот так сила! В четвертый вагон, молодой человек... Это со мной, — кивнула дама на свою спутницу и добровольного помощника, минуя проводника.

В вагоне Гриша, стараясь затянуть время, со всей тщательностью, на какую был способен, укладывал вещи. Старался он еще и потому, что уж очень доброй показалась ему дама. А та задумчиво следила за Гришей, стараясь понять, что двигало этим несомненно честным юношей? Что-то решив для себя, она вдруг капризно потребовала (как раз проходил проводник), чтобы вещи переложили иначе. На это ушло еще не

меньше пятнадцати минут. Суетливый проводник предложил провожающим покинуть вагон, но Гриша будто не слышал, а дама ему не напоминала.

И вот вздрогнул вагон, закрипел и поплыл мимо вокзала.

— Слава богу, тронулись, — облегченно вздохнула женщина и смеющимися глазами посмотрела на Гришу. — На билет, видно, ни копейки?

Гриша, покраснев, молча кивнул.

— А ехать далеко?

— В Ростов.

— О, не близко! — Она задумалась. — Ну что ж, в Ростов так в Ростов. — И девушке: — Доставай саквояж, закусим чем бог послал. Это Анна, моя служанка, скорее компаньонка, — представила она свою спутницу.

Только сейчас Гриша рассмотрел девушку. Впрочем, какую там девушку. Это одежда ее вырослила. А если судить по поведению — девочка девочкой. Ни с того ни с сего на нее напала смешливость. Встрепенувшись, когда к ней обратилась хозяйка, Анна схватила саквояж, но не выдержала, зашлась в смехе. Дама удивленно взглянула на нее, но девушка-подросток смеялась столь искренне и весело, что и дама не удержалась. Гриша взмок от смущения, топтался на месте и не знал, куда руки девать.

Женщина заметила состояние Гриши, оборвала смех и мягко коснулась плеча парня.

— Не обижайся. Ситуация и в самом деле комичная... Анна, будет тебе, лопнешь от смеха.

— Так я что! Я сию минуту. — Девушка смахнула слезы с длинных и пышных ресниц и, все еще вздрагивая от смеха, стала выкладывать из саквояжа припасы. Потом она обернулась к хозяйке и озабоченно спросила: — Как же мы нашего «зайца»-то спрячем?

— Ума не приложу. Ломаю вот голову...

Гриша осмелел. Он понимал, что ему искренне хотят помочь.

— А, ничего... Буду ехать, пока не ссадят. Лишь бы в каталажку не угодить. А там я пешком...

— До Ростова пешком? — воскликнула Анна.

— А что? Не дойду? Еще как доберусь.

— Вы храбрый юноша, — отозвалась дама. — А поездка неотложна? Как это отпустили тебя отец с матерью?

Гриша, поколебавшись, признался: нет у него отца с матерью и едет он к хорошему человеку, который сделал из него наборщика. Если бы Шустов знал о том, как ему, Грише, хочется вместе с ним работать, он бы помог с переездом. Но де-

нег-то у Михаила Ильича тоже не густо, поэтому и пришлось вот так...

Спутницы его обменялись взглядами и, не сговариваясь, стали наперебой угощать Гришу захваченными в дорогу припасами. Юноша не стал отказываться, понимая, что впереди долгий путь. Возвращаться Гриша не собирался. Что бы с ним ни случилось, он непременно доберется до Ростова.

Какое-то время ему везло. Проводник, проверив билеты у входа в вагон, ни разу потом не напоминал о себе. На их счастье, в купе никто больше не садился.

На первой же остановке дама отправилась узнавать о стоимости билета до Ростова в третьем классе. Возвратилась она смущенной. Гриша понял: денег не хватило.

Условились так: Гриша сел только что. Едет он в Ростов потому, что там умер его единственный родственник.

— Господи, прости мне ложь невольную,— с улыбкой перекрестилась Лариса Петровна.

Анна нет-нет да бросала на Гришу восхищенные взгляды, и это не проходило для него незамеченным.

На четвертой остановке случилось то, что и должно было случиться. В купе вошел ревизор, и «зайца» тут же выдворили из вагона. Солгать, как ему посоветовала Лариса Петровна, Гриша не пашел в себе силы и рассказал, как было на самом деле. Этим он, пожалуй, и заслужил к себе уважение спутниц.

Как только «зайца» увели, Лариса Петровна, вытащив из саквояжа примерно треть съестных припасов, торопливо завязала их в узелок.

— Ну-ка быстро, Анка. Что хочешь делай, а вручи,— кивнула она вслед ушедшим.— Поняла? А то он из-за гордости... Ну, сама понимаешь...

Гришу Анка догнала уже на перроне.

— Вы узелок свой забыли,— сказала она, строго глядя на Григория, но узелок протянула как-то неуверенно, робко.

— Что ты! Какой узелок?

— Вот этот. Берн скорей, а то поезд тронется.

Глаза ее теперь уже ласкали его, умоляли. И ему казалось, что она вся светится, розовая, яркая, трепещущая.

— Берн свое, чего рот раскрыл,— грубо сказал ревизор и, взяв у девушки узелок, сунул его Грише.

Тут случилось неожиданное. Григорий так разволновался, что у него слезы выступили на глазах. Волнение передалось и Анке. Она прижала большие свои руки, давно познавшие физический труд, к груди и порывисто, взволнованно проговорила:

— Я... вот честное слово... все бы отдала. Но у меня нет... — Она торопливо вытащила из-за пазухи большую серебряную монетку. — Пожалуйста... Я очень прошу.

Какая-то непонятная сила заставила Гришу взять монетку. Просто невозможно было отказаться — столько было мольбы в прекрасных глазах девушки. Анка обрадовалась, будто ей самой подарили невесть что. Она чмокнула парня в щеку и вихрем умчалась в вагон.

Даже на выдавшего виды ревизора поступок Анки произвел впечатление. Проводив девушку глазами, он потом долго смотрел на переминавшегося с ноги на ногу Григория и, наконец, спросил:

— Говоришь, на работу в Ростов? К родичу?

— Нет, к мастеру, — поправил Гриша. — Он меня научил наборному делу.

— А хороший ли человек-то? Больно ждет он тебя.

Гриша оторопело взглянул на ревизора. И в самом деле, вдруг не примет его Михаил Ильич? Кто он ему такой?

— Нет, Михаил Ильич — человек славный. У самого вот такой кусочек на обед, — Гриша отмерил пол-ладони, — а он мне всегда отломит. Его все любили.

— Ишь ты! — Ревизор только сейчас поверил всему, что рассказал «заяц». — Ладно, парень, отправляйся на все четыре стороны. Я тебя не видел и ничего не знаю. Бывай здоров.

Он повернулся и, грузно переваливаясь на погах и сильно сутулясь, пошел к вокзалу. А Гриша, растерявшись, даже «спасибо» не успел сказать. Было ясно — каталажка, немигнуемо его ожидавшая, миновала.

«Дальше пойду пешком, — твердо решил он. — Доберусь как-нибудь. Может, и подвезет кто...»

На этот раз счастливые случайности обходили его стороной. Больше недели топал он по пыльной дороге. Ночевать приходилось в стогах соломы или сена, а май выдался прохладный. В одном повезло, что дождей не было. Хорошо бы, конечно, ночевать под крышей, но, получив подзатыльник в одном доме и едва отбившись от спущенной на него собаки в другом, перестал об этом и думать.

Подаренного ему узелка хватило на неполных два дня. Следующие два дня питался на Анкину монетку. Покупал хлеб и колбасные обрезки, вкуснее которых, казалось, ничего не едал. На последние гроши, не выдержав соблазна, купил большую булку. Думал растянуть ее по крайней мере еще дня на два, а съел в один присест.

Потом несколько суток топал с пустым желудком, если не считать брюквы, которую, ни слова не говоря, сунул ему ни-

щий старик. Сумка, перекинута у старика через плечо, была, как Гриша заметил, почти пуста, а вот поди же ты! И откуда только старик узнал, что у него голова кружится от голода?

Еще полсуток ушло на то, чтобы разыскать в Ростове-на-Дону Михаила Ильича Шустова. Правда, удалось заработать пятак — поднес тяжеленную сумку какой-то полной женщины. Тут же он проел свой заработок, растравив только голод.

Разыскал типографию газеты «Приазовский край». Увидел выходявшего после смены Шустова.

Удивлен и растроган был Михаил Ильич, когда узнал подробности Гришних приключений. Привел его к себе, часа два отмывал под краном. Накормив, куда-то скрылся.

На другой день Гришу приняли в типографию. Экзамен по наборному делу устроил парню сам хозяин. Ошибки в наборе нашлись, но проворство юного наборщика хозяину понравилось.

— Выйдет из парня толк, — изрек он. — Ладно. Беру.

Деньги, правда, положил малые, но ни Шустов, ни его товарищи слова не сказали — с работой в Ростове было худо.

— Потом как-нибудь прижмем этого жмота, — успокаивая Гришу, пообещал Михаил Ильич.

С того дня и началась для Гриши новая полоса в его жизни. Увидел у Михаила Ильича тоненькую книжку, попросил прочесть. И удивился, когда Шустов ответил:

— Рано тебе еще такими книжками баловаться.

Гриша не стал настаивать, но слова учителя его задели. Нет, не обиду он ощутил, скорее свою неполноценность и, главное, не знал, как исправить положение. А исправлять ничего не пришлось. На другой день Михаил Ильич сунул ему ту самую тоненькую брошюрку со словами:

— Прочти и поразмысли над тем, что написано.

Бомбой разорвалось прочитанное в сознании Гриши. Долго потом говорили с Шустовым. Книжку за книжкой с той поры стал глотать Григорий, и все чаще да длиннее стали беседы с Михаилом Ильичом.

Потом Гриша раза три был на тайных собраниях. Смутно и трудно доходили до его сознания услышанные им споры, уж очень много мудреных слов... Но чем больше встречалось непонятного, тем больше вырасталось желание понимать.

Пришла пора, когда Грише стали давать поручения. Простые поручения: отнеси, принеси, передай, отведи, последи и сообщи, что увидел... Проходил месяц, другой, и поручения усложнились. Теперь Гриша сам печатал кое-что из «крамольного». Печатал и распространял пахнущие свежей краской листовки.

Миновал год. Одпалды на маевке, устроенной подпольной социал-демократической организацией, Гриша издали увидел в толпе Ларису Петровну. Во всяком случае, он был уверен, что это она. Но странное дело; по окончании собрания попытался найти — будто сквозь землю провалилась его сердечная и добрая спутница. Так и не нашел.

Рос Григорий, давали ему все более ответственные поручения, множились и опасности... Случалось уходить из цепких полицейских лап, отбиваться от шпиков... Окреп он и телом и духом, стал собранным, осторожным, готовым к любым неожиданностям. В апреле 1914 года прямо в типографии жандармы арестовали шестерых рабочих, в их числе и Григория Анджиевского.

Удивительное дело, — не было ни испуга, ни страха, когда он оказался в тюрьме. Может быть, иначе бы все это выглядело, окажись он в одиночестве. Но рядом в камере были товарищи. Держались они спокойно, с достоинством и защищали себя так, что сначала следователи, а потом судьи белели от бешенства.

В тюрьме был устроен настоящий университет. Каких только лекций не прослушал Григорий! И не он один, конечно. Главными предметами бесед была история России, экономика, не говоря уже о политике в самом широком понимании этого слова. Гриша как-то поймал себя на мысли, что голова его хранит разрозненные знания: они существовали сами по себе. И только здесь, в тюрьме, началась настоящая и серьезная учеба.

Увы, о «большевистском университете» в тюремных камерах проникнула администрация. Чтобы пресечь влияние «крамольников» на «юные умы», Анджиевского и его ровесников оторвали от товарищей и разбросали по разным городам.

Григория отправили в Темрюк, а оттуда этапом переслали в украинский городок Богодухов, на родину отца. Почему именно этот город избрала царская охранка, Григорий понять не мог. Но как бы там ни было, Анджиевскому повезло. Следователь не сумел собрать улики, достаточных для того, чтобы отдать несовершеннолетнего юношу под суд. Угрозы, шантаж, обещания «смягчить участь» — ничто не действовало на Григория. Сокрушать доводы жандармерии он научился в том же тюремном университете.

— Я ни в чем не повинен. Ни в чем, — твердил Анджиевский. — Вы пользуетесь силой. Незаконно действуете... Я знаю свои права.

— Научился? Где научился? — орал следователь.

— В типографии, господин жандарм. Хочешь не хочешь, а

читать приходится многое. Даже, извините, по римскому праву.

Анджиевского выпустили из тюрьмы и тотчас же взяли в солдаты, хотя ему не исполнилось тогда и семнадцати лет. Но Анджиевский был высок, плечист — выглядел на все двадцать. Поэтому жандармы и прибавили ему в бумагах столько лет, сколько пришло в голову. Лишь бы отправить «неблагонадежного» под германские пули.

ПРИГОВОР: «СМЕРТНАЯ КАЗНЬ»

1

В октябре 1914 года Григорий Анджиевский попал в Корсунский полк, который вскоре отправили на фронт. Молодой солдат прибыл в часть с особо секретным указанием:

«Неблагонадежен. Требуется строжайшего надзора».

Григорий начал свою «неблагонадежную деятельность» с малого: стал читать письма неграмотным солдатам. Но по-разному можно читать их...

— Гриш, а Гриш... Почитай-ка, браток. — Солдат саженого роста смущенно топтался на месте и протягивал Анджиевскому засаленный измятый конверт. — От супружницы, а что там... бог ведает. Азбука — темный лес для меня.

Григорий об этом знал. Он успел сойтись со своим тезкой — Григорием Хлебным. Они были земляками. Вернее, им так захотелось считать. Григорий Хлебный жил на Тереке и называл себя «терским казачишкой» (обеднял, оскудел хозяйством, потому и попал в пехоту), а Темрюк, хотя и далековат был от Терека, все-таки юг. С просьбой почитать ему послания-отчеты о делах хозяйских жены Хлебный обращался постоянно и всегда смущался при этом.

— Чего опять чепешь затылок? — удивился Анджиевский. — Я же всегда с удовольствием... — И протянул руку за конвертом. — Давай сюда.

Была ночь. Стрельба прекратилась. Только изредка с немецкой стороны баловались ракетами. Оба Григория с трудом немалым устроились около коптилки, сделанной из снарядной гильзы малого калибра, и начали чтение, вернее, разбор ребусов-каракулей казачки, немного опередившей в грамоте своего мужа. Слова часто не имели окончаний, не хватало почему-то гласных, не было ни одного знака препинания...

Долго разбирали сначала поклоны — их около двух десятков. Наконец, добрались до сути дела:

— «А Жогин сын дал спаси его христос еще мешок муки говорит отработаешь летом»...

— Это кто Жогин? — спросил Григорий и вдруг заметил, как посуровело лицо Хлебного и зажглись гневные искорки в его глазах.

Анджиевский понял без слов. Он вскользь заметил, что такие, как Жогин, — первые царские слуги, — на них сколько ни работай, все им мало.

— Это почему же так? — резко спросил Хлебный.

— Не все равны, браток. Или ты дпте малое? Слушай дальше: «...а телка подохла мы ее прирезали едим Дотянем Зорьку до весны не знаем». Может, Жогину о корове-то прописать? — обратился к расстроенному солдату Анджиевский. — Глядишь, поможет сеном. Весной коровенка перейдет к нему на скотный двор, зато жива останется.

— Ошалел ты, парень, как я погляжу, — отозвался Хлебный.

— Пока что в здравом уме. Это вы сердобольные к жогинным. Он вам зимой мешок, вы ему потом десять. Кто из нас ошалелый, поразмысли?

Григорий Хлебный пожевал губами, напряг скулы. Анджиевский хорошо понимал, что творится в душе казака.

— Ну... читай, прод.

— Читаю. «Анка кровпнушка наша все в услужепни хорошая ей попалась учптелка душевная пет пет гостпнцев ребятишкам посылает не обпжает Анку».

Григорий прервал чтение, настороженно спросил Хлебного:

— Сколько лет твоёй Анке?

Имя дочери казака Хлебного напомпало ему вроде бы и не такую давнюю и в то же время очень далекую встречу на железной дороге. Даже душа потеплела от этих воспоминаний.

— Тебе по документам двадцать третий идет, ежели я не запамятовал, а дочке моей девятнадцать скоро исполнится, — с хмурой улыбкой ответил казак и ворчливо добавил: — Вроде тебя, молодая да вострая. Все она знает, все ей ведомо, не то что родителям.

— Хороша дочь! Но откуда у ней все берется? Работает, кажись, прислугой...

— То-то и оно, что в услугах. Учптелка у ей — золото баба. Из етих... как их там пропечатывают. Из социалистов будуть...

Анджиевский широко раскрыл глаза от удивления. Казак Хлебный хорошо знает, что Анка его работает у человека, которого могли в любую минуту арестовать. Не понимает, чем это может кончиться для Анки?

— И не боишься за дочь?

— Пытался вернуть домой. Сколь раз пытался. И слушать не желает. У ней теперьча своя путя, кусок она теперьча отрезанный. Так-то вот, землячок.

— Значит, по плохому пути пошла дочка-то, а?

Хлебный зверовато глянул на Григория и вдруг поднес огромный кулачище к его носу.

— Видал такую штуку?

Анджиевский, невольно отшатнувшись, усмехнулся, но ответил спокойно:

— Еще бы не видеть. Поди, полпуда весом?

— Может, и пуд, не вешал. Стукну — сразу отобью охоту вынюхивать.

— Все? Прибавить больше ничего не желаешь?

— А чево тебе прибавлять? — в свою очередь удивился Хлебный, неохотно опуская кулак.

— Мне-то, может, и за глаза твоего кулака хватило б... Да ведь кулаки-то надо в ход пускать с головой. Если б ты Жогина стукнул — другой резон. Живоглот, мироед, эксплуататор...

— Ишь как шпарит! — Григорий Хлебный не мог скрыть уважительного своего удивления. — Поди, сродственников той учительки? Или так болтаешь, лишь бы язык чесать?

— Чудак человек. Тебе все разжуй да в рот положи. А своя-то голова зачем? Покумекай, что к чему, тогда и разберешься, кому под нос кулак совать.

Письмо они дочитали мирно. Потом сочиняли ответ. После неизменных поклонов «сродственникам» Анджиевский писал под диктовку Хлебного, несколько изменяя и слова и сам тон письма.

«Рот, разлюбезная моя, зааря не разевай. Тот мешок муки отнеси обратно Жогину. Пойди на хутор к куму Кондрату и от моего имени попроси меру-другую ржи иль пшеницы. Он не откажет. Сама и смели. И отдашь Кондрату ту же меру-другую. А этому сердобольному Митьке передай, чтобы не совался со своей помощью, ежели он не хочет дело иметь со мной, когда возвращусь в свои края. Сколько весят мои кулаки еще в пору, когда казаковали вместе парубками, Митька Жогин распознал, поди».

Григорий рассмеялся — быстро тезка сообразил. А тот лишь глаза скосил в его сторону.

Дальше вперемешку с мужниными наставлениями в письме Анджиевский осторожно проводил мысль, что, если бы все солдатики единым гуртом собрались да помогли друг другу в суровую пору, таким, как Жогин, можно и по шапке дать.

«Сходи к Матрене, к Аксинье, а с ними вместе к Маруське Воронихе, к Гашке Поповой, потом к Надежде Саблиной. Сама дальше сообрази, тебе там виднее. Если надо, поделитесь друг с другом, чем можете, оно куда легче станет жить, помни мое слово. И не отступай, коли что, я тебя плохому не научу. Крепче друг за друга держитесь, иначе беды вам всем порознь никак не миновать».

Григорий Хлебный попросил перечитать письмо. Читал Анджиевский с расчетом, чтобы их слышали соседи. А они слушали его внимательно. Казак подивился тому, что услышал (вроде бы тоже самое, что он диктовал, а смысл чуть-чуть другой). Хлебный подумал малость, пожевал губами, что-то соображая, а кончилось тем, что он одобрительно хлопнул Анджиевского по плечу и сказал многозначительно:

— Ну-ну. Дай-то бог, чтобы и там кумекать начали.

— Кумекать всем не мешает,— согласился с ним молодой солдат.

2 14

В среде своих трудно утаить мысли. Впрочем, Анджиевский особенно и не тайлся, тем более от тех, с кем хотел сблизиться. Он стал своим человеком в батальоне, к нему искренне тянулись товарищи по окопам. Григорий Анджиевский охотно читал письма, охотно отвечал на них, ни на минуту не забывая своих политических целей.

Худо было без единомышленников. Потому и пришлось их искать, выявлять, но больше самому готовить. Людей, ненавидящих войну, голод, бесправие, становилось все больше. Потихоньку да полегоньку вокруг Анджиевского собирались одинаково мыслящие, сочувствующие. Ядро росло, крепло.

Однако тайное скоро стало явным. Весной 1915 года командованию донесли: в полку действует подпольная социал-демократическая организация.

— Неужто этот... тонколицый молокосос? — удивился командир полка, выслушав полкового священника, который заподозрил в Анджиевском социалиста.

— Не в лице тонком суть. Вгляните, ваше высокоблагородие, на глаза. Яко у дьявола горят.

Командир полка покосился на священника: везде батюшке черти мерещатся.

— Подозрения — дым. Факты нужны, доказательства. Вот бы и взяли на себя труд. Дело господа богу угодное,

— Оно и пожалуй... — согласился батюшка.

Подобрав длинные полы рясы, священник ушел.

Анджиевский не сразу заметил за собой слежку. Когда подпольная организация выросла, Григорий стал искать связи с другими подпольщиками. Шустов и Власов, его типографские наставники-марксисты, говорили, что ленинцы будут и на фронте.

Нужна была связь, нужна литература, координация действий. Но у солдата воробьиные права, даже на час отлучиться невозможно. А тут связист крутится вокруг Анджиевского, лезет с душевными разговорами, жалуется на «мировое». Едва не доверился ему Анджиевский. Но товарищи спасли. Связист оказался агентом батюшки. С этим агентом «случайно» произошло несчастье — подорвался на mine.

— Бог наказал, — мудро комментировал событие Григорий Хлебный. Дружба с ним у Анджиевского все крепла. Одно за другим отправлялись в деревню письма.

Именно письма едва не погубили Анджиевского. Один из его «душевных ответов», как называли письма сослуживцы Анджиевского, попало в руки цензора. Это уже не «дым», а факт, доказательство...

В 1915 году по закону военного времени за агитацию против войны Анджиевского предали военно-полевому суду.

«Смертная казнь» — был приговор суда.

И вдруг внезапная и жестокая атака немцев. Расстрелять Григория не успели, не до того было. Разгорелся бой, в котором Анджиевского тяжело ранило. Санитары приняли его за мертвого. По их заверениям, солдат не дышал, а живот его был распорот «от края до края»...

От них потребовали письменный рапорт. Санитары его написали, и пошел он гулять по инстанциям. Ржавый аппарат военной администрации работал медленно, и все-таки бумага победила: «неблагонадежного», зараженного социализмом солдата Анджиевского, наконец, списали «в расход».

— Не дым, а факт, ваше высокоблагородие, — комментировал событие полковой священник. — Убыток, с благословения божия, можно и в приход записать...

Истекавшего кровью Григория Анджиевского подобрали местные жители. Ни госпиталей, ни больниц поблизости не было, пришлось держать его дома и лечить «своими средствами». Анджиевский начал выздоравливать и вскоре пристроился в проходивший через местечко санитарный обоз. В лазарете он назвался солдатом воинской части, которая незадолго перед тем была полностью разбита и отведена на переформировку.

Из лазарета после выздоровления Григория Анджиевского

направили в 113-й запасной пехотный полк, где формировались маршевые роты. К счастью, «нежные объятия полковника Соколова», как именовался у местных острословов свирепый режим полка, длились не так уж долго.

ШКУРО

1

Нелегкая задача стоять во главе окруженного, осажденного и, в сущности, обреченного города. Сергей Мионович Киров как-то на прощанье заметил:

— Чем-то вы, Григорий Григорьевич, на Дзержинского похожи?.. Что вас роднит — не пойму?..

Анджиевский смутился.

— Что вы, Сергей Мионович. Мне как до неба...

— Пожалуй, неистовой верой в правоту своего дела и страстью... — продолжал свое Сергей Мионович. — Ну конечно!.. Люблю Дзержинского, Григорий Григорьевич. Преклоняюсь!

А молодой председатель Совета слушал этого неутомимого человека, который неизвестно когда спал, ел, отдыхал, который соткан был из энергии и взрывчатой силы, и думал: «Как будто сам без страсти и огня. Шуганул врагов, разметал вокруг... Сам ты неистовый...»

...Шкуро продолжал открыто собирать казачьи сотни, формировать отряды. Цель этого формирования хотя и не была ясна Пятигорскому Совету, но настроение казаков не представляло тайны: они в большинстве своем не признавали Советской власти.

Шкуро арестовали. Анджиевский решил допросить его лично.

— Вы создаете казачьи отряды. А цель? Для того чтобы воевать за нас или против нас?

Перед Анджиевским сидел казачий офицер, невысокий, крижистый, с жестким, но смелым лицом. В ответе его прозвучала горечь:

— Для того чтоб спросить меня о намерениях, можно было бы и не арестовывать.

— Вы не отвечаете на вопрос.

— На какой вопрос?

— За кого вы собираетесь воевать?

— За свободную, демократическую Россию.

— Вот как!

Анджиевскому было известно, что офицер в прошлом пользовался славой левого, о нем рассказывали порой невероятное. Будто бы Шкуро ненавидел царя. Ему же приписывали слова: «Я хочу свободы для всех...»

А близко знавшие Шкуро, когда-то служившие в одних с ним частях считали его карьеристом.

Как распознать душу этого есаула? Революция могла поднять и муть, годами копившуюся в тайниках души, но могла задеть и самые чистые, благородно звучащие струны.

Председатель молча всматривался в лицо сидевшего в непринужденной позе офицера. Он не прятал глаз, а смотрел прямо, без тени страха и беспокойства. Что это? Смелость честного человека или ловкость изворотливого врага?

— Как прикажете понимать слова о «свободной демократической России?» Вас, кажется, не устраивает свобода, провозглашенная Советской властью?

— Вам, уважаемый товарищ председатель, не больше двадцати лет. От силы могут дать двадцать три...

— Что из этого следует?

— А то, что я постарше вас и надо представить тот путь, по которому я шел... Который я прошел... Да, я не большевик. Но за Россию готов голову сложить. Мне пока неизвестна философия Ленина, но я твердо говорю вам: к старому возврата нет.

— Bravo! Ваши взгляды достойны одобрения. И все же вы играете с огнем. В Пятигорске и его округе — Советская власть. Вы без ее ведома организуете воинские подразделения. Вас спрашивают прямо: зачем? Вы ловчите, напускаете туману... Поэтому я склонен думать: вы — враг... Вас необходимо расстрелять.

— Я смерти не боюсь. — Шкуро поднялся и с достоинством одернул мундир. — За Россию можно и жизнь отдать. Можете меня расстреливать.

Анджиевский приказал увести арестованного. Он чувствовал, впрочем, почти знал: Шкуро — враг, его нужно передать в трибунал. Но прежде решил посоветоваться с Совнаркомом Терской республики, находившимся во Владикавказе. Оттуда последовало распоряжение доставить Шкуро во Владикавказ.

Анджиевский распоряжение выполнил.

Во Владикавказе Шкуро сумел убедить ответственных работников Совнаркома в том, что никогда не выступит против Советской власти. Он дал в том офицерское честное слово.

В этот год, первый год торжества революции, сколько было дано подобных честных офицерских слов... Им, тем словам,

верили. Запросто, от души верили. Случалось, что не ошибались. Но таких, кто нагло обманывал, пользуясь доверчивостью «красных комиссаров», было слишком много. И вот что удивительно. Те же самые комиссары, которых не раз обманывали, упорно продолжали искать в золотопогонниках человеческое, светлое, снова отпускали офицеров под «честное слово», надеясь, что жизнь образумит их. И лишь после того как тысячи раз встречались оборотни, сделалась Советская власть по отношению к предателям сурова.

Шкуро освободили, поставив ему условие: без ведома Совнаркома ни да шаг из города. И опять же под честное благодарное...

А спустя несколько дней, подкупив какого-то возчика угля, Шкуро переоделся в грязный костюм чернорабочего и выехал из Владикавказа. Он прибыл к Деникину, получил чин полковника и теперь открыто стал формировать отряды для борьбы с Советской властью. Во главе казачьих сотен он вскоре появился под Пятигорском. Своей ненависти к Советской власти он теперь не скрывал.

2

Терское казачество восемнадцатого года... Это была единственная реальная сила, на которую могли опереться такие, как Шкуро. Только ненадолго. Казачество не было единым, монолитным, каким хотелось видеть его контрреволюционному офицерству. Война, кровь, разруха многим открыла глаза. Процесс, правда, шел медленно, но неумолимо. Неизбежность расслоения начали понимать даже офицеры-монархисты. Поняли они и другое: войну можно проиграть, если не найти для белого движения опору более мощную, чем казачество.

Эту опору враги Советской власти довольно скоро нашли в лице капиталистов Англии, Франции и Америки, не делавших тайны из своей заинтересованности в победе контрреволюции в России. Тогда казалось, что желанная победа совсем близка. Капиталистов прельщали богатства юга России, богатства Северного Кавказа. Сюда текло оружие, боеприпасы, обмундирование, продовольствие...

Юг России и Северный Кавказ представляли собой жирный кусок. Между Англией и Америкой разгорелась тайная борьба за влияние, борьба яростная, ожесточенная. Англичане действовали из Баку, насаждая так называемые «Организации английского влияния». Американцы же обосновались в Одессе, откуда щупальца резидента Риггса достигали и севе-

рокавказских городов, получивших мировую известность из-за минеральных источников.

И эти щупальца нашли, что искали. Подобрались к самому сердцу в Пятигорске — к Совету, вернее, к его военным силам.

Зажатый в кольцо и с точки зрения военной тактики обреченный на гибель красный Пятигорск, однако, существовал. Невелики были его силы, по казачьи наскоки он успешно отражал.

Этот город стал опасен для белогвардейцев — красный флаг Пятигорска был далеко виден. Не помогла борьба в открытую, решили разделаться с большевиками тайно.

ПРЕДАТЕЛЬ

1

Заседание исполкома началось ровно в шестнадцать ноль-пять. Анджиевский сам был точен и требовал точности от других. Когда дверь закрылась за последним из приглашенных, председатель встал. Он был подтянут и строг.

— Товарищи! Сегодня нам предстоит обсудить сложный вопрос. Сожалею, что он не был поставлен раньше. Дело касается начальника Военно-революционного штаба Нижневясова...

Два представителя Военно-революционного штаба, члены Совета, вскочили с мест, пытались что-то возразить. Анджиевский повысил голос:

— Предупреждаю вас персонально. Наше сегодняшнее обсуждение должно остаться в тайне. За его разглашение вы несете суровую ответственность. Прошу также и членов исполкома не распространяться об этом заседании, чтобы не вызывать кривотолков.

Анджиевский обернулся к собравшимся, взглянул на военного комиссара Янышевского, уставившегося тяжелым взглядом на представителей Нижневясова, и хотел сказать ему несколько слов, но не сказал. Будто решив что-то для себя, продолжал:

— Наш Совет, товарищи, если говорить откровенно, остался без военной поддержки. Мы не можем больше опираться на Военно-революционный штаб, потому что он вышел из подчинения Совета. Будем смотреть правде в глаза: руководители штаба нас предали...

Один из штабистов снова вскочил и высокомерно заявил:
— Мы не намерены выслушивать оскорбления. Я решительно протестую!

У Анджиевского побледнело и без того бледное лицо — еще давали знать тяжелая рана, огромное напряжение, недоедание, бессонные ночи... Он заговорил гневно:

— Вы находитесь на заседании исполкома. Вы будете слушать все, что здесь говорится. А если станете мешать нашей работе, мы применим силу. Вы здесь представляете не Нижевясова, а воинское соединение, подчиненное Совету.

Представитель штаба не ожидал столь решительной отповеди и не нашелся, что ответить. Угроза Анджиевского не была пустым звуком, уж это он хорошо знал.

— Подробности доложит военный комиссар Янышевский.

Председатель Совета сел, наклонился к своему заместителю Пащенко, что-то стал говорить ему.

Поднялся военный комиссар.

— Обстоятельства, товарищи, таковы, что нам с вами надо все основательно взвесить. — С высоты своего роста Янышевский глянул на штабистов. — Нижевясов даже не явился на заседание исполкома, а ведь мы вызывали его трижды. Он явно не подчиняется Совету депутатов. В городе теперь два хозяина: Совет и Военно-революционный штаб. Нижевясов хочет стать полновластным диктатором в городе, поднять под себя Советы. По нашим сведениям, он замышляет расправиться со всеми, кто будет мешать ему.

В зале зашумели. Янышевский поднял руку, вытащил из кармана гимнастерки лист бумаги, развернул его.

— Нам с вами, товарищи члены исполкома, надо знать настоящее лицо Нижевясова...

— И в самом деле: кто он такой? Мы его мало знаем...

— Правильно, мало. Вот сведения, которые нам удалось собрать. Многие в его биографии еще неизвестно. Нижевясов в прошлом унтер-офицер, человек беспартийный и нежелающий быть коммунистом. Начальником Военно-революционного штаба он назначен еще при меньшевистско-эсеровском Совете. После Второго съезда народов Терека, то есть после ликвидации Гражданского исполкома и городской думы, Нижевясов остался у власти. Мы почему-то не придали этому значения и ограничились только принятием присяги всех войск гарнизона. Теперь нам ясно, что мы ошиблись...

В это время Пащенко встал и заспешил к выходу. Янышевский и некоторые члены исполкома проводили его глазами. Забеспокоились штабисты, хотели уж устремиться вслед

за заместителем председателя, но гневный взгляд Анджиевского остановил их.

Тревога повисла в зале. Выступление комиссара окончательно обрисовало облик Нижевясова. Враг. Умело замаскированный враг. Не идеи, не принципы руководят действиями Нижевясова. Властолюбие — вот его бог. Ему, в сущности, все равно, кто стоит у власти: буржуазия или рабочий класс, лишь бы ему, Нижевясову, жилось хорошо и вольготно. Глядя на своего руководителя, не очень ограничивали себя и штабисты — «хлопцы» Нижевясова. Они творили, что хотели: самовольно устраивали обыски, забирали ценные вещи под видом реквизиции, похищали драгоценности, производили аресты, расстреливали без суда неугодных им людей, пьянствовали.

И как долго скрывали, как ловко заматали следы... Только недавно все это раскрылось. Нижевясова решили поправить, надеясь, что он возьмется за ум. От начальника штаба потребовали дополнительной присяги.

Эта церемония состоялась в Народном доме. Нижевясов от имени штаба заверил Совет, что будет верно служить Советской власти. Но ничего не изменилось. Тогда Совет назначил перевыборы штаба. В те времена командиры избирались на общих митингах. Накануне перевыборов приближенные Нижевясова соответственно обработали бойцов: одних спойли, другим пригрозили расправой.

Выборы начальника штаба превратились в пьяный гвалт.

— Нижевясова хотим!..

— Дашь батьку!

— Голосуй, братва!..

А Нижевясов, сидя на стуле на краю казарменного плаца, со скучающим видом чистил ногти. Начали голосовать. Нижевясов снова был избран начальником штаба.

Обыски и расстрелы не прекращались. В исполком поступали десятки жалоб на самоуправство штабистов.

Однажды произошла чудовищная провокация. Нижевясов распорядился начать орудийный обстрел казачьей станицы Горячеводской, требуя сдачи оружия. Это была дикая выходка зарвавшегося авантюриста. Обострить отношения с казачеством — значило сознательно совершить политическую ошибку.

Нижевясов ничего не добился: ему несли старое и негодное оружие.

Такая же история повторилась на следующий день в станице Ессентукской. Весть, что Советская власть выступает против казачества, облетела все окрестные станицы. В отряды Шкуро потянулись группы казаков.

Черное пятно легло на Советскую власть: ведь Военно-революционный штаб — один из органов Совета рабочих и солдатских депутатов.

Все эти события и заставили обсудить создавшееся положение на исполкоме.

После выступления комиссара опять поднялся Анджиевский.

— Надеюсь, исполкому все ясно. Мы должны принять решительные меры. Прошу предлагать конкретно, какие именно?..

— Ломать надо эту лавочку. — Янышевский в гневе пристукнул кулаком по столу. — До каких пор с ними нянчиться?

— А где сила? Вы сами знаете, что Совет распоряжается одной гаубичной батареей и пулеметной командой при ней. А в подчинении Нижевясова более трех тысяч штыков. Да кроме того — артиллерия.

— Ничего, — стоял на своем Янышевский, — не страшно, если арестовать Нижевясова и его ближайших помощников. Только сделать это надо быстро...

Янышевский не договорил. Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Нижевясов с маузером в руке. Он был похож на опереточного героя: генеральские лампасы, весь обвешан оружием, ремни, бинокль, шашка, огромные шпоры.

— Руки в гору! — пьяно гаркнул он. — Это что же такое, почтенные заседатели? Против самого Нижевясова поперли?

Начальник штаба мутными глазами оглядел присутствующих и вдруг заметил своих подчиненных:

— И вы здесь? А ну, брысь отсюда!..

Оба представителя штаба, словно провинившиеся гимназисты, устремились к двери. За ними последовал и Нижевясов. Он пытался к выходу, настороженно следил за каждым движением заседавших. Переступив порог двери, резко захлопнул ее. Было слышно, как он гремел ключом в замке, а потом давал инструкции часовым, которых сейчас же поставил к двери. Главным в этой инструкции было: стрелять в арестованных при малейшей попытке к бегству. «Арестованные» — это члены исполкома. Если будет нарушен его приказ, он, Нижевясов, собственноручно расстреляет часовых.

— Ах, черт возьми! Чужало мое сердце, — с гневом и досадой сказал Анджиевский. — Не успел Пашенко. А ведь эти двое знали. Знали, сволочи... И хоть бы слово.

Он вскочил, устремился к двери, но Янышевский решительно преградил ему дорогу.

— Нам председатель нужен живой... Никакого интереса любоваться на труп.

Анджиевский отошел от двери.

— Значит, предательство в чистейшем виде,— с болью скавал он.— А мы... миндальничали с прохвостом...

— Иуда он, — спокойно уточнил Янышевский. — А прохвост — это который по мелочи...

— Уточнение, конечно, существенное,— усмехнулся Анджиевский.— Ну, что, товарищи? Смерти ждать или действовать?

Он устремился к телефону.

— Срочно Владикавказ! Немедленно! Председателя Совнаркома Буачидзе.

Пока телефонистка соединяла, Анджиевский отдавал распоряжения:

— В книжном шкафу гранаты. Быстро. За шкафом две винтовки... Столы — к двери. Придвигай. Проверить оружие! Подсчитайте патроны. Янышевский, следи... Совнарком?! Срочно Буачидзе! Анджиевский говорит!

Члены исполкома дружно готовились к обороне, а Григорий Григорьевич докладывал обстановку:

— Надо немедленно ликвидировать мятеж, пока о нем не узнал Шкуро и другие. Да, да... Есть сведения о связи с Баку и Одессой... Ждем, товарищ Буачидзе... Ну, не так страшен черт, как его малюют. До последнего патрона будем драться. Кончатся патроны пустим зубы в ход... Не в нас лично дело... Ждем вас, ждем!

2

Председатель Терского Совнаркома Буачидзе с отрядом приехал в Пятигорск на бронепоезде. Следом прибыл еще один бронепоезд.

Нижевсов узнал об этом, когда оба бронепоезда стали на станции и грозно зашевелили орудиями. Он струсил и приказал отпустить арестованных исполкомовцев. Анджиевский немедленно направился на станцию, но с удивлением услышал, что Буачидзе прямо с вокзала на извозчике помчался в казармы, в самое логово врага.

Это был отчаянный шаг бесстрашного человека: с браунингом против пулеметов и пушек! Буачидзе арестовали, начали издеваться над ним и едва не учинили самосуд.

Об этом узнал Анджиевский. Он тут же послал к Нижевсову нарочного с письмом.

«Если с председателя СНК упадет хоть один волос,— писал он,— бронепоездам будет приказано снести казармы. Опомнитесь, Нижевсов, пока еще не поздно. Неужто с двумя полка-

ми вы думаете разгромить Советскую власть? Раздавим, как щенка».

Вслед за письмом Анджиевский отправил записку членам штаба Ярышеву и Коррасу. Оба эти штабиста как-то ночью явились в Совет и предупредили председателя, что к Нижевясову зачастили какие-то приезжие из Баку.

— Дело нечистое, — утверждали они.

Анджиевский знал, что Ярышев и Коррас в прошлом офицеры. Подозрительно тогда отнесся к их сообщению, а зря... Сейчас требовалась их помощь в подавлении мятежа.

В записке Анджиевский просил, чтобы они постарались немедленно спрятать все оружейные замки. Еще не поздно избежать кровопролития.

Через полчаса прискакал рассыльный.

— Буачидзе свободен. Но уходить из казармы решительно отказался.

— Молодец! — не удержался от восклицания Анджиевский и рассмеялся: — Поем мы песню безрассудству... И ведь сломит, сломит, черт упрямый.

А еще через несколько минут прибыли Ярышев и Коррас.

— Ваше приказание выполнено, — доложили они. — Часть оружейных замков спрятали в надежном месте, несколько замков привезли сюда.

— Спасибо. Как Буачидзе?

— Агитирует.

Анджиевский с небольшим отрядом устремился в казармы. К его приезду Нижевясова уже отправили на бронепоезд со связанными руками под охрану начальника штаба Терской Красной Армии Сидорова. Единомышленники Нижевясова, бросившись к орудиям, орали:

— Расстреляем! Сотрем в порошок! С пылью смешаем!

Но орудия стояли без замков; и приспешников Нижевясова похватили.

— За фунты и доллары продались, сволочи! А мы-то вам верили! — негодовали бойцы.

Была попытка учинить самосуд, по его вовремя приостановили. Дружки Нижевясова многое знали и многое могли сказать. Заговор еще только начал раскрываться. В Баку и в Одессе орудовали далеко не мальчики, и не так-то просто было вывести их на чистую воду, разгадать их подлые замыслы.

В подразделения были направлены агитаторы — надо было знать, как глубоко зашло разложение войск. И убедились: есть растерянность, но не предательство. Войска верны Советской власти. Никто не знал и не догадывался о подлостях Нижевясова, о его связях с Баку и Одессой.

— Военно-революционный штаб создан для защиты Советской власти, а он выступил против нее,— разъяряли агитаторы бойцам.— Нижевясов предал народ и открыто перешел на сторону буржуазии. Что делать с таким перебежчиком?

— Смерть предателю! — постановили бойцы.

В ту же ночь Нижевясова и двух офицеров, пробравшихся в отряды красных войск с определенным заданием, по приговору ревтрибунала расстреляли.

Мятеж был ликвидирован.

3

Анджиевский распорядился начать переформирование частей...

Вскоре Совет имел подвижные и дисциплинированные боевые отряды. Но боеприпасы... Их подвозили в Пятигорск по узкому коридорчику через Святой Крест из Центра. А если эту тоненькую артерию перережут?

Вопрос о боеприпасах стал самым злободневным, и Анджиевский вынес его на экстренное заседание Совета.

— Как ни думай, ни гадай, городу необходим патронный завод.

— Но где строительные материалы? Где металл для изготовления патронов?

Возражений была уйма.

— Мы думали об этом,— спокойно отвечал Анджиевский.— Под завод можно приспособить трамвайный парк. А металл... Он на улице, во дворах, в домах. Огромное количество металла. Есть и другая мысль. Два миллиона гильз лежат в Георгиевске. Их надо добыть.

Назавтра была объявлена «железная неделя». Начался сбор металлолома. Срочно переоборудовался трамвайный парк.

В небольшом городе, самой природой созданном для отдыха, в красивейшей долине пяти гор, младших сестер Главного Кавказского хребта, был создан патронный завод. Он стал выпускать до двухсот тысяч патронов ежемесячно.

— Да боже ты мой! — фыркал с презрением обыватель.— Плюнь в вас Депкины — потонете и с вашим патронным заводом...

— Плевал, да не вышло,— возражали те, кто с надеждой взирал на большевиков.

— До поры до времени не выходит. Раздавит вас Деникин, помяните мое слово.

— Э-э, цыплят по осени считают...

Расстрел предателя Нижевясова вызвал негодование тех, кто делал ставку на пятигорского наполеончика. Меншевики и эсеры подняли скандал. Политику Совета называли головатяпской. Анджиевского обвинили в кровожадности, деспотизме, в попрании демократии, в том, что он якобы порвал с марксизмом. Именно потому и не допускает он к управлению городом представителей других левых партий. Большевик Анджиевский метит в диктаторы. Словом, враг действовал по принципу: вали кулем, потом разберем.

Такие нападки не трогали Анджиевского. Иное смущало его. Товарищи упрекали, что он не желает привлекать на свою сторону демократически настроенное офицерство.

И это было правдой. Офицерам Анджиевский не верил. Слишком тяжки были его фроптовые воспоминания, чтобы начать улыбаться золотопогонникам, от деспотических кулаков которых чудом уцелели его зубы и его жизнь.

Но вот Ярышев и Коррас... Не оценить их Анджиевский не мог. Неужели он и в самом деле перегибает палку?

Думы и сомнения не давали покоя. Почта в Пятигорск приходила с огромным опозданием, газеты из Центра поступали редко. А как там в Центре?

— Надо ехать к Ленину, — решил Анджиевский. — Нельзя работать с сомнением в душе.

13 мая 1918 года, вскоре после ликвидации нижевасовского мятежа, Григорий Анджиевский вместе с несколькими товарищами, пятигорскими большевиками, отправился в путь. Стояла жара, еще не набравшие полной силы листья деревьев пожухли, обвисли, но зато полыхали багровым цветом розы и маки на пригородных огородах. Долгие годы войны не могли истребить в человеке стремление к красоте...

Москва, суровая, голодная, но гордая своей исторической несокрушимостью и революционным духом, встретила южан грозным маршем отправляющихся на фронт колонн. В столице Анджиевский почувствовал себя столь малой песчинкой, что как-то в первые часы потерялся. Это ощущение потерянности длилось до той поры, пока Григорий Григорьевич не оказался в Кремле. Никогда ему не доводилось бывать за этими древними стенами, но, странное дело, стоило ему переступить этот порог святилища царей в прошлом, ставшего ныне центром народной власти страны, как пришли к Анджиевскому и уверенность в себе и бодрость духа.

Человек в полувоенной форме, появившийся незаметно, тихо произнес:

— Прошу, товарищ Анджиевский, Владимир Ильич ждет вас.

Анджиевский вздрогнул. Лицо его теперь было не таким бледным, как зимою, оно успело загореть под южным солнцем и обветриться от южных суховеев. Только глаза по-прежнему смотрели остро, испытываяще на все, что видели вокруг. Суровые годы детства и юности сделали лицо резким, мужественным, будто опаленным.

Григорий Григорьевич привычно откинул волосы со лба, выпрямился. Он был высок, силен, скуп в движениях. Преодолевая волнение, переступил порог.

Ленин что-то торопливо писал, чуть склонив голову к плечу. Вот он поднял глаза, ласково прищурился и задержал взгляд на председателе Совета.

— Григорий Григорьевич Анджиевский?

Владимир Ильич встал и быстро пошел навстречу. Анджиевскому почему-то стало неудобно, он заторопился к Ильичу и прямо на ходу поймал его теплую, крепкую руку.

— Здравствуйте, дорогой Владимир Ильич.

— Здравствуйте, Григорий Григорич. Садитесь, пожалуйста, вот сюда, поближе.— Ленин указал на кресло.— Давно в Москве? Как вы устроились? Где остановились?

— Вчера прибыли, Владимир Ильич... Устроились замечательно.

— На вокзале? Угадал?

Анджиевский смешался.

— Да что вы, Владимир Ильич! Во втором Доме Советов.

— Вот и отлично! — успокоился Ильич.— Там хоть кор-
мат сносно.

Владимир Ильич уселся поудобней, придвинул к себе блокнот и требовательно, неторопливо сказал:

— Рассказывайте, Григорий Григорич. Что делается на Северном Кавказе? К вам же вся контрреволюция сбегала...

Анджиевский, сдерживая волнение, начал рассказывать о том, как пятигорские большевики боролись за власть, с какими трудностями пришлось встретиться, когда проводили в жизнь первые декреты Советской власти. Подробно остановился и на мятеже Нижегородова.

— Мы допустили ошибку, Владимир Ильич. После прихода к власти Совета не послали в штаб по-настоящему проверенных, глубоко партийных работников.

— Правильно, товарищ Анджиевский. Но коль уж исправили ошибку, не будем к ней возвращаться.— И Владимир Ильич вдруг круто изменил направление разговора. Порывисто потянувшись к собеседнику, неожиданно спросил: — А как вы используете военных специалистов? Вы, конечно, понимаете, насколько для нас важно привлечь на нашу сторону демократически настроенное и, если хотите, революционно настроенное офицерство?

Хотя и готовился Анджиевский к разговору об офицерах, все же вопрос Ленина застал его врасплох. Он надолго замолчал и вдруг почувствовал на себе внимательный взгляд Ильича.

— Говорите откровенно. Со всей откровенностью, Григорий Григорич.

После некоторого колебания Анджиевский решительно заявил:

— Я, Владимир Ильич, не встречал у нас демократически настроенных офицеров. Все они контрреволюционеры, спят и видят нашу гибель.

Ильич бросил удивленный взгляд на говорившего.

— Так уж и все?

— Может, и не все, но... во всяком случае...— И он рассказал о Шкуро.

Ленин жестом остановил Анджиевского и, заглянув в блокнот, спросил:

— А что вы скажете о Ярышеве и Коррасе, которые помогали ликвидировать нлжевясовщину? Вы о них сами упоминали в рассказе.

— Так это же наши, Владимир Ильич! Свои...

Заражаясь порывом своего молодого гостя, Ленин встал и, коснувшись кончиками пальцев большой и тяжелой руки Анджиевского, воскликнул:

— Совершенно и абсолютно с вами согласен. Именно наши, и именно свои. И хорошо... Даже больше того... превосходно, что вы в решительную минуту прибегли к их помощи. Важен пример. Вы не оттолкнули, вы оценили.

— Они стоящие мужики, Владимир Ильич. Как военные специалисты... И вообще... Им можно верить.

— Вот видите! — обрадовался Ильич.

Ленин сел так же порывисто, как встал. Потом он наклонился через стол, потянулся руками к Анджиевскому.

— Вы понимаете, Григорий Григорич, как важно не перегнуть здесь? Очень важно!

Смущенная озабоченность Анджиевского вызвала в Ильиче добрые, почти отцовские чувства, но не могла заглушить обес-

покоенности. Правильно ли его понял, дошла ли до этого человека вся важность проблемы, уяснил ли он сложность и ответственность задачи?

И, пожалуй, больше слов сказали Анджиевскому эти тянувшиеся к нему ленинские руки.

Сжалось в груди Анджиевского. Гулко забилося сердце. Григорий Григорьевич чувствовал, как сильно, как страстно хочет Ильич, чтобы он, Анджиевский, душой и сердцем понял его, Ленина.

Но Шкуро, Шкуро! Мыслимое ли дело поверить в таких оборотней? Лживый, жестокий, продажный... Или Соколов, командир бывшего 113-го... Лиса. Сладкоречивый лжец. Вылощенный аристократ, у которого в крови презрение к черни. То есть к нему, Анджиевскому. Для Соколова он — скот, рабочая машина... Есть, правда, Ярышев и Коррас. Но много ли таких? Или все-таки есть?

Анджиевский поднял глаза на Ильича.

Ленин как-то сразу схватил этот полный муки взгляд. Схватил, посветлел лицом, но тут же нахмурился.

— Запеклась душа? — тихо спросил Владимир Ильич.

Анджиевский вздохнул глубоко, всей грудью, не таясь обпаружить смятения. Да, душа его запеклась, обутлилась. Он даже не ответил, не нужно было отвечать.

— И долго были солдатом?

— Не так долго. С четырнадцатого.

— Вы это считаете не долго? И с жандармами довелось дело иметь?

— Довелось, Владимир Ильич.

— Понимаю. Классовая ненависть. Жгучая, исцеляющая.

Владимир Ильич резко встал. Прошелся около книжной полки. Один раз, другой, третий. Потом остановился напротив Анджиевского, опять заглянул в глаза.

— Шкуро — это Шкуро. А есть, Григорий Григорич, и Ярышевы. Есть. Верю, разберетесь.

Анджиевский почувствовал, как к лицу его прилила кровь, у него даже уши запылали жаром. И даже не мог понять, отчего так. Он низко опустил голову и тихо сказал:

— Даю вам слово...

— Хорошо, хорошо, — торопливо сказал Ленин и потеплевшим голосом начал расспрашивать, как пятигорские большевики думают укреплять Советскую власть, бороться с контрреволюцией, поинтересовался настроением казаков, иногородних, расспросил о состоянии воинских частей, о построении рабочих, о продовольствии, о кадрах, технических специали-

стах. Вопросов было так много, что Анджиевскому пришлось туго.

— Значит, эсеры с подголосками к власти рвутся? — внезапно спросил Владимир Ильич.

— Рвутся. Требуют. Грозят.

— Так, так. А вы их по рукам?

— Не совсем так, Владимир Ильич. В зад коленом.

Ленин рассмеялся.

— Не очень вежливо, разумеется, но в общем по заслугам.

Щурясь, Владимир Ильич с иронией спросил:

— Поди, и курс ваш, и политику окрестили головотяпской? Так?

Анджиевский наумленно замолчал, будто споткнулся: откуда Ленину про это известно?

Владимир Ильич хлопнул руками о колени и рассмеялся.

— Вас удивляет, что попал в точку? Логика всему виной. И слышал много раз. Приемы-то меньшевиков мне знакомы.

Ленин заговорил быстро, страстно, гневно. С контрреволюцией надо поступать решительно, ни в коем случае не идти на поводу у меньшевиков и эсеров. Демагогия никогда не была признаком силы. Пусть их кричат.

Главное — и это Ленин особенно подчеркнул — надо укреплять связь рабочих с беднейшими слоями казачества и батраками — иногородними. Бедняки в союзе с середняками всегда могут помочь в борьбе с контрреволюцией...

Они говорили больше часа. Но время бежало так быстро...

И вот уже в руках Анджиевского теплая, крепкая ладонь Владимира Ильича. Что-то хотелось сказать исключительное, а слов не было. Не хватало слов. Так и ушел, ощущая теплоту ладони и раскаяние оттого, что хотелось что-то сказать, а не сказал.

ДОВЕРИЕ

1

Поезд медленно подкатил к вокзалу. Анджиевский пожалел, что не дал телеграмму в Совет о приезде. Из Москвы делегация пятигорских большевиков привезла большое количество литературы, газетной бумаги, различные запасные части, материалы, оружие, деньги. Все привезенное надо быстро разгрузить и доставить в город. Заниматься этим сейчас было некому и некогда.

«Вот ведь досада! Надо бы заранее сообщить...» — с сожалением подумал Анджиевский и легко прыгнул на перрон.

Вдруг грянул оркестр. Григорий Григорьевич от неожиданности вадрогнул. Делегатов встречали. Оказалось, весть о том, что председатель Пятигорского Совета разговаривал с Лениным, уже достигла Пятигорска. На привокзальной площади было много народу. Рабочие хотели слышать о вожде.

Возник митинг.

Анджиевский долго не мог начать свою речь. Вспыхивали нетерпеливые аплодисменты, на площадь все прибывали и прибывали люди. Волнение Григория Григорьевича возрастало. Как передать те необыкновенные чувства и мысли, которые он увез от Ленина? Как найти слова?

Наконец, Анджиевский заговорил, но не очень громко, как бы вдумываясь, вслушиваясь в собственный голос. О встрече он рассказал со всеми подробностями, не забыв описать и как выглядит Владимир Ильич. Срывающимся от волнения голосом Григорий Григорьевич говорил о борьбе рабочего класса в центре России, о решимости победить врага.

— Если бы вы, товарищи, видели московских рабочих? — комкая в руках фуражку, с болью воскликнул Анджиевский. — У всех измученные лица. Когда я им обещал, что мы приложим все силы, чтобы прислать хлеба, у них слезы выступили на глазах... Первой, неотложной задачей нашей должна быть доставка хлеба Центру. Мы просто обязаны, мы должны...

— По какому праву?! — откуда-то сбоку раздался визгливый голос.

— По праву пролетарской солидарности! — мгновенно вспыхнув, ответил Анджиевский. — Тому, кто сейчас задал вопрос, видно, не знакомо это понятие. А мы сильны, мы, если хотите, могучи пролетарской солидарностью. Слышите вы, как вас там?..

— Его зовут провокатор! Работает за тридцать сребреников, лпжет зад буржуям. Где ему знать о солидарности? — послышалось насмешливое из толпы.

Слова эти потонули в буре аплодисментов...

Сразу же после возвращения Анджиевского в Пятигорск решили направить в Москву эшелон с хлебом. Собрать такое количество зерна было нелегко. Не одну и не две экспедиции пришлось организовать в станицы, к казакам, с поклоном и с пулеметом, который, правда, ни разу не заговорил!

Хлеб отослали. Слово, данное московским рабочим, пятигорские большевики выполнили.

Встреча с Ильичем заставила Анджиевского над многим

задуматься. Он по-прежнему придерживался линии — ни в каком случае не допускать к власти оппортунистов. Все его сомнения на этот счет были рассеяны в Москве. Меншевики и эсеры после возвращения Анджиевского усилили натиск на Совет, требуя участия в управлении. Снова было вытаснено на свет обвинение в нарушении демократии.

— Хорошо. Вы считаете, что большевики не выполняют воли народа? Давайте спросим у народа.

По предложению Анджиевского исполком принял решение провести перевыборы в Совет. Меншевики, эсеры, социал-демократы (эсдеки) и другие политические группировки устремились к жителям города, к рабочим с агитационными лозунгами.

Особенно бурные встречи состоялись в рабочей среде, у мастеровых (а мастера составляли немалую часть жителей Пятигорска).

2

Председатель Пятигорской ЧК Власов приехал в железнодорожные мастерские за час до начала собрания. Стачив с головы кожаный картуз, он шел, не торопясь, шел и удивлялся тому, что может это позволить себе. Не жизнь — малина... Прищуренными глазами Власов с удовольствием оглядывал вокруг себя и будто не узнавал знакомые места. Спльно припекало. Пропитанная мазутом земля раскалилась так сильно, что жар ее ощущался даже сквозь подошву сапог.

— Вы что это, уважаемые, для чертей жаровню готовите? — пошутил чекист, обращаясь к первому встретившемуся ему рабочему мастерских. — Ишь раскалили все вокруг...

— Неужто заметно? — живо отозвался рабочий, заражаясь веселым настроением Власова.

— Вишь, как танцую. Подошвы спалю.

— А мы не для вас грели, товарищ Власов. Для эсдеков, для эсеров. Готовимся их поджаривать.

Власов удовлетворенно хлопнул картузом о ладонь и озорно, как-то по-мальчишески улыбнулся.

— А какова мне отведена роль?

— Очень даже выгодная. Будете подливать масло в огонь.

Не сговариваясь, дружно рассмеялись. Но так же быстро Власов перешел от веселого к серьезному. Сгннав улыбку с губ, он засыпал рабочего вопросами. А тот, горячась и волнуясь, стал рассказывать о прошлом собрании.

— Избаловались, понимаешь. Привыкли к мутной водичке... все эти эсдеки, эсеры и прочие... Спорить с ними — боже

уласи... По шерстке гладь... А если против, клыки показывают. Не могли, значит, против. Привыкли кулаками размахивать. Мы для них — вроде скотники бессловесной... Ну, да и мы им спуска не даем, не те времена.

— Как в прошлый раз получилось? — оживленно блестя глазами, спросил Власов.

Рабочий опять рассмеялся.

— Смехота, ей-богу. Вышел один... Мы ему кричим: «Кто твой батюка, почему у тебя руки беленькие?» А он разевает рот, как рыба, но молчком почему-то и кулачками трясет. Наши, конечно, за животы хватаются, ржут себе, а он и слова не может выговорить и с бочки не слезает. Кто-то возьми да легонько так стукни по той бочке. А он как заверещит... ну чисто поросенок. «Убивают, — кричит, — спасите, братья по оружию!» Что за братья и какое-такое оружие? Прямо комедия, товарищ Власов, честно тебе говорю.

А Власов вдруг посуровел.

— Так и кричал: «братья по оружию»? — настороженно спросил он.

— Ну, да... А что такое? — посерьезнел и собеседник. — Есть как-то сигналы?

— Есть, и всякие. У нас тут сброд-богородица в городе. Диву даешься, как это они не выползли в открытую?

— Боятся, товарищ Власов. Под зад коленкой в Петрограде да в Москве так дали этой контре, до сих пор чешутся.

— Может, так, а может, и иначе. Все, брат, не очень просто. Знать бы, кого тот оратор звал на помощь. Никаких особых приготовлений не заметил на станции?

Рабочий задумался, пожал плечами.

— Кто его знает... Может, оно и есть, да, поди, разгадай, кто да что.

— И то верно. Но я вас лично прошу. Советская власть у нас, как вы знаете, без году неделя, врагов у нее что блох. Могут они пробраться и к вам, на железную дорогу. Транспорт — дело важное, мало ли какие шкурники пролезут сюда. В случае каких-то подозрений прошу ко мне, к Анджиевскому или к кому-нибудь из наших... И товарищам передайте.

Рабочий слушал Власова с большим вниманием и согласно кивал головой. Веселого его настроения как не бывало. Только сейчас он, видимо, понял, насколько серьезно положение.

— Все сделаем, товарищ Власов, можете не сомневаться. Не дадим в обиду свою власть. Как можно?! И не выйдет у них.

Власов пожал руку соратнику. Рабочий, сказав, что собра-

ние начнется минут через пятнадцать, заспешил по своим делам...

...Собрание рабочих железнодорожных мастерских началось бурно. Не обошлось и без инцидента. На возвышение, устроенное из четырех бочек и досок, вдруг вознамерился взобраться человек в пенсне.

— Эй, товарищ, вы это куда? — окликнул его секретарь большевистской ячейки, которого все здесь звали Семенычем.

Человек в пенсне мягко, почти заискивающе улыбнулся.

— Видите ли, товарищ, не имею чести знать вашей фамилии, я послан к вам от организации социал-революционеров, чтобы познакомить вас с инструкцией о собраниях.

— С инструкцией? Это что же... эсеры хотят поучить рабочих, как проводить собрания?

— Вот именно.— Но тут же эсер поправился: — Ну, не совсем так, в некотором роде, я хотел сказать...

Не дослушав витиеватую речь, Семеныч как-то молодо и лихо вскочил на трибуну и звонким голосом провозгласил:

— Товарищи! Вот тут представитель эсеров желает поучить нас, рабочих-железнодорожников, как проводить собрания. Он утверждает, что мы, видите ли, неправильно их проводим.

Участники собрания угрожающе зашумели.

— Ишь гусь лапчатый!

— Пусть жену свою учит, а уж мы как-нибудь без учителей обойдемся!!

— Правильно!! Обойдемся!!

— Товарищи, товарищи! Это не я утверждаю. Я, видите ли, хотел познакомить вас с инструкцией! — собрался наконец с духом представитель эсеров.

— Почему вы думаете, что нашему собранию это интересно? — спросил Семеныч не без иронии.

— Видите ли... я надеюсь... я полагал, что среди вас есть социал-революционеры, для которых инструкция обязательна.

Семеныч резко вскинул руку.

— Минуточку внимания! Прошу членов организации социал-революционеров или тех, кто им сочувствует, поднять руки.

Представитель эсеров, вскинув свою, крикнул:

— Прошу вас смелее. Кто из вас сочувствует социал-революционерам?

Сзади несмело поднялась рука.

В мастерских повисла тишина. Стало слышно, как чирикают птицы в ласточкином гнезде под карнизом.

И вдруг поднялся смех. Как выяснилось, голосовал глухо-

ватый дед. Он не разобрал слов председателя, зато увидел поднятую руку представительного гражданина в «сурьезных» очках. Решив, что пора голосовать, он и поспешил это сделать. Но деду объяснили, за кого он голосует. Старик испуганно перекрестился, пробормотал: «Бес попутал» — и с досады плюнул себе под ноги.

— Давай, Семеныч, разъясни нашу линию! — перекрывая смех, раздался чей-то зычный голос.

Смех постепенно угас. Семеныч обернулся к эсеру.

— Сторонников, как видите, у вас небогато. Так что зря вы, почтеннейший, так спешили с инструкцией. — И обращаясь к собранию: — А теперь прошу поднять руки меньшевиков, эсдеков и кто их хочет слушать. Есть у нас такие?

— Есть! — раздался резкий голос в ответ.

— Голосуйте, буду считать.

Поднялись четыре руки. К ним присоединилась пятая, но тут же опустилась.

— Ну, что ж... Подняли руки некоторые мастера. Я их уважаю за откровенность и не хочу укорять. Надеюсь, что жизнь подскажет им, где правда, а где кривда... Теперь прошу поднять руки всех большевиков и всех, кто нам сочувствует и за нами идет.

Вскинули руки человек около ста. Абсолютное, подавляющее большинство.

— Прошу дорогих моих единомышленников руки опустить.

Семеныч, склонившись к представителю эсеров, за спиной которого он видел тех, кто пришел агитировать рабочих от меньшевиков и других групп и группок, насмешливо сказал:

— Как видите, господа-товарищи, и сегодня вам не повезло. Ваш представитель, уважаемый эсер, и ваш так же, почтеннейшие меньшевики, эсдеки и иже-ниже с вами, не удовлетворенные результатами прошлого собрания, где им рабочие не дали говорить, потребовали нового. Мы пошли вам навстречу. Но что изменилось? Полюбуйтесь сами: большинство поддерживает только большевиков. Большинство... Большевики. — Будто вслушиваясь в музыку этих слов, Семеныч улыбнулся и многозначительно поднял палец. — По этому случаю вношу предложение. Вчера мы тут беседовали с товарищами рабочими, они высказались со всей откровенностью. А потому от их имени заявляю: на сегодня хватит. Говорильню по боку, работать надо, дело делать, а не языком молоть. Правильно я толкую, мужики?

— Правильно! — дружно поддержали Семеныча.

— Ясно и так, что к чему!

— Вот так мы и закончим наше собрание. Я тут вижу товарища Власова. Вы, конечно, и видели все и слышали?

Власов, улыбнувшись, громко ответил:

— И видел, и слышал.

— Извиняюсь, что не дали нынче вам слово, но чего уж нас агитировать. Передайте товарищам Анджиевскому, Пашенко, Янышевскому и другим, что все мы, за малым-малым исключением, поддерживаем и одобряем политику большевиков, политику товарища Ленина, уважаемого нашего Владимира Ильича. И точка на этом. Кто за такое мое предложение, прошу проголосовать поднятием руки?

Руки опять поднялись и по просьбе председателя опустились.

— А теперь заключить наше рабочее слово предлагаю «Интернационалом». — И Семеныч хорошим сочным баритоном первым запел:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Собравшиеся мощно подхватили:

Весь мир голодных и рабов.

Книит наш разум возмущенный

И в смертный бой вести готов...

Гимн в Пятигорске еще только-только освоили. Пели его часто по самым неожиданным случаям и не только на собраниях. Даже в церкви однажды певчие грянули «Интернационал» с ведома и благословения попа, который искал популярности среди бедноты. Смекнул дальновидный батюшка, что жить ему впредь придется не с отцами города, а с теми, чьим трудом он кормится и процветает его церковь.

Власов, приготовивший речь, огорчился, что произнести ее не удалось, но в общем-то он был рад и, честно говоря, немного удивлен тем, что произошло на его глазах. Первый раз он видел такое единодушие. Он привык к борьбе, к тому, что все дается с трудом. Судьба его никогда еще не баловала — и вдруг такое! Он еще не успел всего осмыслить, по достоинству оценить происшедшее.

Возвращаясь пешком со станции, Власов снова и снова вспоминал, что и как говорилось на собрании в железнодорожных мастерских.

«Вот уж Григорий будет рад», — подумал он об Анджиевском.

По сведениям, которыми располагал Власов, как руководитель Чека, в среде рабочих не было еще единства взглядов. Но так же хорошо он знал и другое. Многие из тех же рабочих и мастеров хорошо понимали, куда зовут их больше-

вики. Большевистские лозунги вызывали сочувствие, этим лозунгам верили. С меньшевиками, эсерами, эсдеками рабочие, как правило, начинали спорить, а это возмущало, выводило из равновесия меньшевистско-эсеровских эмиссаров. Они срывались на крик или же бросали резкие обвинения рабочим, что-де они «продались», что их «ослепили демагогией» и они не понимают, что «катятся в пропасть»... Вариантов всяких тут было много.

Сильно подводила соглашательские группы и группки приобретенная привычка диктовать. И не такой уж большой срок был отпущен для их вольготной жизни историей, когда в мутной воде бурных событий было легко ловить сбитых с толку сторонников, но вот поди ж ты! Привыкли. И менять тактику, когда изменилась обстановка, не желали. Смех вызвала у рабочих твердолобость противников большевиков, а когда тот смех не помогал, меньшевиков и эсеров гнали прочь, потому что другие методы не действовали. Вежливостью, свидетелем которой стал Власов в мастерских, пожалуй, была исключением из правил.

Конечно, все это происходило далеко не стихийно. Они, большевики, никогда не были безучастны к проходившим событиям. А теперь, после поездки Анджиевского к Владимиру Ильичу, стали работать тоньше, убеждали аргументами, фактами, звали рабочих к деятельности, пробуждали их к активности. Результат этой работы и сказался на предприятиях и в организациях. Еще до выборов победа большевиков стала очевидной. Горожане верили им, шли за ними.

...Настал день выборов. Они прошли бурно. Не обошлось без словесных поединков, грозивших перейти в рукопашную. Помогла выдержка большевиков. Явно теряя почву под ногами, противники большевиков шли на провокации. Но не вышло.

Когда подсчитали голоса, меньшевикам, эсерам, эсдекам впору было сквозь землю провалиться — столь ничтожен оказался урожай голосов.

Отброшенные с прямого и открытого революционного пути, соглашатели устремились в подполье, где и сомкнулись с откровенными и злобными врагами нового строя.

3

Отношение к офицерам осталось для Анджиевского самым мучительным вопросом. Не лежала к ним душа. Но Григорий Григорьевич беззаветно верил Ленину, а Ленин считал, что офицеры нужны большевикам. Разумеется, честные офицеры,

любящие родину, народ, понимающие необходимость нового пути для своей великой страны.

«Значит, надо. Надо привлекать. Сожми в кулак свои чувства, председатель, — внушал себе Анджиевский. — Умом действуй, ежели не хватает чутья».

И действительно, военспецы были необходимы.

Признанным военным руководителем в городе и округе был Николай Янышевский. Но ему, не имевшему специальной подготовки, конечно, нелегко организовывать и вооружать отряды для борьбы с врагами. Военному комиссару требовалась помощь кадрами, притом ощутимо и быстро.

...Янышевский вошел в кабинет и молча остановился около стола. Григорий Григорьевич с удовольствием окинул взглядом крепко сбитую фигуру комиссара. Хорош, ничего не скажешь. И глаза умные, с хитрецей.

— Как ты думаешь, Николай? Если мы попытаемся привлечь к нашей работе, к нашему делу... некоторых офицеров?

Янышевский изумленно уставился на председателя: он не узнавал своего друга. Но не сказал ни слова. Впрочем, Анджиевский и без слов понял.

— Да, брат, было время, думал не так, как нужно. — Встал, прошелся. — Чувства — они ведь... от них не сразу освободишься. Они годами закладывались...

— О чем ты, Гриша? Не понимаю. Убей меня бог, — на всякий случай схитрил комиссар.

Анджиевский рассмеялся.

— Все ты понимаешь. Перестраиваться надо на ходу. Подготовь список. Очень нужны военспецы...

— А ежели я сейчас окажусь? — Янышевский вытащил список и показал его издали. — Хочешь?

Анджиевский укоризненно покачал головой.

— И тебе не стыдно?.. Я мучаюсь, волнуюсь, а он молчит. — Выхватил бумагу из рук комиссара, прочитал и удовлетворенно захмыкал.

— Правильно... А вот этих — Постникова и Кострова — я бы прямо в Совет ввел. Офицеры, но из простых семей, умные... хотя и золотопогонники в прошлом, а наши люди. Как ты считаешь? — Анджиевский сел, но тут же снова вскочил. — Представляешь, какое впечатление это может произвести! Офицерство должно понять, что мы протягиваем руку всем, кто честен и кому с нами по пути.

Янышевский задумался, потом тихо спросил:

— Слушай, Григорий, это тебе Ленин посоветовал?

Председатель неопределенно повел плечами.

— Посоветовал... Ленин до малой опеки не доходит. Не такой человек. Думать заставляет.

— Ишь ты! С мудростью дружить начинаешь?

— Видишь ли... Когда шагаешь в ногу с таким человеком, как Ильич... Словом, думать надо, комиссар, шевелить мозгами.

4

В тот же самый час, неподалеку от здания Совета, в особнячке, уютно разместившемся на подъеме к горе Машук, шел другой разговор.

— Ты, Сорока, слушай и мотай на ус. Без оружия мы голые. Речами крепость не взломаешь.

Говорил худосочный человек, у которого то и дело спадало пенсне. Другой сидел молча, у него было властное квадратное лицо и острый, пропизывающий взгляд. Третий, тот, кого называли Сорокой, встревоженно взглядывал то на одного, то на другого, поерзал по кожаному креслу, слабо возразил:

— Хоть бы оружие-то было русское.

— Брось эти свои эсеровские штучки. Если угодно — это приказ. Пора действовать. Сыты по горло речами. Обстановка изменилась. Ты полагаешь, что Ленин приглашал Анджиевского на чашку чаю?

— Вряд ли.

— Именно. Тот, кто хочет повелевать, должен отбросить щепетильность. В борьбе все средства хороши.

Наконец, встрепенулся и молчаливый. Он сказал:

— Оружие стреляет одинаково — русское, английское... Вопрос всей политики в том, чтобы знать, в кого стрелять, а не из чего стрелять.

— Вот именно. Выполняй, Сорока. И без промедления.

«ПОКЛОН ГЕНЕРАЛУ БРИГСУ»

5

К юго-востоку от Пятигорска, у самых отрогов Кавказских гор протекает мелководная речушка Сунжа. Еще во время завоевания Кавказа эта река стала своего рода границей двух миров: привилегированного, в котором жили богатые казаки, и мира отверженного, доведенного до нищенского состояния горского народа. Эту границу называли Сунженской линией.

Казаки годами притесняли ингушей и чеченцев, своих соседей, сгоняли их с насиженных мест, отнимали плодородные земли. Горцы уходили все дальше на юг, в горы, в ущелья, но и там казаки не оставляли их в покое. Они грабили поля горцев, забирали скот, насиловали женщин. Горцы люто ненавидели своих притеснителей и постоянно враждовали с казаками.

Первые декреты Советской власти, провозгласившие свободу и равенство всех народов и народностей, которые населяли бывшую царскую Россию, чеченцы и ингуши встретили с восторгом.

— Долой с наших земель, — заявили они казакам. — Мы здесь жили веками, хотим жить и сейчас.

Казаки взяли за пашки. Начались вооруженные столкновения. Англичане, старавшиеся распространить свою власть на этот район с помощью «Организаций английского влияния», намеренно разжигали страсти. Английские тайные агенты распускали слухи о готовившейся резне, о том, что большевики натравливают на казаков чеченцев и ингушей. Отсюда вывод: бей «туземцев», бей большевиков!

Между тем официально англичане старались показать себя друзьями горских народов. Ставленник английского правительства на Кавказе генерал Бригс даже опубликовал послание к горцам:

«Позвольте познакомить вас, в качестве кого я приехал сюда... Я послан британским правительством, как начальник английской миссии к генералу Деникину, чтобы снабжать его армию оружием, огнестрельными припасами, снаряжением и всяким военным имуществом, нужным для той борьбы, которую он ведет против большевиков.

...Британское правительство поддерживает генерала Деникина, так как знает его благородство, уверено в том, что он стремится не к восстановлению режима, а к восстановлению порядка и созданию условий, при которых население России будет само иметь возможность устроить свои дела...»

Не жалея медоточивых слов, генерал Бригс заверял горцев в искренней любви к ним и призывал поддерживать Деникина в его «благородной» борьбе.

Одновременно генерал Бригс распорядился тайно переправить в казачьи станицы английское оружие, предназначенное для убийства ингушей и чеченцев.

В особняке близ горы Машук как раз и находился представитель генерала Бригса. Был он русский, если верить его фамилии, — Николаев, и чин имел генеральский. По соображениям конспирации генерал носил гражданскую одежду и не

любил показываться в людных местах. Он предпочитал вечерние прогулки в одиночестве, надвинув на глаза фуражку. Таких людей, старавшихся не привлекать к себе внимания, в Пятигорске в ту пору было немало.

Совершая свои прогулки, генерал не замечал, что за ним следом кто-то идет и не сводит с него глаз. Иногда сопровождающих было двое. Когда генерал, утомленный ночными бдениями, на рассвете ложился спать, один из них устремлялся в ЧК, к Власову, а тот вскоре направлялся к Анджиевскому.

По замыслам генерала Бригса посредником между англичанами и лихим терским казачеством должен был стать непременно социалист. Социалисты-революционеры в обнимку с англичанами... В стране, охваченной революцией, это придает респектабельность, внушает доверие.

Николаев посмеялся от души, когда узнал о затее Бригса.

— Прелестно! Пирог, я бы сказал, с пикантной начинкой. Узнаю тонкость английской дипломатии.

Генерал Бригс, как и было задумано, довольно скоро сошелся с эсерами, разгромленными и отброшенными пятигорскими большевиками, и предложил выделить надежного человека для срочной доставки оружия казакам. Выбор пал на эсера Сороку.

Отдав дань щепетильности и «социалистическим» своим убеждениям, Сорока воинственно шелкнул каблуками и немедленно приступил к исполнению тайного поручения. Доверенный англичан с партийным билетом российского эсера прибыл в ставку Деникина, предъявил главнокомандующему свои полномочия, и ему тут же было выдано 1000 винтовок, много пулеметов, орудий, огромное количество боеприпасов и даже аэроплан.

Эшелон, тщательно охраняемый командой храбрых казаков, двинулся в сторону станций Сунженской линии. Сорока потирал от удовольствия руки, представляя, какую мину он подложит под большевиков.

Об этой операции председатель ЧК Власов через своих людей узнал довольно поздно. Но узнав, немедленно устремился к Анджиевскому.

Тот собрал экстренное совещание. Решение было одно: надо перехватить оружие и рассказать народу, чем занялись «социалисты-революционеры» и какую политику ведет доstopочтенный генерал Бригс, который клянется горцам в дружбе.

Детали предстоящей операции обсуждались с особой тщательностью — действовать, возможно, придется на территории,

контролируемой бандой Бичерахова. Нужен был опытный и отважный человек.

— Николай Янышевский подойдет,— твердо сказал Анджиевский.

— Вполне,— согласился Власов, а за ним и другие.

— Спасибо за доверие.— Янышевский поднялся.— Разрешите выполнять?

Встал и Анджиевский.

— Выполняй. Но прошу тебя: осторожность не мешает. Мужество с расчетом дружит...

Комиссар улыбнулся.

— Ты, Коля, не улыбайся,— озабоченно заговорил Анджиевский.— Героическая смерть хороша в реляциях. Нам нужна победа, только победа. Я предупрежу Владикавказ, чтоб помогли, если что...

Военный комиссар, четко повернувшись, вышел. Покинули кабинет и другие участники экстренного совещания. Остался заместитель председателя Пащенко.

— Чем не командир? — обернулся к заместителю Анджиевский.— Все-таки удивительно, Коля Янышевский в прошлом булочник, пекарь,— самая что ни на есть мирная профессия. Откуда у него талант военного?

— Революция, Григорий Григорьевич. Революция! — отозвался Пащенко.

2

Янышевский с командой в шесть человек поспешил на станцию Минеральные Воды. По его расчетам Сорока должен был скоро прибыть туда.

Опоздали — эшелон успел проскочить в сторону Георгиевска.

Комиссара пригласили к телефону. Звонил Анджиевский.

— Разрешите доложить...

— Знаю, знаю,— перебил председатель.— Вот что. СНК республики направил в Георгиевск своего уполномоченного Мамсурова. Он там постоянно находится, как представитель Совнаркома, но выехал два дня назад. На станции Георгиевск и нужно перехватить Сороку. Именно там, понял? Бичераховцев поблизости мало.

— Правильно. Есть хорошая мысль. Извини, каждая секунда дорога.

Янышевский тут же связался по телефону с начальником станции Георгиевск, которого знал лично.

— Задержи поезд под любым предлогом! Слышишь?! —

кричал он в трубку.— Очень важно. Потом объясню... Предупреди Мамсурова — он вот-вот должен вернуться, — чтобы подобрал верных людей. И патронов заготовьте побольше. Ты меня понял?!

В Георгиевск прибыли ночью, на четверть часа позже Сороки. Их встретил Мамсуров.

— Что случилось? Я получил телеграмму от Анджиевского и Буачидзе. Летел как сумасшедший. Оба ссылаются на тебя. Объясни.

— Люди подготовлены? — вместо ответа спросил Янышевский.

— Да.

Военный комиссар коротко объяснил задачу Мамсурову и начальнику станции.

— По-моему, так, — заговорил железнодорожник. — Надо расчленить поезд и по частям разоружить команду казаков.

— А как машинист?

— Свой человек. Сделает все, что нужно. Будьте спокойны. Я дам знать, когда будет все готово.

Начальник станции скрылся. Через несколько минут мапеловый паровозик, лениво пыхтя, подкатил к эшелону.

— Куда прешь?! Не велено! — В темноте угрожающе лязгнул затвор.

— Не оря, борода. Не из пужливых. Делаю, что надо. Тормозные вагоны пужно в середину поставить. Понял? Кто будет отвечать, если крушение?

— Ишь какой смелый! — заворчал борода миролюбиво. — Ну, давай. Только быстрее поворачивайся, пока начальник бумаги оформляет.

— А что мне твой начальник! Мне работа дороже.

Потекли томительные минуты. За вагоном громко ругались. Лязгали буфера. Потом раздался короткий свисток, и паровозик потащил часть эшелона в другой конец станции. Вскоре он возвратился и повторил маневр. Через полчаса эшелон был разбросан по всей станции.

Вдруг на путях послышалась отборная ругань. Хлопнул револьверный выстрел. Кто-то застонал.

В диспетчерскую ворвался человек в казачьей бурке с маузером в руке.

— Кто позволил разрывать эшелон? — подскочил он к начальнику станции. — Застрелю, собака! Сейчас же...

Договорить он не успел... Коротким, но могучим ударом кулака Янышевский оглушил ворвавшегося в диспетчерскую человека, в котором узнал Сороку, выбил у него маузер и, сграбастав в охапку, бросил на стул.

— Посидите, господин Сорока. Отдохните. Поговорим.
— Кто вы? У меня мандат от командующего Деникина!..
— Предупреждаю: кричать бесполезно.— Янышевский спокойно заложил маузер Сороки за пояс.— Кому предназначено оружие?

— Кто вы такой? Как вы смее?

— Я представитель Советской власти. Большевик. Вас это устраивает?

Сорока побелел.

— Как же так! Вы не должны здесь... Я, право, не знаю...— растерянно бормотал он.

Через несколько минут Сорока выложил все секреты. Вскоре явился Мамсуров.

— Все в порядке. Команда обезоружена, эшелон составлен. Можно в путь.

Янышевский поднялся и приказал Сороке следовать за ним.

На станции Минеральные Воды комиссар выпел Сороку из вагона.

— Ну, что же, господин эсер. Расстрелять бы тебя, сволочь, надо, да пулю тратить жалко. Отправляйся на все четыре стороны. Передай нашу благодарность за оружие его превосходительству Деникину. Поклон генералу Бригсу!

СМЕРТЬ ОФИЦЕРА

1

«Нахальство» пятигорских большевиков вызвало раздражение у Деникина и бешенство — у его покровителя Бригса. И кто во главе Пятигорска? Анджиевский. Кто такой Анджиевский? Солдат! Простой солдат...

Деникин изрек:

— Надо поскорее избавиться от Анджиевского.

— Трудно, ваше превосходительство,— ответил начальник контрразведки.— Охраняют, берегут. Крепкая у них контрразведка.

— Тогда... В таком случае необходимо взять город внезапным налетом. Наши друзья за рубежом не простят нам этой затянувшейся демонстрации силы со стороны жалкой кучки большевистских фанатиков.

— Взять Пятигорск, ваше превосходительство, очень сложно. Весьма квалифицированно организована оборона. И умно, должен заметить. Большевики сумели привлечь на свою сторону талантливых офицеров.

— Именников надо уничтожать. Разве это вам неизвестно?

— Готовимся. Зреет кое-что. Думаю, не долго осталось ждать.

— Тактика выжидания — не моя тактика, полковник. Я предпочитаю натиск. Распорядитесь начать активные действия. Бросьте на Пятигорск нашего новоиспеченного... Шкуро. — Деникин презрительно улыбнулся. — У него, насколько мне известно, личные счеты с этим Анджиевским.

— Сегодня же заготовлю приказ.

— Прекрасно, полковник. Мне бы не хотелось больше слышать о Пятигорске. Захватите город и хорошенько прочистите его. Вы это умеете. Сквознячок, сквознячок необходим!..

— Позволю заметить, ваше превосходительство. Цена может быть очень дорогой. Пятигорск — крепкий орешек. У них там на полную мощь работает патронный завод. Сильные укрепления. Стоит ли игра свеч?

— Стоит, полковник. Пятигорск стал бельмом на глазу, а должен стать нашим тылом. С вашего позволения я его зачеркиваю.

Деникин, сдерживая неудовольствие, перечеркнул красным карандашом крошечный островок на карте. Но не рассчитал силы. Бумага содралась, сжалась в гармошку под острием карандаша.

— Нервы! Нервы! — поморщился Деникин и, смяв попавший ему в руки листок, отбросил его, досадуя скорее на себя самого, чем на факты, вызвавшие его раздражение.

Контрразведчик старался не стучать каблуками и как можно осторожней прикрыл за собою дверь. Всегда спокойный и уравновешенный, генерал в последнее время стал очень уж раздражителен. Очень!

2

«Волчьи сотни» Шкуро, долго не уходившие из-под Пятигорска, ограничивались мелкими наскоками, которые в общем-то довольно успешно отражались рабочими отрядами.

И вдруг разведка донесла — Шкуро готовится к нападению на станицу Суворовскую. Атаман, как утверждалось, сам не свой, ему будто «перцу под хвост насыпали». Под станицей Суворовской накапливается большая сила.

— Положение серьезное, — констатировал Янышевский. — Предлагаю послать отряд под командой Ярышева.

Анджиевский вскинул на комиссара быстрый взгляд, но тут же опустил его. Янышевский знал думы председателя: самому взять виговку и повести отряд в бой,

— Ярышева? Эх, Никслай, Николай... Простить себе не могу, что выпустил живым эту Шкуру. Сразиться бы с ним лицом к лицу!

— Не имеешь права,— холодно ответил комиссар.— Есть решение.

— Ладно, ладно. Зови Ярышева. Или стой. Не дрогнет?

— Сам последним уйдет. Или ты его не знаешь?

— Не в личной храбрости дело. О другом речь.

— О том самом и я говорю.

— Хорошо, зови.

3

Отряд под командованием Ярышева состоял из двух рот. Янышевский полагал, что большего для предстоящей операции не потребуется, надеясь, что большевики станицы Суворовской соберут не меньше сотни конных.

Но случилось непредвиденное. Шкуро не мог допустить, чтобы против него выступили казаки. Сколько бы их ни было. Он добивался популярности в казачьей среде, он заигрывал с казаками, обещая им всякие блага после окончательной победы над «босьяками и всякими прочими голодранцами». И сам факт, что большевики из станицы Суворовской сколотили конную сотню, вызвал бешеное желание разделаться с этой сотней одним ударом. И он мог бы это сделать, мог, но не сделал.

Изворотлив стал Шкуро, осторожен, ловок. Он понимал, что уничтожение суворовской казачьей сотни может оттолкнуть от него многих казаков.

Нет, такая перспектива Шкуро не улыбалась. Атаман пошел на хитрость. В станицу Суворовскую стали проникать лазутчики и обрабатывать каждого казака, который числился в красной сотне. Тут все шло в ход: и угроза расправы, и прямой подкуп, и обещания всяческих благ в будущем, а кое-кому пригрозили анафемой с амвона. Но больше всего действовала угроза лишить «отступника» казачьего звания. А иному казаку попасть в разряд иногородних было страшнее церковной анафемы. Божья кара совершится в потустороннем мире, к тому же можно и умилоустивить бога свечами, подарками, а тут расправа немедленная, при всем честном народе... Словом, станичные большевики и взвода не насчитали в своей войске, когда пришла пора выступать.

...Отряд Ярышева атаковал шкуровцев на рассвете. Станичная сотня, как условились, должна была нанести удар Шкуро с тыла. Тут-то и случилась беда. Горсточку станичных конных шкуровцы спихнули пулеметами, заставили спешиться

и начали теснить. В какие-то полчаса отважно дравшихся суворовских большевиков порубили пашками.

Совместный удар по шкуровцам с фронта и тыла не удался, и все-таки бой разгорался яростный. О жестокой расправе со станичными коммунистами узнали в отряде Ярышева. Горе и гнев бойцов устроили их силы. Бешеным натиском они заставили шкуровцев отступить. Ярышев начал преследование, повел свои роты в штыковую. Сам он с винтовкой в руках шел впереди, отважно действовал штыком. Но вот он упал, его сразила пуля.

Победа была в руках у пятигорцев. И вдруг из-за бугра выскочила оставленная в засаде сотня шкуровцев. С визгом и гиканьем бросились казаки на пеших бойцов. Укрытия не нашлось — кругом поле. Началась рубка. В последней, яростной схватке полегли почти все красноармейцы отряда.

Когда шел бой, ярко светило солнце. На полях не шелонулся ни один пшеничный колос, строго и грустно смотрели на дерущихся людей ярко-желтые крупные головки подсолнечников. Когда бой кончился, небо вдруг заволокло черносерой тучей. Порыв ураганного ветра взметнул пыль на шлеху, до земли склонил колосья.

В считанные минуты все вокруг потемнело. Вдруг в самый центр поля, где стояло одинокое дерево, ударила сияняя ослепительная молния. Треск взрыва оглушил даже тех, кто находился в станице (а до Суворовской почти верста от поля). Вторая, еще более мощная электрическая стрела утодила в шкуровского казака и его лошадь. Последовал громовой удар.

В страхе заматались суеверные казаки. Сминая друг друга, они устремились куда глаза глядят. А молнии одна за другой били в центр казачьих групп, расшвыривая казаков, будто щепу. Дико заржали кони, роняя с губ кровавую пену, помчались через пшеничное поле. С христом сталкивались, чтобы тут же упасть и забиться в судороге.

Полыхание молний не длилось, пожалуй, и пятнадцати минут, но за эти минуты от сотни осталось не больше четырех десятков конников, да и те уже не годились для боя. Психическая травма, вызванная суеверием, была глубокой и губительной.

— Дьявол, чистый дьявол! — крестились престарелые казаки. — Послал господь за наши прогрезения эту Шкуру.

Погиб в бою под Суворовской отряд Ярышева, но и у Шкуро не стало войска. С небольшой группой молодых казаков («моих петушков», как снисходительно называл их Шкуро) он ускакал в степь, проклиная свою нерасторопность во время не такого уж и редкого природного явления. В ратных

степных походах для многоопытного казачьего атамана не страшны любые молнии. Если кавалеристов настигает сильная гроза, военачальник обязан немедленно рассредоточить сотни и уложить на землю коней. Этой мудростью делится с будущим воинном-сыном любой отец в казачьей станице.

Знал это правило и Шкуро. Но, ослепленный победой, не успел вовремя принять нужные меры. Вот и пришлось после победы спастись бегством. Конечно, Шкуро и в мыслях не держал, чтобы сложить оружие. Напротив, решил собрать новое войско. Ключик к душам казачьим был подобран надежный, новые вольности, более широкие права, новые земли — и все это за счет кавказских народностей.

ПОКУШЕНИЕ

1

Гибель отряда Ярышева потрясла пятигорских большевиков. Уму было непостижимо, как все случилось. Шкуро куда опасней, чем он им казался. Расследование, проведенное в Суворовской, отчетливо воссоздало происшедшую здесь трагическую историю. Значит, не только оружие, но и хитрость, подлог, одурачивание людей?..

— Ну и Шкура! — с гневным недоумением жаловался Янышевский заместителю председателя Пащенко.

— Шкуро есть Шкуро. Он — враг, а враг хорош тогда, когда он мертв, — отозвался Пащенко. — Меня Григорий беспокоит. С лица аж почернел. Как бы он не выкинул чего.

— И меня он беспокоит. Туча тучей.

Пащенко улыбнулся, вроде бы и нехотая...

— Знаешь, что сообщил мне утром Власов? Его людям стало известно о словах Шкуро. Послушай, я даже записал их: «Проклятая Суворовская! Еще одна такая победа, и можно отправляться в рай». Чувешь?

Янышевский встрепнулся, глаза его заблестели.

— Любопытно. Выходит, победа-то за нами. — Комиссар вздохнул. — Только уплатили за нее дороговато. Что еще знает Власов о Шкуро?

— Опять, поганец, сколачивает отряд. Теперь — исключительно конница. Мутит казаков, сбивает с толку, а мы пока что не можем с ним ничего поделать. И у Терского Совнаркома руки не доходят.

— Не в том дело. Казачество одним наскоком не возьмешь. Тут годы нужны.

Они надолго замолчали. Расстались, договорившись при-
сматривать за Григорием. Горяч он, пылок, слишком уж все
к сердцу принимает.

Примерно через неделю после этого разговора их обоих
вызвал Анджиевский.

— Что случилось? — в тревоге спросил Янышевский, едва
переступил порог.

— Летел вроде снаряда, — сказал и Пащенко. — Экстрен-
ное что-то?

Анджиевский, вяло пожевываясь, произнес:

— Шкуро только что сделал налет на станицу Ессенту-
тукскую. Мне сообщили по телефону. Просят срочной по-
мощи.

— Какие у него силы? — осведомился Янышевский.

— Точно не знают. Предположительно считают: три или
четыре сотни. Сколько бы их ни было, надо немедленно вы-
ступить. Немедленно!

— Есть!

Янышевский, козырнув, вышел. Тотчас гарнизон был под-
нят по тревоге, и к рассвету войска были на подступах к
Ессентукской.

Разведка подтвердила полученные сведения о численности
шкуровцев. Завязался бой. Ожесточенный, тяжелый. Комму-
нистическим отрядом руководил Анисимов, верный больше-
вик и опытный командир.

Ни Янышевскому, ни Пащенко усмотреть за Анджиевским
не удалось. Добыв винтовку, он пристроился в отряд Аниси-
мова рядовым бойцом. Об этом узнали, когда уже разгорелась
схватка.

То, что в цепи рядовым дерется Анджиевский, скоро стало
известно всему отряду. Весть эта вызвала удивление и гор-
дость бойцов.

— Молодец, председатель!

Бои под Ессентукской с переменным успехом длились не-
сколько дней. Случилось так, что один из пленных, взятый
группой Анджиевского, бежал. А пленный этот по фамилии
Горбыня в лицо знал председателя. Еще с той поры, когда
Анджиевский в Грицай с пулеметами без лопт разоружили
казацкую сотню. Казак, отпущенный домой, только трое суток
«покахався с жинкой» и опять пошел в переделку, но теперь
уже в «волчьих сотнях» Шкуро. Вернувшись к своим, он на
радостях обмолвился, что «самолично» видел в боевых поряд-
ках «большака-председателя».

— Врешь!

— Вот те крест! Неужто я его не знаю,

Глава большевиков — рядовой боец! Невероятно. Определенно какая-то хитрость.

Переодетых Горбыню и одного из казачьих офицеров Шкуро немедленно направил в красный тыл с заданием убить Анджиевского.

Убить собирались рядового. Но за это время у красных произошли перемены. Погиб Анисимов, и Анджиевский стал во главе отряда. Теперь он всегда находился в окружении людей. Исполнить задуманное стало куда труднее. Появились и такие препятствия, о которых Шкуро не мог и предполагать.

У казака Горбыни возникло вдруг сомнение: а за что он должен убить Анджиевского? Лично ему, Горбыне, этот человек подарил жизнь. Тогда, с пулеметами, председатель Совета мог уложить всех до единого. А он никого... Только подссаула Чернецова. Но того сами же казаки убили.

Дело двигалось туго. Казак думал, вольнил. Офицер же трусил и больше прятался, чем следил за жертвой, доверив исполнение задуманного Горбыне...

2

Пятые сутки шли бои за станицу Ессентукскую. Однажды вечером на совещании у Анджиевского было решено взять укрепленную высоту. Пошел дождь, степь развезло. Шкуровцы меньше всего ожидали атаки в такую погоду. И ошиблись. Вдруг в темноте затрещали выстрелы, застрочили пулеметы.

Анджиевский был в цепи, он руководил боем. За его спиной и совсем близко раздались сразу несколько выстрелов подряд.

Стреляли в Анджиевского. Пуля сорвала с головы командира папаху, другая обожгла шею...

Григорий Григорьевич, не отдавая отчета, движимый только яростью, бросился к стрелявшим. Еще раньше туда же устремились и несколько бойцов. В окопчике бился в конвульсиях человек. В затылке его зияла огнестрельная рана. Рядом валялась винтовка, из которой, видимо, и стреляли по Анджиевскому. Судя по всему, стрелял убитый в затылок.

Но странное дело: тот, кто убил этого человека, поспешил скрыться. Его видели, по нему стреляли, но в суматохе и темноте он убежал.

Всем было ясно: на жизнь председателя Пятигорского Совета совершено покушение. Убийству Анджиевского помешал неизвестный, скрывшийся в темноте.

— Загадочная история... — качал головой председатель, стоя над трупом. Но тут появился пылавший гневом Янышевский. Свирепо зашипел на ухо Анджиевскому:

— Это безобразие! Какое ты имеешь право рисковать? Где твоя дисциплина!

Анджиевский вспыхнул.

— Что вы из меня королевскую персону делаете. Я коммунист, и мой долг...

— Твой долг с уважением относиться к партийной дисциплине. Ты обязан драться там, где от тебя наибольшая польза.

Янышевский напомнил о состоявшемся два дня назад собрании партийной группы Совета, на котором вынесли решение: запретить Анджиевскому участвовать в боях рядовым. Председателя обвинили в мальчишестве и официально поставили на вид за неуважение к мнению большинства коммунистов. Внушение было достаточно серьезным, и новое нарушение партийной дисциплины грозило крупными неприятностями.

Председатель, поостыв, всерьез забеспокоился. Янышевский в отряде, Пашенко и Власов в Пятигорске действовали единым фронтом. Они были возмущены самовольством Анджиевского. А тут еще в горячке председатель наговорил резких слов своему заместителю...

Янышевский срочно собрал партийцев. Только что закончился бой. Закончился полной победой — бойцы овладели высотой. Потери оказались ничтожными: двое легко раненных. И только это смягчило гнев Янышевского.

Григорий Григорьевич сидел присмиревший, с искренним и почти мальчишеским страхом взирал на огромного, налитого силой Янышевского.

Члены партии единодушно постановили: «От командования Анджиевского отстранить. Немедленно под охраной направить в Пятигорск и водворить в Совет. Охрану на месте усилить, покушение может повториться».

Григорий Григорьевич пытался возражать, что-то объяснить... Но говорить ему не дали.

— Подчиняйся партийной дисциплине, — непреклонно сказал комиссар. — Мы не в бирюльки играем. И не кокетничаем. Нам нужен авторитетный человек, вожак. Обстановка такова, что личный твой риск сорвет все наши планы. Неужели ты не понимаешь? За тобой сейчас идут... Или забыл, что ты во главе коммунистов города? Зря мы тебя пзбирали?

Анджиевский был и обижен, и по-хорошему взволнован этой суровой заботливостью товарищей. Он хоть и сердито поглядывал на них, но слова: «Нам нужен авторитетный человек, вожак» — обязывали.

В тот же день в сопровождении двух красноармейцев Анджиевского поездом отправили в Пятигорск.

ПРИШЛА ЛЮБОВЬ

1

Вагон качало из стороны в сторону, он скрипел, стонал, но катил с доброй скоростью.

Малость поостыв, Анджиевский в душе признал, что товарищи крутом правы. Если уж начистоту, его желание ринуться с виптовкой на позиции рядовым продиктовано чувством личной мести. Потрясла Анджиевского смерть Ярышева, гибель отряда. Горела душа. Молод он и не умеет сдерживаться, а сердце свое надо держать в тисках.

— Да вы не убивайтесь так, Григорий Григорич,— сердечным тоном произнес один из красноармейцев.— Все вас так любят! Болтса за вас, вот и волнуются. Пулю-то схватить ой как легко!

Слова бойца и, главное, тон его ошеломили Анджиевского. Он почувствовал, как подкатил к горлу комок. Мельком взглянув на красноармейца, Григорий Григорьевич наклонился, чтобы скрыть от него волнение. Хотелось обнять бойца, что-то сказать высокое, человеческое, но Анджиевский лишь пониже пригнул голову.

На вокзале в Пятигорске Григорий Григорьевич с улыбкой сказал красноармейцам:

— Возвращайтесь, товарищи. Уверяю вас, не сбегу.

Бойцы добродушно посмелились. Один из них, пряча улыбку в глазах, заметил:

— Вообще-то мы должны сдать вас под расписку товарищу Пащенко... Но... голоснем, что ли, и отпустим? Как ты? — осведомился он у товарища.

— Голосую «за».

— Ну, спасибо.— Анджиевский пожал бойцам руки и отпустил их.

Решил пройтись пешком от вокзала. Перед Пащенко, конечно, надо извиниться...

Анджиевский огляделся. Лето. Чудесное лето Кавказа. Зелено, солнечно, тихо. Пахнет липами, цветами. Цветы, много цветов вокруг. Как неистребима людская воля к жизни! Столько льется крови, а жизнь продолжается. Не прекрасно ли это? Кто-то влюбляется, ревнует, страдает. Жизнь идет. Жизнь, несмотря ни на что.

Вдохнул Анджиевский и вдруг задержал дыхание. Навстречу ему шла взволнованная девушка. Щеки ее разгорелись румянцем, она сердито что-то шептала про себя и, казалось, никого и ничего не замечала вокруг. Было наслаждением

смотреть на нее, юную, пылающую и поразительно знакомую.

Анджиевский замедлил шаг. Неужели она? Анка! Или он ошибается?

— Анка! — тихо позвал он.

Девушка остановилась, с удивлением взглянула на Анджиевского.

— Откуда вы меня знаете? Я всего-то неделю в Пятигорске.

— Неужели не узнаете?

Анка, отрешившись от своих мыслей, пристально взглянула на Анджиевского. Глаза ее вспыхнули. Чтобы не вскрикнуть, девушка поднесла ладонь ко рту.

— Господи! Вы?! Тот самый?!

— Ну, конечно, тот самый.— Григорий Григорьевич весело рассмеялся.

— «Заяц»! — Анка, просияв, всплеснула руками.— Ой, как я рада! Ну, просто нет слов!

Она быстро оглянулась. В одну сторону, в другую. И заговорщически шепнула:

— Дайте я вас поцелую.

— Везет же мне сегодня!

Улыбаясь, они коснулись друг друга щекой. Нежно получилось, дружески, но эта невинная ласка чуть смутила обоих.

— Ну, вот я вас и встретила,— вырвалось у девушки.

— А вы хотели меня встретить? — удивился Анджиевский.

— Ну, конечно! — горячо заверила Анка.— Тут понимаешь... ой простите... понимаете, история какая? Мой папа такие письма слал с позиций. И рассказывал про молодого солдата Гришу. Описывал, какой он, тот Гриша... А я... вот, ей-богу... сердце мое чуяло... Вы это писали. Наваждение какое-то.

Григорий схватил девушку за руки.

— Григория Хлебного дочь?!

— Точно. Я самая.

Анджиевский отпустил Анкины руки, отступил на шаг.

— До чего же мир тесен! И я, честно признаться, подумывал: уж не та ли Анка? Бедная учительница, прислуга, годы сходились...

— Вот же как бывает в жизни!..— Анка прижала ладони к щекам.

Анджиевский оглянулся и, заметив в скверике скамейку, предложил:

— Может, сядем?

— С удовольствием.— Анка схватила Анджиевского за руку и, чуть приподняв длинную юбку, бегом устремилась в скверик, увлекая его за собой. Он не сопротивлялся. Анка и

раньше отличалась непосредственностью, не растеряла этого своего милого качества до сих пор. Такая же искренняя, открытая, чистая...

Уселись. Дружно, будто по команде, вздохнули. Оба заместили свои вздохи, рассмеялись. Инициативу разговора взяла Анка.

— Значит, так. По порядку пачнем. Столько лет прошло. Почти деточками встретились...

— Ну, уж деточками! — запротестовал Григорий. — Усы как-никак росли уже...

— Да ну?! Я, правда, их не заметила. Да уж ладно, я добрая. Усы так усы. Очень я прошу... можно мне па «ты» и Гришей, а?

— Конечно, Анка. Столько лет знакомы!

Анка улыбнулась, положила горячую ладонь на его руку.

— А что? Разве не так? По письмам друг друга знали... Правда, я не видела, как усы росли у одного моего знакомого... — У Анки в глазах засветились искорки смеха.

— Анночка, не томи. Где отец, что с ним?

Лицо у девушки потемнело.

— Убит мой отец, Гриша. В семнадцатом. Перед самой революцией.

Анджиевский замолчал, поник головой. Он как-то и не подумал, что Хлебный мог погибнуть. Такой могучий, сильный и, признаться, живучий! Но война есть война...

— Большой, хороший человек погиб, — сказал Анджиевский.

— И ты, Гриша... Именно ты помог отцу стать совсем другим человеком! — с признательностью воскликнула девушка. — Скажи мне, пожалуйста... Откровенно, Гриша. Ты сейчас большевик? Да?

Григорий улыбнулся. Ну и положение! У вожака пятигорских большевиков спрашивают: большевик ли он? Ситуация из ряда вон. Так и подмывало что-нибудь «учудить», как в юности бывало.

— Да, Анка. Именно большевик. С той поры как мы встретились.

— И я, Гриша, в той же партии. Вот честное слово. — Анка выпрямилась и положила руку на грудь.

— Верно, милая Аня. Я уже тогда по письмам смекнул. Учителька тебя сделала большевичкой, да?

— Интересно ты говоришь. Как мой отец.

— Потому и произнес это слово... Где она сейчас?

— О, Лариса Петровна далеко улетела. В Москве. У Крупской работает. Они давно друг друга знают,

— Неужто у Надежды Константиновны?

— Ну, конечно. Она же старая революционерка. В ссылке была, за границей. В Москву с собой меня звала, а я к матери поехала, чтоб проведать, немного помочь, да вот застряла здесь, в профсоюзную работу окунулась.

— Интересно. Очень интересно. У нас это, пожалуй, самое слабое звено. Там действительно непочатый край работы.

Анка, чуть отстранившись, внимательно посмотрела в лицо Анджиевского.

— Я все о себе да о себе. А ты сам-то где? Кто ты есть, дорогой мой? Я ведь ничего о тебе не знаю.

Анджиевский вдруг смутился, хотя так хотелось гордо заявить: «Я председатель Совета». Интересно, как бы она отнеслась к его сообщению?

Ответил же он со скромной, хотя и несколько наигранной неопределенностью.

— Работаю, Анка. Тржжжж в поте лица, как говорится. Горячо нам приходится. Шкуро покоя не дает. Только что вот из станицы Ессентукской...

— Боже мой! Ну как там, что?! — заволновалась девушка. — Столько всяких слухов!.. Одни страшней другого. Не знаешь случайно, жив Анджиевский!

Григорий Григорьевич от неожиданности слегка отшатнулся от Анки. Она действительно не знает, с кем говорит. Но ответил все-таки не так, как хотелось.

— Точно знаю. Жив он. А что о нем говорят?

— Будто убили его. Тут такие волнения, ужас! Я, правда, ни разу его не видела, но все его в Пятигорске обожают. Настоящий трибун.

Анджиевский почувствовал, что краснеет.

— Так уж и трибун! — пробормотал он. — Тоже мне, Цицерон нашелся...

Девушка вспыхнула.

— Что это за слова?! «Цицерон»! И слова-то какие? Ты вообще большевик или эсдек какой-нибудь?

«Вот же в идиотское положение попал», — посмеялся про себя Анджиевский. И все-таки сказать, что он и есть тот самый «трибун», было невозможно. Язык не поворачивался.

— Извини, пожалуйста. Не привык я. Такие определения... «Трибун», «обожают». Не по нутру опи мне, понимаешь?

— А что такого? — не сдавалась Анка. — Настоящий большевик. Принципиальный, волевой, закаленный. Знаешь сколько он в Сибири вшей покормил? Сколько побегов совершил?

— Даже побегов?!

Первый раз Григорий слышал такое о себе.

— Ну, конечно, побегов. Последний раз, говорят, за границу пробрался, а когда революция случилась, он через границу, через Кавкавказские горы прошел, но лично товарищ Ленин здесь его задержал. Очень тут сложно и трудно было.

Анджиевский порывисто взъерошил себе волосы. Его и смех разбирал, и от неловкости не знал куда себя девать, и, правду если сказать, очень было приятно слушать такие о себе слова.

— Погоди, Анка. Кто это тебе сказал?..

— Всюду и все говорят об этом.

— Всюду и все... Общю это. Где конкретно? Кто говорит? О Сибири, о побегах, о загранице?

— У нас, например, в профсоюзах. На заводе слышала, в мастерских на железной дороге... Как раз туда бегу сейчас... А почему такое недоверие? Он тебе разве не по душе? Ты вообще с ним встречался? Конечно, встречался. Как можно не видеть Анджиевского, если ты действительно большевик?

Григорий встал. Дальше тянуть было нельзя. Все могло в потеху превратиться. А он решительно того не желал. Встреча с Анкой до глубины души взволновала его, он считал, что судьба подарила ему большую и притом неожиданную радость. И девушка-то прелесть! Вся светится. А он так дешево и плоско с ней играет. Надо как-то исправить положение. Но как?

— Прости, Анка. Я, конечно, знаю Анджиевского, и вообще... Но сейчас меня ждют. Вернее, не меня самого, а моего сообщения. Они же там ничего не знают. Телефон шкуровцы испортили, а нарочного не сумели послать, каждый человек дорог в бою.

Анка вскочила.

— И в самом деле. Иди, иди, Гриша. Представляю, как они там волнуются!

— Ну, спасибо. Слушай, где тебя найти? Как ты вообще обосновалась?

— Хорошо, просто отлично устроилась. У меня койка в «Бристоле». На втором этаже, двенадцатый номер.

— Я найду... Разыщу тебя, Анка. В самое ближайшее время.

— Я буду очень, очень рада, Гриша. Жду тебя.

Они расстались, едва пожав руки. Григорий Григорьевич облегченно вздохнул. Слава богу. Что-нибудь придумает, извинится, наконец. Неужели она его не поймет? Завтра же это сделает. Нет, сегодня.

Увы, все было совсем не так, как распланировал Анджиевский. Пащенко встретил Григория Григорьевича чуть ли не со слезами на глазах.

— Ты жив... жив?! — Он крепко обнял Григория, отстранил его, будто хотел убедиться, что это именно Анджиевский, а не кто-то другой. — А тут такое болтали!

— А что такое?

— Убили тебя. В плен забрали. Потеху устроили и повесили.

— Неужто такое болтали?

— Не говори, Григорий. О чем только не было разговоров.

Сразу же обоих закрутили события. Через три часа после возвращения Анджиевского в Совет пришло сообщение с нарочным: Шкуро, потерпев поражение под станицей Ессентукской, готовится напасть на станицу Кисловодскую. К нему будто бы подошли свежие силы. Решено немедленно бросить клич: «Все на борьбу с бандитом Шкуро».

О встрече с Анкой Григорий Григорьевич забыл. Не до встреч было. От усталости он валялся с ног. Поспать Анджиевскому удалось часа три, причем не выходя из Совета. Утром началась сутолока с формированием отрядов. Кабинет его был полон народу.

Но вот, наконец, схлынула волна, с Григорием Григорьевичем остался только Пащенко.

— Давай-ка подобьем дебет с кредитом, сколько у нас штыков, — сказал Пащенко и вдруг заметил, что Анджиевский, бледнея, стал медленно подниматься.

Пащенко резко обернулся, выхватил из кармана наган. А стрелять было не в кого: на пороге стояла девушка, из рук которой сыпались бумаги. Изменилась в лице и вошедшая.

— Что тут происходит, не пойму? — удивился Федор Дмитриевич.

— Слушай, Федор, оставь нас на минутку, — умоляюще прошептал Григорий Григорьевич. — Потом объясню. И проследи, чтоб никто не входил сюда, ладно?

— Ну-ну, — заместитель посветлел лицом, спрятал наган и заспешил из кабинета.

Анка, опомнившись, стала торопливо подбирать оброненные бумажки.

— Зачем вы так, Григорий Григорьевич? — тихо спросила она.

— Глупая история. Прости великодушно. Почувствовал се-

бя мальчишской, понимаешь? Ну, лихость, что ли... Трудно даже сказать, объяснить...

Голос Анджиевского был полон раскаяния, и Анка сразу же поняла, как неловко этому человеку и как он сожалеет о случившемся.

— Правда? Это все правда, что вы говорите?

— Прощу тебя, Аня, не надо на «вы». Все по-прежнему. Пойми сама. «Трибун», «обожают»... И все такое прочее. Никогда я такого не слышал, ну и... шлея под хвост попала.

Девушка заулыбалась. Чувствовалось, у нее камень с души свалился.

— Я и сама хороша, таратора несчастная! Разболталась, раскудаhtалась...

— Стало быть, повинную голову не секут?

— Зачем же? Да еще такую умную...— И Анка протянула руку.

Григорий с размаху хлопнул по розовой Анкипой ладошке, оказавшейся совсем не слабой. Они крепко пожали друг другу руки и с облегчением заговорили о другом. Оказывается, Анка сколотила целую группу девушек. Для защиты станицы Кисловодской. Их набралось восемнадцать человек.

— Вот так история! А стрелять-то они умеют?

— Еще как! — задорно ответила Анка. — Специально тренировались.

Анка сказала, что она сама намерена возглавить группу девушек. У нее хорошая подготовка, она стреляет «в самое яблочко».

Ребяческое это заявление, хотя и пылкое, сжало сердце Анджиевского. Может погибнуть в первом же бою. Цыпленок. Одно дело научиться стрелять в картонную мишень, совсем другое — во врага. Надо помешать ее намерениям. И тут не жалость причина. Анка дорога ему. Внезапное было чувство, но зачем же перед собой-то лукавить? Но как удержать ее?

Мелькнуло и сомнение: правильно ли он поступит, задержав девушку, к которой лично неравнодушен?

В смятении Анджиевский не знал, на что решиться, как поступить. Анка о чем-то увлеченно говорила, но смысл не доходил до сознания Анджиевского.

И как раз в это время возвратился Пащенко. Он хорошо знал Анджиевского и с присущей ему чуткостью понял, в какой тревоге находится Григорий Григорьевич, в сущности, совсем еще молодой человек, за годы мытарств так и не научившийся скрывать своих чувств.

Федор Дмитриевич хотел сообщить Анджиевскому, что он уже «подбил дебет с кредитом» и уходит, но, не сказав о

том ни слова, осторожно вмешался в разговор и вскоре узнал всю историю с созданием женской боевой группы. Долго не раздумывая, Пащенко оборвал девушку:

— Мы не можем отпустить вас, уважаемая Анна Григорьевна.

Анка вспыхнула, запротестовала:

— Но я должна. Я не имею права оставаться, потому что лично организовала женский отряд. Как посмотрят на меня девушки?

— А вам разве все равно, как на вас посмотрит городская партийная организация? — не уступал Пащенко. — Вы оставлены здесь, как человек, знакомый с профсоюзной работой. У вас опыт, хорошая школа подполья. Мы пошли на то, чтобы просить Надежду Константиновну Крупскую на какое-то время задержать вас в Пятигорске, чтобы вы смогли помочь нам.

— Как? — удивилась Анка. — Разве обо мне был запрос?

— Разумеется. Притом телеграфный.

Анджиевский только сейчас вспомнил, что сам же около недели назад вмешался в судьбу девушки. Действительно, был запрос от Крупской. Посоветовавшись с Пащенко, они также телеграммой ответили Надежде Константиновне, что запрашиваемая действительно находится в Пятигорске и налаживает профсоюзную работу; они убедительно просят хотя бы на три-четыре месяца задержать ее в Пятигорске, пока она не подготовит вместо себя заместителя.

Но в запросе Крупской указывалась другая фамилия. Анджиевский не мог бы не обратить внимания, если бы на глаза ему попала фамилия Хлебная, и тем более имя которой Анка. Оказалось, что в городе Анку именуют по партийной кличке, к которой девушка уже привыкла, а ей самой не хотелось, да и недосуг было что-либо менять.

Григорий Григорьевич с благодарностью посмотрел на Пащенко. Золотой все-таки товарищ!

— Давайте прекратим ненужный спор, — обрел, наконец, дар речи Анджиевский. — Все стало на свои места. Я не знал, о ком идет речь, когда пришел запрос от Надежды Константиновны. Я очень рад, Анна Григорьевна, еще ближе познакомиться, и теперь уже с деловой стороны. Отпустить вас с отрядом девушек мы никак не можем. Не имеем права рисковать вашей жизнью, коль вы пужны Надежде Константиновне.

Эта речь вызвала на лице Анджиевского испарину. Быстро смахнув ее ладонью, он взглянул исподлобья на Пащенко и продолжал:

— Я, признаться, мучился сейчас угрызениями совести...

Не совершаю ли я, с точки зрения партийца, проступка, задерживая в городе лично знакомого мне и давно знакомого человека? А сейчас, Анна Григорьевна, уже как глава партийной организации города заявляю вам официально: не отпущу. Что прикажете ответить Надежде Константиновне, если вдруг сложите голову под станицей Кисловодской? Хорош специалист, ежели его сразу же после телеграммы в Москву — и не куда-то, а в Кремль! — посылают с винтовкой против Шкуро. В каком положении мы окажемся? Поставьте себя на наше место.

— Но и другие, что с винтовками, тоже специалисты в своем деле, — уж по инерции защищалась Анка.

— Конечно, каждый человек для нас сейчас дорог, — согласился Анджиевский. — Но у других есть опыт, они уже действовали с оружием в руках.

— А что опыт! Опыт жизнью приобретается. Если не ходила с ружьем наперевес, это еще не значит, что никуда не погуляешь.

Григорий Григорьевич вдруг рассердился.

— Слушай, Анка. Какого черта ты ломаешься? «Я обязана... Я должна...» Мы оба постарше тебя и говорим авторитетно: не лезь, ткнут в живот штыком и «мама» не успеешь крикнуть. Если ты наладишь нам профсоюзную работу, организуешь ячейки на фабриках, заводах, во всех учреждениях и они станут работать, ты этим сделаешь столько, сколько в бою батальон не совершит. Неужели ты этого не понимаешь?

— Я-то понимаю... Но вот поймут ли девушки? Стыдно мне, Григорий Григорич.

— А вы, Анна Григорьевна, полагаете, что этих девушек мы с бухты-барахты в бой пошлем? — опять вмешался Пащенко. — Напрасно вы думаете, что мы так легко разбрасываемся людьми. Девушки будут нести вспомогательную службу.

Не заметив противоречия в словах Пащенко, всегда так логично и убедительно говорившего, Анка промолчала, только искоса взглянула на Григория. Она поняла, что руководило этим человеком. Догадалась Анка и о смятении Анджиевского. Все это пришло ей в голову только сейчас, сплюснутому.

К ее щекам прилила горячая волна. Конечно, оба, и председатель и заместитель, чуть лукавили. Забота о ней проявлялась не потому, что Надежда Константиновна послала телеграмму. Умница заместитель помогает председателю выйти из трудного положения. Любят здесь Анджиевского, полюбили, кажется, и ее, Анку.

Но неужели перед нею тот самый юноша, который прошел пешком сотни верст до Ростова? Сколько раз она думала о нем, мечтала встретить! И вот встретила!

Нежность и гордость овладели девушкой. Ее «зайчик»! Удивительно!

И опять поспешил на помощь Пащенко.

— Я пошел, Григорий Григорьевич. Списки уже составлены. Триста десять человек. С ее девушками триста двадцать восемь. Старшую у них сейчас же назначу.— Поколебавшись, Федор Дмитриевич твердо сказал: — Я советую вам, Григорий Григорьевич, отоспаться. Иначе вы свалитесь. Проводите Анну Григорьевну до «Бристоля», и спать. Это я вам серьезно говорю.

Анджиевский с благодарностью улыбнулся, кивнул головой.

3

Ночь выдалась звездной, теплой. В распоряжении председателя была пролетка и старая мотоциклетка, на которой Анджиевский ни разу не ездил: сначала считал неудобным на ней ездить, а потом не стало горючего. Но и пролеткой сегодня Григорий Григорьевич не воспользовался, хотя ноги казались чужими от усталости.

Шли медленно, изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. Анджиевскому хотелось взять Анку за руку, но перед часто встречавшимися патрулями это казалось неудобным. И вообще было как-то боязно. За свою двадцатилетнюю жизнь Григорию Григорьевичу мало приходилось общаться с женщинами. Еще в Ростове он познакомился с девушкой из «приличной» семьи, но через месяц перестал с ней встречаться — с ней не о чем было разговаривать. Она требовала от него стихов в альбом, а он не умел и, главное, не хотел их писать. Встретилась на его пути сестра милосердия, но любовные утехы без любви заставили Григория презирать себя. Он так и сказал той сестре. Она рассмеялась.

— Чудак ты, Гриша. Выдумываешь все, живешь не так, как люди. Жизнь-то у тебя одна.

— Ну и что?.. Не могу я так просто, ничего не чувствуя.

Обидел он тогда в общем-то неплохую женщину, но ничего с собой не мог поделать. Она это поняла и отошла...

— Ой, сколько звезд упало! — тихо вскрикнула Анка, мягко касаясь ладонью груди Григория.

А он, не отдавая себе отчета, прижал эту руку, взял девушку за плечи и тихо привлек к себе. Анка не сопротивлялась.

Висок ее коснулся щеки Григория. Он прислонился спиной к дереву, закрыл глаза и, чувствуя, что не может иначе, что больше нет сил сдерживаться, поцеловал горячие, влажные губы девушки.

— Милый мой! — тихо сказала Анка. — Даже не верится: ты ли это?

БЕГСТВО

На рассвете Анджиевского разбудил звонок дежурного по исполкому.

— Пришел пакет, Григорий Григорьевич. Шкуро пытался занять станицу Кисловодскую. Не вышло. Разбит в пух и прах.

— Молодцы красные гвардейцы. Как считаешь?

— Еще бы не молодцы! Вон как лупят Шкуру... — горделиво пророкотал в трубке голос дежурного.

Через полчаса Анджиевский был в Совете. Из донесения стала ясна сложившаяся обстановка. Отряд Янышевского, лихо навалившийся на сотни Шкуро, вскоре вынужден был отойти, потому что кончились боеприпасы. Зная об этом шкуровцы, они могли бы разбить отряд. Но подоспела помощь из Пятигорска, стали подвозить боеприпасы, продукты, и шкуровцы заматались под упорным, все усиливающимся огнем красных. Когда пятигорцы перешли в атаку, сотни Шкуро дрогнули и побежали. Красногвардейцы, преследуя атамана, захватили богатые трофеи: более тысячи коней и большое количество вооружения — почти сплошь английского образца.

Янышевский, вернувшись в Пятигорск, острил:

— Опять о нас проявляет заботу полупотченный генерал Бригс.

Между тем обстановка на фронте ухудшилась. Тому предшествовали серьезные причины. 24 сентября командующим всеми войсками, действующими на Северном Кавказе, в том числе и ставропольскими, был назначен Сорокин. Главком получил приказ отрезать соединения Деникина от Донской армии Краснова.

Этого приказа Сорокин не выполнил. Дисциплина в армии падала. Вынужденные подчиняться путанным приказам главнокомандующего, соединения отходили, не принимая боя. непонимание действий главкома перерастало в недоверие ему.

Сорокин, конечно, знал, как относятся к его приказам

командиры. Не обладая широтой ума и политической закалкой, больше руководствуясь чувством, чем умом, главнокомандующий шел напролом. Он стремился укрепить свою власть любыми средствами. Сорокпну не давали покой лавры Наполеона...

После падения Екатеринодара краевой комитет партии, ЦИК Северо-Кавказской республики и другие советские и партийные организации были эвакуированы сначала в Армавир, а потом двинулись в Пятигорск, который должен стать центром Северо-Кавказской и Терской республик.

Красная Армия Северного Кавказа, переименованная в Одиннадцатую, постепенно откатывалась к Пятигорску. В тяжелейших условиях проходило это отступление. Банды Шкуро нападали на станицы и города республики.

Воспользовавшись тяжелым положением регулярных частей Красной Армии, Шкуро внезапной атакой захватил станицу Кисловодскую. Малочисленные защитники станицы были частью порублены в бою, частью расстреляны или заколоты штыками, а коммунисты повешены... Находили красноармейцев со вспоротыми и набитыми землей животами. К груди своих жертв шкуровцы прибавляли ржавым гвоздем записки, нацарапанные кровью: «Ешь, коммуния, землю казаков».

Шкуро оставался Шкуро...

Это нападение «волчьих сотен» на станицу Кисловодскую было первым после основательного поражения в бою за Ессентукскую. Шкуро побаивался ввязываться в бой с коммунистическим отрядом Янышевского. На черном знамени воинства Шкуро, окаймленном серебряной лентой, была изображена разъяренная волчья пасть. Атаману хотелось устрашать, наводить ужас. А вызывал он омерзение, ненависть и желание беспощадно мстить...

Янышевский не находил себе места. Атаман бесчинствовал в станице Кисловодской и чувствовал себя чуть ли не хозяином в округе. Слишком уж нагло действовал Шкуро в этом, как его называли, «райском» уголке Северного Кавказа.

— Нет моих сил сознать, что эта шкура проклятая благоденствует в Кисловодске,— сказал однажды Янышевский, входя в кабинет к Пащенко.— Все у меня кипит внутри, понимаешь?

Пащенко, как всегда, не сразу ответил. Он хорошо понимал, что комиссар не случайно пришел к нему.

— Будь у нас уверенность, что одним ударом можно сковырнуть Шкуро, рискнуть бы можно,— отозвался наконец заместитель председателя, давая понять, что он не скрывает и не желает скрывать своих сомнений в успехе операции.— Есть

у тебя уверенность? Если да, давай убедим Григория Григорьевича.

Янышевский задумался. Оба они некоторое время молчали.

— Вот что, Федор. Нельзя откладывать операцию. Ты послушай...

Полчаса они обсуждали план разгрома Шкуро, а потом, смахнув все бумажки со стола, устремились к Анджиевскому, уединившемуся с Власовым, с которым в последнее время председатель был неразлучен.

Еще полчаса провели в спорах, но уже вчетвером.

Из кабинета Анджиевского военный комиссар вышел сияющий.

— Смотри, Николай, сорвешься, сильно подведешь всех нас,— напутствовал его Пащенко. Говорил одно, а думал совсем другое: разгромит Янышевский Шкуро, непременно разгромит. Беда только, что комиссар горяч, может зря голову сложить. А эта голова для дела дорога.— Гляди в оба, комиссар. И не суйся ты, ради бога, во все дыры. Вечно тебя прет в самое пекло. Сгоришь в огне, как мотылек.

Янышевский хлопнул по плечу Пащенко, расплылся в широкой добродушной улыбке.

— Эка сравнил... Мотылек двухметрового роста.

Федор Дмитриевич, критически окинув взглядом могучую фигуру Янышевского, улыбнулся:

— Да ведь в том-то и беда. В тебя из ружья попасть, все одно, что в башню.

Комиссар поскреб затылок.

— Мы как будем?.. Лобзаться или что?

— На этот раз обойдемся. Будь здоров, Николай.

— Буду, Федор. Обязательно буду...

План Янышевского был основан на внезапности. То был излюбленный прием комиссара. Кисловодск окружали горы. Шкуровские заслоны, как донесла разведка, перекрывали долину и все удобные для прохода дороги. Скорее, для проезда, чем для прохода. А со стороны гор Янышевский открыл подходы, по которым можно незаметно подобраться к городу и ударить одновременно с трех сторон.

Отряд был разбит на три группы. Задачу уяснила себе каждая из них. В это время года рано заходила луна и становились длинными ночи. С наступлением темноты бойцы двинулись в горы; свет луны облегчил задачу, а, когда она скрылась за горизонтом и наступила темнота, отряд уже просочился к станице и стал накапливаться на окраинах.

Часовых сняли незаметно. Один, правда, успел вскрикнуть. Но все обошлось, В назначенное время загрохотали выстрелы

с трех сторон. Шкуровцы и предполагать не могли, чтобы в такое трудное для большевиков время, когда Одиннадцатая армия начала отступление, когда кольцо вокруг кавказских Минеральных Вод сжималось все туже, те же большевики отчаялись на наступательную операцию. Казаки жили в домах, спали на перинах в обнимку с «залетками», для которых было все равно, какпы цветом окрашены знамена занимавших станицу войск, лишь бы мужик отвечал своему мужскому званию. И главное, чтобы в его кармане звенели монеты. Шкуро не стеснял своих «волчат», и они тащили все, что представляло ценность.

В годы гражданской войны происходила коренная ломка устоев общества и государства. Часто, слишком часто слышалось разудалое: «И-эх, снова живем!» Какие только уста не произносили этих плоских, все и вся прикрывавших слов! Из истории уходил класс со своею нравственностью. Но, уходя, он хотел хлопнуть дверью.

«И-эх, снова живем!» — раздавалось и во многих домах станицы Кисловодской. Водкой и продажными женщинами станица начала славиться с той поры, как здесь открыли целебные воды. Ночным пьяным разгулом ревнителей «белой идеи» и воспользовались бойцы коммунистического отряда Янышевского.

Шкуровцев заставляли в квартирах, на постелях. Янышевскому заранее было известно, где кто размещался — его разведка работала четко и безошибочно. Взяли всех, кого наметили взять. Но не было пока что среди них главного — атамана Шкуро.

Резиденция Шкуро размещалась в роскошном «Гранд-отеле». Атаман занимал огромные покои, а личная его челядь захватила целиком третий этаж. И часовых, и охранников взяли быстро, бесшумно, но вдруг в диком крике зашлась одна из любовниц Шкуро. Кошкой прыгнул атаман в окно и, зажав во рту маузер, заскользил вниз по водосточной трубе в одном нижнем белье. В кустах стоял оседланный конь...

Комиссар ворвался в покои Шкуро, когда тот уже вскочил в седло и, гикнув, во весь дух помчался по улице, мимо растерявшихся красноармейцев.

По удиравшему атаману открыли огонь. Но Янышевскому стало ясно: ушел. Опять ушел. Попасть из винтовки или револьвера в скачущего всадника, тем более в предрассветных сумерках — затея безуспешная.

Рвать на себе волосы? Как бы не так. Янышевский нашел силы улыбнуться и сказать:

— Кто бы знал про шкуру-циркача? По трубе, вииз... Не всякий акробат сумеет.

Сотни атамана не ушли из Кисловодской. Тот, кто пытался сопротивляться, сложил голову на месте; расстреляли и тех, кто лютовал и зверствовал в городе. Но большую часть казаков опять распустили по домам. Отправился домой и казак Горбыня. Он-то и рассказал о том, как было организовано покушение на Григория Анджиевского. Признался Горбыня, что это он пристрелил своего напарника-офицера.

Горбыня прозревал. И таких, как он, становилось все больше. Правда, до полного «прочищения мозгов» было еще далеко. Смута еще долго будет носить казаков по полям сражений и бросать из стороны в сторону. Но главному положено начало: в казачьих душах посеяно сомнение — нужно ли защищать интересы свергнутого строя?.. И решил эту проблему каждый для себя, наедине с собственной совестью.

«БУДУ ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА ЖИЗНИ»

Появление Анки перевернуло всю жизнь Григория. Любовь захватила обоих. Не было, казалось, ни одной свободной минуты в бешеном потоке жизни, и все-таки не проходило дня, чтобы Анка и Григорий не встретились. Искренние, а потому и незащищенные, они не умели скрывать свою любовь. А это не могло понравиться его друзьям, потому что отнюдь не усиливало авторитет Анджиевского. Однажды Янышевский появился в кабинете председателя.

— Вот что, Гриша, — тоном, не допускающим возражений, сказал он, усаживаясь около председателя. — Надо тебе жениться.

Анджиевский покраснел — последнее время он часто краснел и сам же злился на себя за эту дурацкую привычку.

— Это почему же так решительно?

— Совет друзей постановил.

— Без моего участия? Это пазывается: без меня меня женили.

— Правильно. Без тебя — тебя. А знаешь почему? Потому что ты стал бюрократом. Небось предложение о женитьбе поставил бы на голосование, а перед тем речь бы закатил и расколол нас на два лагеря. Поэтому и решили: без тебя тебя женить.

— Ну, развивай, развивай дальше.

— Ладно, Гриша, давай всерьез. Не мучь Анку. Не может...

нельзя же ей первой тебе предложение сделать. Нам предстоит отступление. Разминуться можете, и вообще... Любовь — дело хрупкое, я так считаю.

Они помолчали. Анджиевский, хмурясь, крутил в руке карандаш. Думал: «Ишь умники... Все за меня сообразили... Только, видно, забыли, что предстоят жестокие бои. Вдруг меня убьют? Это же может испортить Анке всю жизнь... Вдова».

И тут ему пришло в голову, что Анка могла иначе расценить его молчание. Подумать, будто он не желает себя связывать обязательствами... Даже страшно стало от злой мысли. Ведь она мучается, наверное...

Решил сразу. Встал, подошел к окну. Сказал, рассматривая что-то на улице:

— Ты прав, Николай. Прошу тебя... Окажи мне, как товарищу и другу, помощь. Бери мою пролетку и из-под земли достань Анку.

— А потом ее куда? — Глаза Янышевского возбужденно загорелись.

— Сюда. В исполком. В присутствии твоём и Пашенко пусть кто-нибудь нас зарегистрирует.

Янышевский помолчал.

— Нехорошо может получиться. Я ее доставлю в исполком. Я... Понимаешь? А лично ты говорил с Анкой... ну, об этом самом?

Анджиевский растерялся.

— Нет... А что? Может не согласиться?

— Как тебе сказать... Конечно, не откажет. Любит она тебя, очень любит. Но тут ты вроде купца: подай тебе невесту.

— И в самом деле плохо.— У Анджиевского даже холодный пот выступил на лбу.— Тогда иначе все сделаем. Срочные дела мы закончили, а текущих не впрокорот. Я в пролетку — и за Анкой. А вы уж тут обмозгуйте.

— Правильно! — Янышевский вроде бы слегка прихлопнул ладонью по столу, а получилось звонко, даже эхо раздалось где-то под высоким потолком.— Мы все скумекаем. Все будет как надо, положишься на нас. Дуй за Анкой, жених!

...Анку он нашел в одном из кабинетов дома, который занимала городская профсоюзная организация. Девушка просияла, увидев Григория.

— Вот уж гость неожиданный, негаданный. Сколько раз хотела пригласить тебя к нам.

Спохватившись, что главу города она называет на «ты», чем выдает себя, Анка смущенно обернулась к двум девушкам, для которых давным-давно их отношения не были секретом. Те вскочили с мест, чтобы покинуть кабинет.

— Сидите, пожалуйста,— остановил их Анджиевский.— А мы удалимся. Хорошо?

Анка вдруг заволновалась. Она зачем-то начала собирать бумаги, делала это суматошно, без надобности, но, опомнившись, бросила все, и они устремились во двор. Григорий увлек ее в глубь сада, где стояла скамейка.

— Что-нибудь случилось? — спросила Анка. Волнение отразилось в ее глазах, они блестели, они ждали.

— Случилось. Понимаешь... жить без тебя не могу.

— Господи! — Анка сжала ладонями вспыхнувшие щеки.— И ты, милый мой, примчался сказать мне об этом?

— Ага. Именно примчался. С коня пена летит. Гнал его изо всей мочи.

— С ума сошел!..— Голос изменил Анке, она смутилась окончательно.

Анджиевский взял ее руки в свои.

— Анка, я не решался... Я боялся... Время очень трудное, мало ли что может случиться. Вдруг смерть или что... Но сейчас опомнился. Я прошу тебя, Анка...

— Милый мой. Не волнуйся. Я все понимаю, знаю, догадываюсь...

— Тогда... Словом... Я хочу, чтобы ты официально стала моей женой. Ты согласна?

Анка улыбнулась, потом расплакалась, по, плача и утирая слезы, кивала головой.

Анджиевский порывисто встал. Рывком поднял Анку.

— Тогда едем!

Они заспешили на улицу. Конь, запряженный в пролетку, увидев хозяина, заржал и потянулся губами к его руке.

— Нет у меня ничего, дурашка. Давай, брат, жми. Усе-лась? — обернулся он к Анке.— Пошел, Витязь!

Пролетка вихрем помчалась по улицам. У исполкомовского подъезда Анджиевский на полном скаку остановил коня.

— Как ямщик, Анна Григорьевна? — не без хвастовства осведомился он у невесты.— Выгонят из городского Совета,— как-никак профессия.

Анка счастливо рассмеялась — она еще не могла прийти в себя от сумасшедшей езды.

Анджиевский бросил поводья сторожу и, взяв Анку за руку, увлек ее вверх по лестнице. Не успели они одолеть последнюю ступеньку, как навстречу распахнулись обе створки дверей и на пороге кабинета появился Пашенко с хлебом-солью в руках. Выглядел он торжественно, с широким полотенцем через плечо, с кумачовым бантом на груди.

За его спиной возвышалась могучая фигура Янышевского,

и тоже с бантом, с полотенцем. По обе стороны от них, сияя улыбками, стояли некоторые работники Совета, красноармейцы, командиры. Собралось человек двадцать.

«И откуда они взялись?!» — удивился Анджиевский, не ожидавший увидеть такого скопища людей.

— Уважаемые Григорий Григорьевич и Анна Григорьевна! — торжественным голосом начал Пащенко. — Мы не знаем новых обычаев, но, не желая следовать старому, решили на свой лад и на свое разумение по-новому обставить церемонию бракосочетания... — Федор Дмитриевич испытываяще оглядел обоих. — Думаю, вы пришли к общему согласию?

Анджиевский взглянул на Анку и сказал:

— Пришли, Федор Дмитриевич.

— Да. Мы хотим быть мужем и женой, — подтвердила Анка.

Кто-то зааплодировал, все присутствующие весело их поддерживали. Пащенко выждал, когда смолкнут аплодисменты, заговорил с солидностью выдавшего виды свадебного распорядителя.

— Вот и хорошо, что так. Примите этот вот хлеб-соль в знак нашего уважения к вам с пожеланием доброй, долгой и счастливой жизни. И прошу вас следовать за нами.

Анджиевский принял поднос и, не зная, что дальше с ним делать, понес его сам. Анка, поняв состояние Григория, смешливо фыркнула и, борясь со смехом, никак не могла изобразить на лице торжественного выражения, подобающего моменту. На всякий случай она покрепче уцепилась за руку жениха.

Всей толпой ввалились в зал заседаний, где на небольшой сцене стоял стол, покрытый кумачовой скатертью. Пащенко подошел к сцене, сделал знак Анджиевскому и Анке остановиться напротив. Взгляд его задержался на подносе с хлебом-солью, который Анджиевский держал на вытянутых руках в напряженной и неловкой позе. Глаза Пащенко весело блеснули. Взяв поднос из рук председателя, передал его кому-то из окружения.

Затем Пащенко и Янышевский взобрались на сцену, открыли большую книгу и сели. Пащенко взял ручку, а Янышевский громко пробасил:

— Прошу жепиха четко назвать свою фамилию, имя, отчество?

— Анджиевский. Григорий Григорьевич.

— Год рождения?

— Тысяча восемьсот девяносто седьмой.

— Происхождение?

Анджиевский пожал плечами, улыбнулся.

— Пролетарское. — И потише добавил: — Ты что, голова,

допрос мне учишь? Ты разве меня не знаешь? Первый раз встретил?

А Янышевский и бровью не повел.

— Э, мало ли что я знаю. А тут все официально, при свидетелях. Торжество как-никак.

— Тише вы,— строго прервал их Пащенко.— Продолжайте, товарищ Янышевский.

Комиссар прочистил голос и еще внушительней забасил:

— По доброй ли воле вступаете в брак, товарищ Анджиевский?

— Еще бы не по доброй! — удивленно воскликнул Григорий Григорьевич.— Да я жить без нее не могу, чудака ты этакий.

Свидетели рассмеялись, улыбнулся и Пащенко, а с Янышевского будто с гуся вода.

— Будешь ли ты, Григорий Анджиевский, крепко, по-нашему, по-большевистски любить Анку... виноват, Анну Григорьевну? — Янышевский при слове «по-большевистски» с силой взмахнул сжатым кулаком.

Пащенко, не ожидавший такого вопроса, выкатил глаза на комиссара. Но теперь уже Анджиевский освоился. Ему вопрос понравился.

— Буду, друзья. Клянусь всем, что мне дорого. Буду до конца своей жизни любить свою жену.

— Тогда целуй невесту по-нашему,— лихо провозгласил Янышевский.

— Подожди, комиссар,— взмолился Пащенко.— Как я это запишу? Ты думаешь или нет?

— А ты это не пиши. Разрешаю.

Публика совсем развеселилась. Анджиевский обернулся, но, никого не различив — перед глазами расплывалось что-то пестрое,— махнул рукой и осторожно коснулся Анкиных губ. Она ответила быстро и нежно.

— Э, нет. Так дело не пойдет. Давай по-пролетарски,— забраковал поцелуй Янышевский.

Свидетели поддержали комиссара аплодисментами. Пришлось Анджиевскому исправляться.

— Эх тебя понесло,— проворчал Пащенко.— Задавай вопросы невесте. Да по существу.

Те же вопросы задал комиссар и Анке, с той лишь разницей, что невесту он спрашивал каким-то несвойственным ему поркующе-голубиным тоном, хотя по-прежнему басил. Лицо Янышевского прямо-таки светилось, резкие его очертания сгладились, а сам он стал уютным и домашним.

— Буду и я любить, дорогие мои друзья. Гриша Анджиевский стоит большой и настоящей любви,— смело ответила Ан-

ка и, не дожидаясь распоряжения Янышевского, сама обняла и расцеловала жениха.

— Вот это по-нашему! — одобрил комиссар. — Записал, Федор Дмитрич!

— Оформил все честь по чести, — облегченно вздохнул Пащенко.

— Ну, и добре. А теперь лезьте сюда, расписывайтесь, — пригласил комиссар на сцену жениха и невесту.

— А зачем им сюда забираться? — удивился Пащенко. — Подадим туда, и пусть себе расписываются.

— Э, нет! — запротестовал Янышевский. — Пусть уж по всей форме, на кумаче расписуются, на нашей с вами кровушке. Так оно будет крепче.

Взобрались Анджиевский и Анка на сцену. Расписались. Обоих обнял и расцеловал Янышевский, вслед за ним Пащенко и двое других, кто помогал оформлять брак.

— Вот тебе мой подарок, дорогой супруг! — Янышевский хлопнул по ладони Анджиевского чем-то металлическим.

Григорий Григорьевич разжал пальцы. Браунинг. Крошечный, но с широкой ручкой; а в пей наверняка умещалось десятка два патронов.

— А вот, молодая, тебе подарок! — Из кармана гимнастерки комиссар достал часы-луковицу. — Бери, Анка. Другого ничего нет. Чем богат, тем и рад.

— Господи! — Анка счастливо рассмеялась. — Что же я буду с ними делать?

— Ничего, пригодятся.

Пащенко поднял руку.

— Одну минуту, товарищи. От имени молодых супругов... — Пащенко слегка поклонился в сторону Анджиевского и Анки. — От имени молодых супругов приглашаем вас на свадебный вечер. Не обессудьте за скромное угощение. Рады бы заткать пир на весь мир по такому случаю, но пока что ограничены возможностями. Всех прошу, всех, кто здесь присутствовал. Без лишних церемоний.

Этого Анджиевский никак не ожидал. У него даже и в мыслях не было, что надо как-то отметить церемонию. Услышав сейчас о скромном свадебном вечере в их честь, Анджиевский с благодарностью сжал локоть Янышевского.

— Вы с Федором гении.

— А ты разве раньше этого не знал?

— Каюсь. Подозревал и раньше, а сейчас убедился.

— Лучше поздно, брат, чем никогда, — резюмировал комиссар. И уже ко всем: — Ну, товарищи, двинули, пока время позволяет.

...Разошлись около полуночи, основательно захмелевшие. Спирту досталось по солидной дозе, и закуска оказалась царской. На каждого гостя ломтик сала, по два кусочка пересоленной селедки, ломоть хлеба, три луковицы. И на всех... блюдо устриц, с которыми никто не знал как обращаться. Устрицы вызвали смех, шутки. Разошлись довольные и веселые. Пожалуй, это был единственный их счастливый, беззаботный вечер.

ЗАГОВОР РАСКРЫТ

1

Первые признаки существования в Пятигорске тайной контрреволюционной организации обнаружились внезапно. Однажды в отряде Янышевского в руках красноармейца разорвалась винтовка. Боец получил серьезное ранение.

Начали расследовать. Обнаружили несколько ящиков боеприпасов с неполной пороховой начинкой патронов. Во время выстрела пуля застревала в стволе — пороховых газов не хватало для ее выталкивания. При повторном выстреле винтовку разрывало на куски. Выяснилось, что патроны изготовлялись на патронно-пульном заводе, организованном в трамвайных мастерских.

Янышевский немедленно выехал на завод. С помощью местных коммунистов удалось выяснить, что трое рабочих не столь давно были офицерами. На допросе в ЧК они сознались, что действовали по заданию «Общества спасения Терека от большевизма». Возглавляли общество государственные деятели Временного и даже царского правительства. Но кто?

Офицеры были мелкими исполнителями, и таких вещей им знать не полагалось. Вскоре чекисты получили в свои руки новую питочку. Однажды комиссар почты и телеграфа Егисев заметил, что в одних и тех же адреса идет много посылок из Моздока. Их вскрыли; в посылках оказались антисоветские листовки: они отправлялись Георгием Бичераховым, который еще летом возглавил крупный контрреволюционный мятеж на Северном Кавказе.

Моздокские посылки позволили чекистам вплотную подойти к головке заговора. Было перехвачено письмо Георгия Бичерахова к председателю Окружного Совета эсеру Радзевичу; оно дополнило сведения о готовящемся восстании.

Можно было бы немедленно арестовать заговорщиков, но Анджиевский и Власов сошлись на том, что торопиться не следует.

— Выступить сейчас они не решатся,— раздумчиво говорил Анджиевский.— А нам надо использовать это время, чтобы выявить всех этих членов общества, все их связи. Уж вырывать ядовитый куст, так с корнями.

Власов, улыбнувшись, сказал:

— А что, если подослать в это общество нашего человека?

— Кабы удалось, лучшего и желать нельзя.

— Удастся, Григорий Григорьевич. Между прочим, наш сотрудник, которого я для этого дела намечаю,— бывший царский офицер.

...Чекист из бывших офицеров оказался талантливым разведчиком. Весьма строгую проверку, которой подвергли в обществе новых членов, он прошел без сучка и задоринки. Вскоре он установил, что во главе «Общества спасения Терека от большевизма» стоял известный царский генерал Радко-Дмитриев. Чекист был определен в обществе офицером связи, о чем Власов и мечтать не мог. Как офицер связи, чекист несколько раз был принят генералом Бригсом и обласкан им. Дважды офицер связи побывал в Одессе, у резидента американцев Риггса.

Общество одновременно заигрывало и с англичанами, и с американцами. Впрочем, генерал Бригс, представитель его величества короля Великобритании, пользовался большим доверием у монархистов. Принадлежность Бригса к людям консервативных взглядов казалась руководителям общества чем-то более респектабельным по сравнению с американской бесцеремонностью Риггса. Хотя, в сущности, и там и тут все решали деньги.

К концу лета восемнадцатого года Власов и Анджиевский узнали почти о всех связях заговорщиков, выявили все опорные пункты общества, обнаружили если уж не все, то большую часть питей, которые тянулись от Пятигорска. Был составлен подробный список заговорщиков.

В общество входили высокопоставленное офицерство, крупные буржуа Москвы и Петербурга, «отцы» города Пятигорска. Контрреволюционеры имели много конспиративных квартир, держали постоянную связь со ставкой Деникина, получали оттуда инструкции, помощь. Активным членом общества был председатель Пятигорского Окружного Совета Радзевич.

Члены общества должны были выступить в тот момент, когда банды Шкуро, Агоева, Бичерахова атакуют Пятигорск. Предполагалось, что их поддержат и деникинцы — они обязаны были бросить в наступление регулярные части. Заговорщики намеревались взорвать патронный завод и арсенал под Машуком, внезапно налететь на советские и партийные учреж-

дения, уничтожить всех членов партии и актив, и в первую очередь — председателя Пятигорского Совета Анджиевского.

Ненависть к Анджиевскому у монархистов была беспредельной. Руководителям заговора казалось, что с физическим уничтожением Анджиевского навсегда падет и красное знамя, которое, несмотря ни на какие бури, развевалось над непокорным южным городом.

Но Анджиевского и боялись. Лично его. Даже ЧК не вызывало такого страха у заговорщиков, как председатель Совета. Заговорщики знали и хорошо запомнили, как решительно и быстро под руководством Анджиевского был ликвидирован нижевасовский мятеж. Словом, убийство Анджиевского не сходило с повестки дня у заговорщиков.

Об этом Григорий Григорьевич хорошо знал. Власов не раз предостерегал его, пытался заставить быть осторожным.

— Не лезь на рожок, Григорий. Это же звери!

Анджиевский порывисто поднялся.

— Семи смертям не бывать, а одной не миновать. И если уж откровенно, я рад, что вызываю такую бешеную ненависть у врагов. Значит, правильной дорогой иду.

2

Ночь с 19 на 20 октября 1918 года выдалась темная. Накрапывал дождь. Улицы были безлюдны. В один из переулков Пятигорска группами по два, по три человека сворачивали работники ЧК и красноармейцы.

Дом, где проходило последнее перед путчем совещание заговорщиков, удалось окружить незаметно. Часовые вели себя до крайности беспечно: они спрятались от дождя. Двоих из них так и не удалось отыскать...

В дом чекисты и красноармейцы во главе с Власовым и Анджиевским ворвались одновременно с черного и парадного входов.

— Руки вверх! — вполголоса и очень спокойно приказал Власов.

Сцена, которая последовала за этими словами, была смешна и до крайности нелепа. Заговорщики одурели с перепуга. Красноармейцы, сдерживая смех, смотрели на лужи под ногами высокопоставленных государственных мужей. Правда, были и такие, кто с достоинством и даже в какой-то степени мужественно встретили смертельную опасность. Трое офицеров даже пытались выхватить револьверы, но Анджиевский сухо бросил:

— Оставьте эти красивые жесты. Вас же на месте пристрелят.

И будто в подтверждение его слов грохнул винтовочный

выстрел. Пуля раздробила браунинг в руке одного из заговорщиков, который намеревался стрелять во Власова.

Это был единственный выстрел за всю операцию.

— Оружие сложите на стол... Оно вам никогда больше не понадобится, смею вас заверить, господа, — сказал Власов.

Дрожащие и бледные руководители «Общества спасения Терека от большевизма» покорно побросали оружие. Двое из руководителей (то были наказной атаман Бабиев и царский министр путей сообщения Рухлов) попытались покончить с собой, но не успели: у них вовремя выхватили револьверы.

— Да вы садитесь, господа, — с вежливой предупредительностью предложил Анджиевский. — Стоит ли вам, генералам, министрам, именитым чиновникам, вытягиваться перед солдатами? А мы все здесь солдаты. К тому же сидя как-то приятней продолжать беседу.

Председатель Совета удобно устроился в одном из кресел за длинным столом, где только что заседали заговорщики, и еще раз жестом предложил сесть и всем арестованным.

Заговорщики послушно исполнили требование. Взгляды их были прикованы к пылавшему гневом лицу Анджиевского. Однако заговорил председатель сдержанно:

— К спокойствию вас призывать бессмысленно. Найдите мужество выслушать и вникнуть в мои слова. В слова большевика. Я председатель Совета, фамилию, кажется, называть излишне — вы, насколько я осведомлен, уже четвертовали меня... Но не чувство мести руководит мною... и всеми нами. Уверю вас. О другом речь... Неужели вы... вы, высокообразованные люди, не уяснили себе, что историю творит не кучка избранных, а народ? Народ в самом широком и глубоком понимании этого слова.

Анджиевский обвел взглядом посеревшие лица заговорщиков. Никто не ответил.

— Допустим, заговор ваш удался. Вы убили, расстреляли, повесили, четвертовали меня лично, уничтожили моих товарищей. Но даже мертвый не бессилён коммунист, потому что смерть его вызывает к борьбе и к победе. Мы сильны идеей, страстью, которой вы никогда не горели... Вы ежитесь, господа, вам не по шерсти мои слова. Но дослушать все-таки придется... Представим, удался ваш мятеж. Нас нет. Но как можно надеяться, что один заговор в малом по сравнению с Россией городе даст власть над всей страной, над всем народом? На меньшее вы, разумеется, не согласны?..

Анджиевский снова обвел взглядом поникших авантюристов. И снова в большой комнате повисло зловещее молчание.

— Убить Анджиевского можно, но убить мысль челове-

скую, идею невозможно. Нельзя убить марксизм, философское учение. Неужто вы настолько ограничены, чтобы всерьез помышлять о возрождении вчерашнего дня, монархии?

— Монархический строй господом богом предопределен, — осмелился, наконец, возразить один из сидевших за столом.

— Ах, это вы, господин Радко-Дмитриев?

— Откуда вы меня знаете? — удивился генерал.

— Как же, как же. Вспомните встречу на рассвете три месяца назад. Я лично удостоился чести сопровождать вас на вашу встречу с одним из представителей генерала Бригса.

— Неужто это вы?.. Вы?!

— Собственной персоной.

— Боже! Наваждение какое-то.

— Ошибаетесь, господин генерал, — отозвался Власов, который сидел на другом конце стола. — Не наваждение, а бдительность народа, взявшего власть в свои руки. Все ведь элементарно, все подчинено рассудку.

А встреча Анджиевского с генералом Радко-Дмитриевым действительно была. Как-то Власов шутя предложил взглянуть па одного из видных участников заговора, когда он отправится к представителю Бригса, имевшему свою тайную квартиру в Пятигорске.

Григорий Григорьевич охотно согласился. В назначенный час он был в условленном месте. Его встретил сотрудник ЧК и через десять минут молча показал глазами па грузного человека, неторопливо шагавшего по улице.

У Анджиевского появилось мальчишеское желание заговорить с генералом. Не удержался от улыбки, представив, какими отборными словами будет его ругать Власов (так оно впоследствии и вышло), Анджиевский спросил сотрудника:

— Как думаешь, мое лицо ему знакомо?

— Вряд ли. Генерал недавно в Пятигорске.

— Благодарю.

Григорий Григорьевич, попросив папиросу у сотрудника, почти перед самым носом у генерала вышел из укрытия и вежливо обратился к нему за спичкой. Генерал смешался и в свою очередь спросил, как лучше добраться до такого-то переулка.

— Я как раз в ту сторону, — ответил Анджиевский, возвращая спички, и спокойно зашагал впереди генерала. — Вот и ваш переулок. До свидания.

— Благодарю вас. Всего доброго. — И Радко-Дмитриев даже слегка поклонился.

Было слышно, как он облегченно вздохнул, сворачивая в ненужный ему переулок.

...Анджиевский скупно улыбнулся, глядя на ошеломленного сейчас генерала.

— Значит, вы и тогда уже?..

— Да, господин генерал. Не только тогда, но и раньше... Но я бы хотел ответить на одно ваше замечание. Вот вы, господин Радко-Дмитриев, заметили, что монархический строй самым богом определен... Так я вас понял?

— Не считаю нужным повторять известную истину.

— Выходит, тот же господь бог разрушил монарший строй, а потом выдал вас большевикам?

— Испытание. Господнее испытание...

— Господь-то испытывает вас, а кровь льется рабочая и крестьянская. За что?

Генерал не ответил и оглянулся, будто искал поддержки у своих соратников.

— Молчите?

— А что им говорить? — опять вмешался Власов. — Они молят бога о пощаде.

— Не у бога, у народа следует просить пощады.

— Разве они снизойдут до просьб. Чтоб генералы да министры у презренной черни?!

— Ладно. У нас еще будет время потолковать. Не так много, но зато с каждым персонально.

3

Вместе с генералом Радко-Дмитриевым, который в прошлом расстреливал сотнями солдат за революционные убеждения, наказным атаманом Бабичевым, царским министром путей сообщения Рухловым, были арестованы генерал Рузский, бывший министр юстиции Добровольский, сенаторы Кривошеин и Крашенинников. Всего задержали более ста участников заговора.

Скрыться удалось немногим, но в их числе, к сожалению, был председатель Окружного Совета эсер Радзевич.

На допросах еще раз была подтверждена деятельность и конечная цель заговора, черного, подлого, кровавого. Почти полторы тысячи человек должны были бы быть повешены в Пятигорске, в станицах Ессентукской и Кисловодской в один день и в один час, если бы удались замыслы заговорщиков. И все это устрашения ради. Тысячи людей намечено было бросить в тюрьмы.

Все стало ясно. Все узлы распутаны, клубки размотаны.

Что делать с заговорщиками? Отпустить под честное слово, чтоб больше и не замыслили заговоров и не брали в руки оружие? Они дали бы это слово. Все до единого. И все до единого изменили бы ему.

Обратились к народу:

— Что делать с заговорщиками?

— Смерть им! Смерть!

...Народный приговор был приведен в исполнение.

Вскоре после этих событий многие иностранные газеты, особенно английские и американские, подняли вой. Столь крупного провала реакции, да еще в каком-то запштатном Пятигорске денежные тузы Запада никак не ожидали. И странно — как могло случиться такое? Москва, Петроград — это понятно. Но откуда взялось столько сил в крошечном южном городе?

Имя Аджиевского склонялось на все лады. Его нарекали «главным злодеем юга». Это он, «проклятый», арестовал главарей военно-революционного штаба! Это он дважды нахально ограбил Деникина, отняв у «Добровольческой» армии эшелоны с оружием! Это он расколол «доблестное русское офицерство» и даже ввел в свой «дьявольский, проклятый богом» Совет бывших офицеров Постникова и Кострова. Это он «преследовал, хватал и заковывал в цепи» представителей Запада! Это он, наконец, предал смерти «выдающихся деятелей великой империи», то есть генералов, министров, сенаторов...

«История этого не забудет и не простит».

Таков был приговор врагов революции.

ОТСТУПЛЕНИЕ

1

На Первом северокавказском краевом съезде РКП(б), созванном 2 июля по инициативе Серго Орджоникидзе, был взят курс на слияние партийных организаций Кавказа, что подготовило создание общего для всего края советского центра и главного командования. Развивая это решение, Первый съезд Советов Северного Кавказа постановил объединить Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республики в единую Северо-Кавказскую Советскую республику, которая стала бы неотделимой частью Российской Советской Федерации.

Контрреволюция хорошо понимала, как опасно для нее такое объединение. И заспешила. Под предводительством меньшевика Георгия Бичерахова вспыхнул белоказачий мятеж. Фронт советских войск оказался под угрозой удара в спину. Как Чрезвычайный Комиссар Юга, Орджоникидзе не мог спать и направить на ликвидацию мятежа ни одной боевой части — обстановка на фронте все более и более ухудшалась. Надо было поднимать и сплачивать революционные силы, создавать новые боевые части в тылу.

11 июля Серго Орджоникидзе на бронепоезде прорвался во Владикавказ, а через несколько часов железнодорожную линию перерезали белоказаки. Терская область оказалась отрезанной и полностью изолированной от остальных советских районов Кавказа. Прекратилось снабжение оружием, боеприпасами, не стала поступать даже информация. В войсках ничего не знали о России, даже не было известно, как позже вспоминал Серго Орджоникидзе, «есть Советская власть или нет...»¹

В тяжелом положении оказался Терек. Против сотен штыков бичераховцы двинули десятки тысяч хорошо вооруженных казаков. Судьба Советской власти в огромном районе висела буквально на волоске...

Срочно был созван Четвертый съезд народов Терека. По предложению Орджоникидзе к Бичерахову направили полномочную делегацию, которая предложила мятежникам сложить оружие, твердо гарантируя им мирное урегулирование конфликта. Этот ультиматум ошеломил меньшевика Бичерахова. Вместо того чтобы самим сдаться и просить гарантировать их жизнь, большевики занимали твердую позицию...

Этот шаг был необходим Орджоникидзе для того, чтобы сорвать маску с мятежников, якобы признававших Советскую власть, и разоблачить их перед народами Терека, особенно перед горцами.

Меньшевик Бичерахов легко влетел в расставленную для него ловушку. Взабешенный непоколебимостью большевиков, он ответил ультиматумом:

— Требую немедленного разоружения советских войск на Терек!

Для всех стало ясно: Бичерахов добивался ликвидации Советской власти и утверждения белоказачьей диктатуры. Этими своими действиями Бичерахов помог большевикам обрисовать облик махрового черносотенца, особенно ненавистного горцам.

Съезд объявил войну Бичерахову и призвал народы Терека на защиту завоеваний революции.

Бичерахов, поняв, какой политический провал его постиг, открыл повсюду боевые действия. Его банды ворвались во Владикавказ. Начались бои в Грозном, в Кизляре... Нависла угроза над Пятигорском, где все время не прекращались бои.

Орджоникидзе предпринял решительный шаг. Белоказачья диктатура грозила горцам новыми насилиями. Это теперь поняли все горские народы и народности. К ним-то через голову контрреволюционного ингушского Народного совета и обратился Серго Орджоникидзе. Особенно пострадали от казаков

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, стр. 81.

ингуши. Чрезвычайный Комиссар призвал горцев с помощью оружия выбить казаков с отнятых у них земель.

Ингуши откликнулись немедленно. Организовавшись в отряды, они ударили по белоказакам с тыла. На одиннадцатый день боев Владикавказ снова стал советским..

Поражение Бичерахова под Владикавказом немедленно отозвалось на всех участках фронта. Ставка на быстрый и полный военный успех была бита, бои принимали затяжной характер.

Орджоникидзе предложил начать политическое разложение мятежников изнутри. В станицы Сунженской линии был направлен казачий отряд во главе с большевиком из станицы Марьинской А. З. Дьяковым. И отряд блестяще выполнил задание. В самый ответственный момент казаки станиц Кара-Булак, Троицкой, Ассиновской, Нестеровской и Михайловской поднялись против Бичерахова. В его тылу образовался целый фронт.

Это и предредило поражение бичераховского мятежа. 12 ноября защитники Грозного под предводительством Орджоникидзе отбросили отряды Бичерахова от города, а через два дня прорвали заслон, отделявший Терскую область от остальных районов Северного Кавказа. 23 ноября был взят Моздок, оплот так называемого «правительства Бичерахова». Тем самым был полностью ликвидирован белоказачий мятеж.

Началось бурное и стремительное освободительное движение среди горцев. В Кабарде все земли помещиков и князей перешли к крестьянам. Сдержанно относившиеся к большевикам в самом начале бичераховского восстания горцы после разгрома мятежников открыто заявляли о своей готовности с оружием в руках защищать власть Советов.

2

Воспользовавшись тяжелым положением в тылу Северо-Кавказской республики в самый разгар ожесточенных боев с мятежниками Бичерахова, Деникин усилил натиск на войска Одиннадцатой армии. К тому периоду республика была полностью отрезана от центра. Лишенные артиллерийского, вещевого и санитарного снабжения, бойцы и командиры воинских частей Одиннадцатой армии своей самоотверженностью оказали поистине неоценнимую помощь Советской России, изматывая и сдерживая отборные воинские части белогвардейцев.

А положение было далеко не равным. Соединения Деникина состояли наполовину из офицеров, сражавшихся рядовыми, войска были сыты, обуты и одеты, превосходно вооружены.

Между тем армию Северного Кавказа косил тиф. Половина состава ее — 50 тысяч красноармейцев — болела тифом.

Случилось и непоправимое...

Еще в августе Одиннадцатая армия, отступая, оказалась в районе Минеральных Вод. Штаб ее разместился в Пятигорске. Не ставя в грош республиканские органы власти, командующий армией Сорокин вел себя как разгулявшийся купчик. Бывший тихий курортный городок превратился в сущий кафе-шантан. Начались разгулы, пьяные дебоши.

Штабные работники развлекались, а больше всех сам Сорокин. Обеды устраивались только под музыку духовых оркестров, стол ломился от еды, вино лилось рекой.

Главком Сорокин в обществе девяц, легкомысленных птах военного времени, отплясывал огненные лезгинки и разудалые барыни. Он никого не признавал и как-то заявил:

— Ленин — не казак. Ему не дано управлять вольным Терком, Доном и Кубанью.

Между командующим армией и руководителями Северокавказской краевой власти, которым он обязан был подчиняться, начались серьезные разногласия. Партийные и советские органы не могли мприться с разгулом Сорокина. К тому же отступление армии без боев походило на бегство.

Армия отступала, хотя могла и должна была драться. Все это вызвало подозрение и тревогу в краевых учреждениях.

Мрачные дни переживал Северный Кавказ. Руководители Северо-Кавказской республики Крайний, Рубин, Дунаевский и Рожанский пришли с Кубани и еще плохо знали местную обстановку. Только этим, пожалуй, можно было объяснить чрезмерное их доверие к более чем посредственному военачальнику.

Сложной была обстановка и в Пятигорске. Она вынудила Анджиевского сосредоточить власть в своих руках не только в городе, но и во всем отделе¹.

Окружной Совет, разложенный Радзевичем, был распущен и переизбран. Анджиевского назначили Чрезвычайным комиссаром. Он же возглавил партийную организацию города и в целом округа...

К тому времени был создан Реввоенсовет Одиннадцатой армии. Сорокин настаивал на отступлении. Руководители республики и большинство командиров соединений воспротивились: план Сорокина был явно предательским. Но командующий армией не хотел ни с кем считаться. Под воздействием главкома Реввоенсовет 7 октября отдал приказ: отступать в сторону Астрахани.

Командующий Белореченскими войсками Кочергин отка-

¹ При образовании Терской республики в нее вошли Пятигорский, Моздокский, Сунженский, Кизлярский отделы и шесть округов.

вался выполнить приказ. Сорокин приказал арестовать его и предал военно-полевому суду. Но суд на расстрел не пошел. Ночью Власов освободил Кочергина.

Под давлением Сорокина Реввоенсовет приказал арестовать и немедленно расстрелять командующего Таманским соединением Матвеева, также отказавшегося отступить на Астрахань.

Расстрел Матвеева вызвал бурю негодования.

Власов, ставший к тому времени руководителем ЧК республики, вместе с Анджиевским развили бурную деятельность, чтобы разоблачить Сорокина, но руководители республиканских партийных и советских органов колебались, медлили, надеясь «уломать» Сорокина. Отстранить его от командования армией они не решались, хотя всех возмущал этот беспрецедентный бонапартизм.

Забешенный и напуганный близким разоблачением, Сорокин однажды пригласил к себе якобы на совещание председателя ЦИК Северо-Кавказской республики Рубина, председателя крайкома РКП(б) Крайнова, председателя ЧК фронта Рожанского, уполномоченного Центрального Комитета партии по продовольственным вопросам Дунаевского и без предъявления каких-либо веских обвинений арестовал их. Приблизженные Сорокина Гриненко и Костяной, подчиняясь приказу главкома, расстреляли их прямо в машине. Вслед за этим был арестован и расстрелян Власов.

В ту же ночь прихлебатели Сорокина совершили налет на гостиницу «Эрмитаж», надеясь схватить Кирова. Но его там не нашли.

На другой день штаб Сорокина выпустил специальную листовку, в которой расстрелянные были объявлены предателями. При аресте у них якобы обнаружили шифры условных сигналов для связи с белыми, нашли много золота и драгоценностей.

Сорокин спешил замести следы. Он пытался заставить руководителя пятигорского комсомола Ульриха Остерлоффа подписать документ, в котором утверждалось, что расстрелянные — враги революции. Остерлоффа пытали, мучили, но он все-таки не подписал фальшивого документа.

По приказу Сорокина и этого мужественного коммуниста расстреляли.

О чудовищном преступлении командующего Одинадцатой армии узнали Анджепский, Пашенко, Янышевский. Арестовать Сорокина было немыслимо — его охрана, пожалуй, могла бы сравниться с царской. А выносить какие-либо приказы и постановления нелепо: сила оставалась на стороне Сорокина.

Для борьбы с ним следовало применять особые методы. Но какие?

Положение было острым, критическим. Моральный дух армии и без того был подорван... Требовалась осторожность, но вместе с тем и решительность.

— Прежде всего надо немедленно разыскать и сообщить Кирову, — предложил Анджиевский.

— Ему и без нас несладко. — Янышевский ладонью провел по лицу. — Как бы от тифа не свалился.

— Кирова мы должны, мы обязаны поставить в известность. Слишком чудовищны преступления Сорокина. И сразу же надо известить о случившемся штаб обороны. Нужны смелые люди. Сорокин сейчас настороже, может всякое случиться...

2

Ночью в сторону станицы Невинномысской тайно отправились двое посланцев от пятигорских большевиков. Третий направлялся в Кисловодскую, к Кирову. Все трое добрались благополучно.

26 октября из станицы Кисловодской в Пятигорск тайно прибыл Киров. Он провел экстренное совещание партийного актива вместе с верными Советской власти командирами Одиннадцатой армии. Было решено созвать Второй чрезвычайный съезд Советов Северо-Кавказской республики.

Но где его созвать?

Решили — в Невинномысской.

В тот же день съезд состоялся.

Сорокина объявили вне закона...

Арестован он был в Ставрополе. Здесь и получил возмездие. Сорокина убил в тюрьме один из командиров Таманского соединения Висленко.

Главкомандующим Одиннадцатой армией назначили Федько. Анджиевский стал во главе культурно-просветительного отдела Реввоенсовета той же армии.

Однако новому командованию нелегко было исправить многие ошибки, допущенные раньше. Боеспособность Одиннадцатой армии по-прежнему оставалась невысокой. К тому же связь с Астраханью ухудшилась, приток боеприпасов прекратился вовсе, а пятигорский патронный завод, разумеется, не мог снабдить огромное войсковое соединение нужным количеством патронов.

Белогвардейцы воспользовались катастрофическим положением Одиннадцатой армии и стали насаждать со всех сторон.

Шкуро наступал на Пятигорск с юго-запада и северо-запада...

Деникин, разделившись с Армавиром, с ходу захватил Невинномысскую...

Деникин, Шкуро... Множество банд кругом... Бригс и Ригге, избешенные разоблачением заговорщиков и огромными расходами, которые не оправдывались, подхлестывали Деникина.

В этот тяжелый год пятигорские отряды оказали неоценимую помощь Одиннадцатой армии. Шкуро пытался отрезать красным войскам единственный путь к отступлению в сторону станции Прохладной. Янышевскому было приказано занять Железноводск и преградить путь «волчьим сотням».

18 января 1919 года Янышевский с небольшим отрядом пошел к станции Бештау. Разведка донесла, что между Бештау и Железноводском разместились два кавалерийских полка; немного дальше стояли четыре пластунских батальона. В самом городе располагался еще один полк. Войска Шкуро имели шестнадцать пулеметов и шесть орудий.

А в отряде Янышевского насчитывалось двести восемьдесят штыков. Имелся один пулемет с десятью лентами к нему.

Казалось безумием вступать в бой при таком неравенстве сил. Но действовал другой расчет, другие нормы.

— Лучше погибнуть в бою, чем получить пулю в спину.

Эти слова были сказаны пожилым красноармейцем, и они тотчас облетели весь отряд. Никто из бойцов не возразил.

— Если умирать, так с честью,— добавил один из бывших офицеров.

— Подождите, друзья, умирать. У нас голова на плечах...

Янышевский вынашивал какой-то хитрый и смелый маневр.

— Сколько раз били Шкуро! Нам ли его не знать? Он самонадеян, уверен в успехе. Нужна неожиданность.

Комиссар долго обдумывал план предстоящей операции и вдруг приказал собрать из окрестных сел сочувствующих с любым огнестрельным оружием.

Собралось немало добровольцев.

— Товарищи, на вас большая надежда,— обратился Янышевский к двум пожилым казакам, представлявшим добровольцев.— Нужно обмануть этого подлеца Шкуро...

Через полчаса завязался бой. Добровольцы, вооруженные допотопными ружьями-дробовиками, винтовками английского образца, открыли бешеную стрельбу из-под горы Бештау, чтобы создать впечатление, что именно отсюда намечается главный удар. Добровольцы хорошо поняли свою задачу и неплохо ее выполнили. Издали, судя по плотному огню, и в самом деле могло показаться, что под Бештау находится главная группа войск большевиков и что именно здесь таится наибольшая опасность для шкуровцев.

Пока длилась эта суматошная баталия, пока перестраивали

свою оборону «волчьих сотни», пятигорцы перебрались через гору Железную. Затаились, выжидая удобного момента.

И дождались. Атаман Шкуро, решив с пьяных глаз, что он одним махом разделается с голодным истощенным отрядом, ринулся к Бештау. А в это время Янышевский, разделив свое малочисленное войско на две группы, ударил по «волчьим сотням» одновременно с востока и запада. Создавалось впечатление, что силы большевиков по крайней мере утроились.

Одну группу возглавил Янышевский. Он взял на себя самую трудную задачу: захватить штаб, пулеметы и орудия. По сигналу бойцы бросились в атаку.

Удар был настолько внезапен, что шкуровцы не успели сделать и выстрела. Все их пулеметы и орудия повернули против них же... Другая половина отряда Янышевского во главе с одним из командиров рот надела на пластунов. Те в панике бросились в район расположения штаба и парвались на свои же пулеметы, которыми завладели теперь пятигорцы.

Шкуровские батальоны заматались в мешке, много пластунов полегло под свинцовым дождем.

Но сила у шкуровцев еще оставалась: в трех-четырех километрах стояли кавалерийские полки. По ним немедленно открыли огонь из всех пушек. Казаки бросились врассыпную. Началось паническое бегство...

Все произошло именно так, как задумал Янышевский. Шкуро, не помышлявший, чтобы против него бросили крупные силы, теперь был уверен: на него навалилось не меньше полка. Как известно, у страха глаза велики...

Остаток «непобедимых» шкуровских сотен — не больше тридцати-сорока кавалеристов — едва вырвался из переделки. Конники скакали по снежной целине в степь, где начиналась вьюга. Преследовать их не стали.

Несколько раньше начались активные действия и на других участках фронта. Для окончательной ликвидации разрозненных отрядов Бичерахова было брошено соединение Мироненко.

Анджиевский считал, однако, что этих сил недостаточно. Он срочно встретился с командующим Одиннадцатой армией Федько. Состоялся серьезный разговор.

Григорий Григорьевич подробно рассказал о раскрытом контрреволюционном заговоре в Пятигорске, о том, какие планы вынашивало разгромленное общество, чего хотели и какими подлыми средствами пользовались английский и американский ставленники на юге Советской России. И генерал Бригс, и американский резидент Риггс, естественно, возлагают большие надежды на Бичерахова. Они хотят реванша за провал

такого крупного заговора. Поэтому с Бичераховым надо покончить окончательно, чтобы он не сумел собрать новое войско.

Командующий армией оценил предостережения Анджиевского и вслед за соединением Мироненко направил против Бичерахова Дербентский, Васильевский полки и некоторые другие части...

А отступление между тем продолжалось...

3

19 января 1919 года красные войска покинули город Пятигорск. Вместе с ними отходили краевые, окружные и городские учреждения и организации.

Серго Орджоникидзе предпринимал все возможное в тех условиях, чтобы сохранить армию. Лучшая, боеспособная часть двинулась вместе с Орджоникидзе в сторону Владикавказа, другая — на Астрахань. Там, где был Орджоникидзе, без боя не сдавали ни одного населенного пункта.

Никогда еще на Северном Кавказе не было столь суровой зимы. Морозы достигали сорока градусов, а когда холода спадали, начиналась вьюга. Метель срывала снег, несла его по степи, с ревом и с завыванием бросала на отроги Главного Кавказского хребта. А потом снова подхватывала и гнала жгучую снежную массу вдоль горной цепи, заноса овраги, станицы, аулы. Холод, казалось, сковал все живое. Люди спрятались в избы, сакли и выходили только по крайней нужде.

По степи, в пестрой колоннах, растянувшихся на многие километры, брели красноармейцы, полураздетые, обмороженные, голодные. Снежные холмики могли тянуться за отступающей Одиннадцатой армией.

Именно в этот момент Орджоникидзе и послал телеграмму Владимиру Ильичу Ленину.

«Одиннадцатой армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью вопрос стоял покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань. Мы считаем это политическим дезертирством. Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни патронов, ни копейки денег; шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей...

Владимир Ильич, будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством...»

Это была клятва Ленину, суровое сознание долга перед Родиной и народом. Одиннадцатая армия, которой командовал теперь Левандовский, находилась в нечеловечески трудных условиях.

По приказу главнокомандующего армией воинские части, двигавшиеся в сторону Владикавказа, разбились на подразделения и отряды и шли по разным направлениям, чтобы не дать возможности денikinцам уничтожить себя мощным концентрированным ударом.

Вместе с Анкой и крошечной Юлей отступал с войсками и Анджиевский. Формально он не входил в Реввоенсовет Одинадцатой армии, всего лишь руководил одним из отделов. Но авторитет его был высок. В войсках он стал вездесущ. Рослый, почти всегда, несмотря на мороз, в распахнутой длинной шпелли, с воспаленными от бессонных ночей и огромного напряжения глазами, он умел появляться как раз там, где приходилось особенно туго. Привычка оратора и организатора незаметно для самого Анджиевского переросла в умение командовать, вести за собой красноармейцев.

Во время наскоков вражеской конницы на фланги Анджиевский, вынесший на своих плечах не один год войны, волею-неволей научился строить оборону таким образом, что подразделения выходили из этих коротких, но яростных схваток почти без потерь.

В просторной горнице казачьего дома (в станице устроили для измотанных тяжкими и длинными переходами полудневный привал) остановились Орджоникидзе и командующий армией Левандовский. Они только что кончили обедать, когда явился Анджиевский и попросил разрешения изложить свои мысли по поводу предстоящих операций.

Получив разрешение, Григорий Григорьевич достал карту, скользнул по ней карандашом и сказал:

— Предлагаю пропустить в наш тыл денikinскую кавалерийскую дивизию.

— Что такое?! — Левандовский вскинул брови, посуровел. — Мы и так потеряли почти половину армии от испанки и тифа... Хотите, чтобы мы потеряли всю армию? Увольте!

— Не потеряем. Учтите, что сейчас намело много снега. Конница страшна в открытой степи летом. А как она станет маневрировать в сугробах? Надо загнать ее в снег, окружить и всей силой огня...

Орджоникидзе оживился.

— А в этом что-то есть! Как вы на этот счет, товарищ командарм? Помозговать надо. Обязательно!

— Н-да, — неопределенно отозвался Левандовский, оже-

сточеппо теребя подбородок.— Оч-чень уж рисковый шаг.

— Нужно во что бы то ни стало поднять дух красноармейцев. Сейчас так нужна победа!.. — настаивал Анджиевский.

— Голова у Григория Григорьевича варит.— Орджоникидзе чуть ребячливо подмигнул Левандовскому.— Сколько вам лет, товарищ председатель?

Анджиевский опустил глаза.

— Скоро исполнится двадцать пять,— без тени смущения соврал Григорий.

— А точнее? Если учесть, что сейчас январь... именно январь девятнадцатого...

— Исполнилось, Георгий Константинович, двадцать один, если уж по правде. Но себе самому я кажусь стариком.

Улыбка, витавшая на лице Чрезвычайного Комиссара Юга, быстро исчезла. Он встал и как-то рывками стал ходить по комнате.

Молчал и Левандовский.

Наконец Орджоникидзе остановился около стола.

— Что ж, Григорий Григорьевич, обсудим ваше предложение на Реввоенсовете. Прошу и вас принять участие.

...21 января полки Одиннадцатой армии, умело маневрируя, заманили в свой тыл деникинскую кавалерийскую дивизию. Совершив марш-бросок, один из пехотных полков захлестнул кольцо окружения.

К концу дня в знакомую уже горницу казачьего дома вошел Левандовский и доложил Орджоникидзе итоги боя.

— Вражеская дивизия разгромлена и рассеяна. Взято в плен более двухсот человек. Захвачены трофеи: четыре орудия, четыре пулемета, более ста тысяч патронов, обоз с военным имуществом и продовольствием.

Орджоникидзе, приглушая радостный блеск в глазах, сказал:

— Далеко пойдет наш Анджиевский. Горячее сердце, трезвая голова, железная хватка. А прожил всего лишь двадцать один год...— Он резко повернулся к командарму.— Вот каких орлов поднимает революция, товарищ Левандовский!

В преддверии этого сражения, несколькими днями раньше, на станции Прохладной было созвано заседание штаба обороны Северного Кавказа. Большинство командиров частей и подразделений армии высказалось за то, чтобы отступить к Астрахани. Орджоникидзе, учитывая огромные трудности

движения на Астрахань, предлагал отступать в сторону Владикавказа.

Достигнуть единого мнения не удалось. Большая часть армии двинулась в сторону Астрахани, меньшая под предводительством Орджоникидзе и Левандовского — к Владикавказу. Насчитывалось в ней около двух тысяч штыков. Преследовали ее, как вначале установила разведка, более десяти тысяч деникинцев.

Спасение теперь заключалось в том, чтобы как можно быстрее оторваться от противника.

Об этом последнем и доложил начальник разведки Анджиевскому. Тот попытался связаться с Орджоникидзе или с Левандовским, но по телефону не нашел ни того, ни другого.

Решил действовать на свой страх и риск. Немедленно требовалось найти три десятка вагонов с паровозом. Вскочив на коня, Анджиевский помчался на ближайшую станцию.

— Какие три десятка, господин... простите... товарищ комиссар! — испуганно залепетал толстенький, круглый начальник станции с бегающими глазками. — Одного вагона не могу найти...

Анджиевский некоторое время молча рассматривал низкорослого круглячка. Врет или правду говорит?

Увы, некогда было психологией заниматься. Пришлось прибегнуть к крутым мерам.

Григорий Григорьевич положил револьвер на стол.

— В вашем распоряжении час времени. Если не составите эшелон в тридцать вагонов с паровозом и поездной бригадой, в конце шестидесятой минуты я вас расстреляю. Две минуты на вагон — действуйте.

...Через пятнадцать минут толстячок, заикаясь, доложил, что и вагоны, и паровоз, и поездная бригада будут непременно, однако потребуются дополнительное время.

— Сколько?

— Э... э, минут двадцать...

— Хорошо.

...Войска погрузились в эшелон и вечером прибыли во Владикавказ. Вся ночь ушла на укрепление оборонительных позиций. Заслон, оставленный на пути продвижения деникинских частей, мог задержать их не больше, чем на шесть часов. В полдень или в лучшем случае к вечеру враг мог достигнуть окраин Владикавказа...

Но прошел полдень, прошла ночь, прошли еще двое суток, а деникинцы не появлялись. Зато ошеломило Анджиевского сообщение разведчиков: вместо десяти тысяч на Владикавказ катится... стотысячная армия.

Сто тысяч против двух!

— Надо ли принимать бой? — будто советуясь с собой, сказал один из членов Реввоенсовета.

— Необходимо! — жестко ответил Орджоникидзе. — Во имя жизни других.

— Будем драться! — решительно высказался и Левановский.

— Драться нужно и потому, чтобы враг не подумал, что мы бежим, его испугавшись, — добавил Анджиевский. — Если и погибнем, наша кровь прольется не зря. Трудящиеся будут зпать: свой долг мы выполнили честно и до конца.

— Сказано пышно... Я не поклонник звонких фраз... пообязайтесь, Григорий Григорьевич. — Орджоникидзе мягким жестом коснулся плеча Анджиевского. — Но главное выражено. Мы исполним свой долг. О том я, как вам известно, и сообщил Владимиру Ильичу...

Орджоникидзе быстро встал.

— Итак, бой принимаем.

3

2 февраля под городом появились «волчья сотня» Шкуро¹. Вскоре подошли другие деникинские части, начали охватывать Владикавказ полукольцом.

...Семь дней шел бой. Армия генерала Деппкина, в которой насчитывалось более ста тысяч штыков и сабель, обладавшая к тому же мощной артиллерией, не могла справиться с горсточкой измученных, голодных, истекавших кровью красноармейцев...

Семь дней подряд грохотало и горело все вокруг...

Пули прошивали, кажется, каждый сантиметр улиц и площадей, а город не сдавался...

Обороной Владикавказа руководил Серго Орджоникидзе. Командарм Одиннадцатой армии Михаил Карлович Левановский, заболевший тяжелой формой возвратного тифа, ушел с основной частью армии в сторону Астрахани. Анджиевский — так уж произошло поневоле — командовал большой группой подразделений. В этой ожесточенной, но далеко не

¹ В конце Великой Отечественной войны Шкуро, Краснов и другие белогвардейские военачальники, ставшие пособниками германского фашизма, были захвачены в результате стремительного наступления 37-й армии под командованием Героя Советского Союза генерал-полковника М. Н. Шарохина. В 1947 году военная коллегия Верховного суда СССР приговорила их за измену Родине к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение.

равной схватке почти каждый из защитников Владикавказа стал героем. Под городом и в самом городе сосредоточились осетины, ингуши, чеченцы, кабардино-балкарцы, грузины.

Большое осетинское село Христиановское особенно отличалось своей революционной настроенностью и преданностью Советской власти. Большевиков селения возглавлял коммунист Н. Золоев. Здесь-то и решено было дать сражение генералу Шкуро. На помощь христиановцам пришли казаки-керженцы, жители сел Ардон, Карман-Синдзикау, Алагир, Кора-Урсдон и другие. Подоспел и отряд балкарцев под командованием Х. Асанова.

Бой под Христиановским продолжался с 29 по 31 января. Шкуро, уверенный, что село его «волчьих сотен» захватят с ходу, положил здесь более пятисот кавалеристов убитыми.

Героические схватки с отборными частями Шкуро и Геймана произошли также у селений Даллаково и Кантышево в Ингушетии: Даллаково обороняли курсанты Владикавказской школы красных командиров. Почти до единого человека они погибли, но не отступили. Тяжелые потери понесли ингушские революционные силы и отряды красноармейцев.

Непосредственно Владикавказ, кроме подразделений Одинадцатой армии, защищали грозненский полк им. В. И. Ленина, коммунистический отряд Владикавказской парторганизации, владикавказский полк, грузинский отряд А. Гегечкори, отряды осетинских коммунистов и рабочих завода «Алагир». Бой продолжался до 11 февраля. Он длился до тех пор, пока были патроны. Когда боеприпасов не стало, Орджоникидзе приказал отойти, чтобы сохранить для последующих боев живую силу.

Нарушая категорическое требование Григория немедленно покинуть город, обреченный на смерть и разрушение, Анка вместе с тринадцатилетним братом Ванюшей и безмятежно гукающей Юлей некоторое время укрывалась в пустующем доме и переживала. Казалось невозможным, немислимым жить хотя бы одни сутки без Гриши.

Уйти, бросить мужа?

Никогда! Быть рядом с ним, сражаться — таков ее долг жены и коммунистки.

— Сиди здесь, и ни шагу из дому, — строго сказала Анка брату. — Я быстро вернусь... Юля проснется, дай ей соску... Понял?

— Ладно, — угрюмо ответил Ваня, с завистью наблюдая, как ловко сестра обращалась с винтовкой, как рассовывала по кармапам кожанки патроны.

Анка выскочила из дома, совсем еще недавно покинутого хозяевами. Стоял морозный солнечный день. Звонко и часто рвались снаряды, с обжигающим клекотом проносились где-то рядом осколки и хлипко шмякались о мостовую.

Было очень страшно. Анка шарахалась в стороны при каждом взрыве, пряталась в подьезды, но все-таки добралась до станции. Спросила о Григории Анджиевском красноармейцев, спешно грузивших в эшелон военное имущество, какие-то бумаги, несгораемые шкафы...

— А ты кто такая! Почему о комиссаре выведываешь? — строго спросил ее человек, одетый в такую же, как у ней, кожанку.

Анка объяснила, кто она. Лицо военного просияло.

— А мы полгорода перевернули по заданию товарища Серго, чтобы найти вас! — с ликующим возмущением прокричал он. И рубанул категорически: — Ну, теперь ни на шаг не отпустим, так-то вот!

— Что с моим мужем? Где он сейчас?

— В бою.

Военный вдруг спохватился.

— А где ваша дочь и брат? — И, не дожидаясь ответа, крикнул: — Кравчук, Захаров! Быстро с товарищ Анкой. Все вещи, ее дочь и брата живыми или мертвыми — сюда. Об исполнении доложить мне лично... Быстро!

4

Через полтора часа эшелон, прорвавшись сквозь кольцо декингцев с помощью впереди идущего бронепоезда, мчался в сторону станции Беслан...

Сердце Анки ныло и страдало. Вдруг никогда не увидит Гришу, когда-то поразившего ее своей независимостью и теперь вот как по волшебству вдруг превратившегося почти в сказочного богатыря? Как ей жить без него?

...В вагон сквозь щели от пуль и снарядных осколков прорывался ветер и колючий снег.

Спускались сумерки, крепчал мороз. Анку клонило ко сну. «Засыпаю.— Она испуганно встрепелась.— Ведь так могу и замерзнуть вместе с Юленькой».

Анка со всей нерастраченной еще нежностью как можно крепче прижала к себе спящую девочку...

Вдруг раздалась пулеметная трескотня. И тотчас ее оглушил раздробленный, то нараставший, то вдруг затихавший грохот, смешанный с режущим ухо лязгом металла. Вслед за этим все потонуло в звенящем и раздражающем грудь оглушающем взрыве.

— Бронепоезд!.. Господи, бронепоезд в тартарары разлетелся! — закричал кто-то визгливо и жутко.

Поезд начал резко, рывками замедлять ход...

Остановился он, как ни странно, у самого вокзала с надписью над карнизом приземистого, будто приплюснутого к земле здания: «Беслань».

— Что случилось?

— Кто стрелял?

— Да цей... кол ему в глотку... Денкин, подлюга, путь нам пересек.

В эшелоне, как узпала Анка, были ценности, архивы Владикавказского и Пятигорского Советов, но охрана его едва ли превышала и полсотни красноармейцев. Ценности и документы охранял идущий впереди бронепоезд. Он-то и свалился под откос...

Стрельба усиливалась. От нового взрыва зашатался вагон.

Анка метнулась к выходу, прижимая одной рукой дочку, другой таща за собою перепуганного и ничего не понимающего братишку.

Выпрыгнув из вагона, побежала к хвосту эшелона. Там на выходе со станции светились окна будки.

— Ванюша! Укройся пока что с Юлей там, — указала она на будку, до которой оставалось десятка два метров. — Люди вас не обидят... И никуда без меня не отлучайся... Я скоро вернусь. — Анка осторожно передала брату с рук на руки теплый дорогой комочек, завернутый в пуховое одеяльце.

— А если беляки на нас?

— Что же они... с детьми будут воевать?

Грохот нового взрыва раздался на этот раз совсем, казалось, рядом.

Анка подтолкнула к будке Вапюшку, а сама помчалась на вокзал.

«Успеть бы сообщить по телеграфу своим, — думала Анка. — Они ведь не знают, что путь и здесь отрезан».

— Эй, товарищ! Где тут телеграф? — обратилась она к человеку в длинной шинели. — Мне надо сообщить... — и поперхнулась, увидев тускло блеснувшие в сумерках офицерские погоны.

— Никак комиссар в юбке?! — осклабился денкинец.

Анка сунула руку в карман кожанки, где лежал подаренный ей Григорием браунинг, но офицер ловко выбил оружие.

— Ну-ка, голубушка... Вперед! — и дулом отнятого браунинга подтолкнул побелевшую от испуга молодую женщину. — В коптрразведке расскажешь, что и кому собралась сообщать по телеграфу.

— Послушайте!.. У меня грудной ребенок. Вон там... в домике. Ему срочно необходим врач. Я — мать, поймите...

— А эта игрушка,— офицер как бы взвесил на руке в пязщной кожаной перчатке пистолет,— тоже предназначалась доктору?

— Боже мой, сколько таких игрушек сейчас! — воскликнула Анка.— Надо же как-то защищаться от насильников. Как мужчина, господин офицер, вы должны... вы не можете этого не понять!..

Лицо офицера вдруг будто отмякло. Он спросил:

— Сколько же тебе лет? — Пистолет офицер сунул в карман.

— Девятнадцать.

— Не верю, девочка. Семнадцать, не больше.

Анка и в самом деле, даже став матерью, выглядела очень юной.

— Спасибо, господин офицер. И все-таки я — мать.

— Не знаю уж, кто ты на самом деле, но в контрразведку, так и быть, не поведу. Сам разберусь. А пока под стражу.— Он вздохнул.— Идет война, девочка. Прощу!

Анка поняла, что спорить бесполезно.

Офицер привел ее в здание вокзала, поразмышлял, поколебался и втолкнул в крошечную комнату телеграфиста.

— Без моего разрешения задержанную не выпускать.

5

Анка заметила, что с нее глаз не спускает телеграфист. Был он бледен и заметно взволнован.

Что он за человек? Ему не больше двадцати пяти. Одет бедно, выглядит истощенным, но все-таки внешне привлекателен. Особенно эффектны кудрявые, в крупных кольцах темпо-русые волосы.

«А что, если рискнуть?»

Анка подняла глаза и открыто посмотрела в лицо телеграфиста.

— Не знаю, кто вы и кому сочувствуете... Но если вы имеете хоть каплю мужества...— И замолчала. Намеренно замолчала: должен же этот человек как-то реагировать на ее слова?

— Ну?! — нетерпеливо произнес телеграфист.

Анка будто в ледяную воду бросилась — сказала:

— Сообщите во Владикавказ, что путь на Беслан отрезан деникинцами. Тут смерть. Понимаете?

— Ты... красная?

— Не дворянка во всяком случае.

— Хочешь полюбоваться мною на перекладине?

— Ах, вон оно что! За шкуру свою дрожите? — Анка вздохнула. — Я и забыла... Мужеством обладают настоящие мужчины... Да где уж...

Телеграфист чуть приметно усмехнулся, и стало ясно, что превосходство на его стороне. Но Анку словно подхлестнула эта усмешка: все-таки она на верном пути.

— Значит, желаете отсидеться. Голову под крыло... Пусть на перекладине болтаются другие...

Телеграфист поморщился:

— Не нужно так. — Он встал и пошире приоткрыл дверь. — Наблюдай за выходом, где стоит часовой. Видишь вахлака висюлого?

— Вижу.

— Не пропусти офицера. Иначе... смерть обоим. В мою сторону не смотри и... медленно, вполголоса диктуй, что надо.

— Правда?! — вскрикнула Анка.

— Тихе ты! — цыкнул на нее телеграфист.

— Простите, пожалуйста. Минуту... Соберусь с мыслями.

— Скорее. Могут явиться со срочными.

— Передавайте.

— Говори еще тише. Вроде сама с собой говоришь... Сиди смирно! Ну? Кому адресовать?

— Серго.

— А фамилия как?

— Не надо фамилии. Просто «Серго». Найдут сразу же, если держатся еще. Диктую текст... «Путь на Беслав отрезан денякипцами. Бронепоезд пущен под откос и взорван. Идет неравный тяжелый бой. Раненых в эшелоне убивают. Если можете, примите срочные меры...»

— Подпись. Анка.

— И все?

— Все.

— Передал... Чем еще могу помочь?

— Мне надо бежать. В будке у стрелки мой грудной ребенок и малый братишка. Я их пока оставила там...

— Тогда сделаем так... Я выйду к пачальнику станции — надо телеграмму отнести. Дверь на ключ. А ты... окно легко открывается...

Телеграфист вышел.

Окно Анка открыла с трудом — оно заледенело. Оглядела перрон. Везде полно солдат, но свет сюда почти не достигал.

Анка выбралась на перрон и направилась к будке. Посту-

чалась — ответа не было. Рванула на себя дверь, вошла — в будке ни души. Куда мог запропасться Ванюша с мальш-кой?..

Анка пулей выскочила из домика и, забыв об осторожности, о грозившей ей смертельной опасности, закричала:

— Ванюша!.. Ванюша!..

Никакого ответа.

Она заметалась. Бросилась к поезду. Не обращая внимания на солдат с винтовками, обошла все вагоны. Везде пусто. Все разграблено, бумаги втоптаны в грязный снег. Забыв обо всем на свете, она останавливала солдат, с болью и надеждой спрашивала:

— Вы не встречали мальчика с грудным ребенком на руках?

Нет, никто ни брата, ни ее девочки не видел.

Всю ночь напролет искала Ванюшу и свою малютку Анка, но все было тщетно.

Утром вернулась к будке. Вошла, едва волоча ноги. За столом увидела дремавшую женщину с растрепанными седыми волосами и морщинистым, почти черным лицом.

Анка бросилась к ней.

— К вам приходил мальчик с ребенком на руках?

Женщина, испуганно отшатнувшись и путая русские слова со своими родными, ответила, что мальчик с ребенком на руках был здесь, ждал...

— Девочка очень плакал, я ходила молодайка... Ей грудь давал. Потом ми педенки сухой давал.

— Где они сейчас? — воспрянула Анка.

— Уехал Владикавказ. Дрезина вот тут был и мальчик поехал туда, — женщина махнула рукой в сторону Владикавказа.

— А кто приезжал-то? С кем уехал Ванюша?

— Адютант какой-то. Гаспадын Анжиевски послал. Кавелер с усами и такой вот кипжалъ...

— Адъютант?! — изумилась Анка. — Нет у Анджиевского никаких адъютантов. И никогда не было. И зачем ему кого-то посылать сюда?..

— Моя ничего не знает. Ничего не знай. Уехал оба с адъютант. Уехал.

Материнским сердцем своим Анка почувствовала что-то неладное.

Кому и зачем понадобились крошечная девочка с подростком?

Ноги у Анки подкосились, и она рухнула на пол.

Очнулась уже под утро. Она лежала на широкой лавке.

Под головой было что-то мягкое, ноги укутаны старым полушубком.

Голова мучительно болела. Осторожно Анка скосила глаза и увидела знакомую седую женщину за столом. Подперев голову рукой, та что-то сердито бормотала на родном языке.

Анка вскочила. Опять стала расспрашивать. Но ничего нового не услышала.

— Адютант... Анякневски... — твердила свое пожилая женщина.

— Как же мне во Владикавказ добраться?

— О, аллах! Зачем Владикавказ! Там резать будут, стрелят...

И все-таки как ни отговаривала ее стрелочница, но устроить Анку на случайно уехавшую во Владикавказ дрезину помогла...

7

Бой во Владикавказе продолжался еще с большим ожесточением. Анка с трудом отыскала штаб, а уже через него — Анджепевского...

На Григория было страшно смотреть. Он зарос щетиной, глаза ввалились, шапку сорвало и искромсало осколком, волосы его спутались.

И все-таки Григорий был бодр и весел, как всегда.

— Бьем Деникина и в хвост и в гриву, Анка! А ты молодец! Вовремя послала телеграмму. Серго сказал, что достойна награды.

— Подожди, Гриша...

— И как тебе удалось? — возбужденно говорил Григорий, не замечая тревоги жены. — Если хочешь, ты спасла многие сотни жизней. Могли попасть в такую мясорубку!..

Анка, наконец, высвободилась из крепких объятий.

— Дай мне сказать, Гриша... Ты зачем послал на станцию Беслан за Юлей и Ванюшей? Какого-то мужчину с усами и вот с таким кинжалом. Адъютантом назвался...

— Что ты, Анка! Никого не посылал. До того ли мне?

— Так где же Юля и брат?! — еще не веря, не желая верить словам мужа, вскрикнула Анка. — Я в будке их оставила, а сама на станцию, чтоб разведать... Меня схватили и в комнату к телеграфисту под охрану. Оттуда и послала телеграмму. Потом бежала. Старая ингушка клялась, что с твоим адъютантом уехали Ванюша и Юля...

Григорий отшатнулся, изменился в лице.

— Юля!

Анка пошатнулась и упала бы, не подхвати ее муж. И Григорий сам поник и сжался. Понял: дочь похитили. Кто же мог решиться на такое изуверство?

За Анджиевским прискакал посыльный.

— Срочно к командарму!

Григорий Григорьевич взял себя в руки, обнял Анку.

— Подожди меня здесь, родная. В этом доме. Я вернусь за тобой. Вместе будем искать. Все вверх дном переверну, а разыщу Юленьку.

Вскочив на коня, Григорий умчался.

Анка некоторое время стояла, опустив голову, ничего не слыша и никого не видя. И вдруг сорвалась с места, бросилась на станцию Беслан, чтобы по свежим следам возобновить поиски дочери.

Почти в беспамятстве она два дня металась по помещением станций, упрашивала, умоляла взять ее до Беслана.

Анка опомнилась лишь тогда, когда увидела людей в погонах, которые появились вдруг на перроне. Стрельбы, взрывов снарядов не было слышно.

Анку арестовали и бросили в переполненную тюрьму. Два дня не давали есть. Она бы, наверное, умерла, не поделись с ней куском хлеба соседи.

Одна, совершенно одна. Ни дочери, ни мужа, ни брата. Никого уже, наверное, не осталось в живых... Кому теперь нужна была ее жизнь?

На третий день ее вызвали на допрос.

— Нам известно о тебе все... товарищ Анджиевская, — ядовито проговорил поручик в тщательно отглаженном мундире пехотного офицера. Был он сух и подтянут.

Поручика интересовало одно: где комиссар Анджиевский? Анка твердила свое: она сама давно его не видела. Поручик поднялся из-за стола и ударом наотмашь свалил молодую женщину на пол. Бил ногами, стараясь угодить в пах. Затем приказал увести.

На следующий день ее опять вызвали в тот же кабинет, но вместо поручика Анка увидела широкоплечего хорошо сложенного кавказца в черкеске, с газырями и сверкающими ножнами кинжала.

— Гаспажа Анджиевски?.. У меня одно предложение. Мы вам возвращаем вашу Юлию, вы нам рассказываете где этот комиссар Анджиевски... Идет?

Едва не вскрикнула Анка. Жив! Гриша жив!

— Нет, не идет. Если бы и знала, ни за что не сказала. — И, чувствуя, как сквозь слезы раздвигается широкоплечий кавказец, она прошептала: — Если же вы задумали убить

моего ребенка, кровь его будет проклятием для вас, детоубийца.

Человек в черкеске вспылел.

— Князь никогда пальцем не прикоснул ребенок. Клянусь! Но Юлья, клянусь, вырастет и проклятья шлет родной отец. Клянусь!

Анку увели с душой, полной смятения. Что задумали эти злодеи?

Долго держали ее в заточении. Наконец выпустили... Анка понимала — за ней будут следить. Контрразведка надеется, что она приведет к Анджиевскому.

С большим трудом, с предосторожностями она связалась с партийным подпольем. С помощью товарищей ей удалось уйти от слежки и уехать в Сухум.

8

Когда Анка, забыв обо всем, суматошно носилась по Владикавказу, надеясь выехать в Беслан, Григорий Григорьевич Анджиевский метался в тифу. Он бредил, звал Анку, Юлию. Лежал он в повозке и не ведал, куда направлялась его колымага...

Обескровленная Одиннадцатая армия, и та, что двинулась по безлюдным степям на Астрахань, и меньшая ее часть, уходившая в сторону Владикавказа, терпела страшное бедствие. После падения Владикавказа больных тифом красноармейцев грузинские меньшевистские власти интернировали, а политработников, не обращая внимания на то, что многие из них метались в тифозном жару и находились на грани смерти, заключили в сырые подземелья Метехского замка.

Все красноармейцы, способные держать оружие, во главе с Орджоникидзе ушли в горы Ингушетии. И это не было бегством. Серго Орджоникидзе поступил так потому, что уход армии на Астрахань в полном составе горские народы могли бы воспринять, как политическое дезертирство, как измену делу освобождения народов Кавказа от иностранных интервентов и их прихлебателей меньшевиков и муссаватистов. А могли Чрезвычайный Комиссар Юга пойти на то, чтобы от борьбы за Советскую власть отошли горские народы и народности?

С присущей ему энергией Серго начал сколачивать партизанские отряды. В своем письме к ингушскому народу Орджоникидзе призывал держать постоянную связь между всеми горцами, на уход большевиков смотреть, как на временное явление, и твердо верить, что большевики возвратятся с победой.

Только преданность Советской власти и неослабевающая борьба за дело революции принесет горцам освобождение.

На совещание в селение Хамхи прибыло 840 представителей Ингушетии. Оно состоялось 20 апреля 1919 года. Письмо Орджоникидзе было принято к исполнению. В горах Кавказа началась партизанская война.

Генерал Деникин не без основания жаловался своим английским покровителям, что Северный Кавказ и особенно горные его районы представляют собой «кипящий котел». Чтобы поддерживать какой-либо контроль над этим «котлом», о-й, Деникин, был вынужден выделить пятнадцать тысяч отборных войск. Генерал, правда, довольно сильно преуменьшил цифру своих «отборных войск». Эти каратели не знали ни дня, ни ночи покоя и гибли от сабель и пуль горцев-партизан.

Многих героев узнали горские народы. Но особенно прославились в борьбе с деникинцами А. Шерипов, С. Мамсуров, Б. Калмыков, Х. Орцханов.

Анджиевский совершенно случайно избежал ареста. Его, больного, немоющего, везли на повозке. Когда до его друзей дошла весть о горестной судьбе политработников Одиннадцатой армии, повозка с Анджиевским свернула в сторону и затерялась в горах.

Генерал Бригс потребовал от меньшевистских марионеток во что бы то ни стало найти Анджиевского. Он не мог успокоиться до тех пор, пока собственными глазами не увидит петли на шее этого ненавистного ему большевика. На поиски Анджиевского были брошены шпионы и агенты контрразведки меньшевистской Грузии. Они с ног сбились, но безрезультатно.

А Григорий Григорьевич, ослабевший от болезни, скрывался в самом логове врага — в Тифлисе. Его охраняли друзья. Много было врагов у Анджиевского, но еще больше друзей. И они оказались бдительными...

ПОД ЧУЖОЙ ФАМИЛИЕЙ

1

В кабинет управляющего типографией газеты «Сухумский вестник» Пищика кто-то громко постучал.

— Войдите, — отозвался управляющий. — Не закрыто.

Дверь резко распахнулась. В кабинет вошел довольно высокий человек с худым бледным лицом и сильно блестящими глазами. На улице было еще по-весеннему прохладно, а посетитель был без кепки.

Войдя, он не поздоровался, не поклонился. Молча стоял, ожидая, пока управляющий поднимет на него взгляд.

— Ну-ну-с, по какому делу?

— Я наборщик, господин управляющий,— представился посетитель.— Ищу работу.

— Документы есть?

— Конечно. Кто же сейчас ходит без документов... Прошу вас.

Управляющий внимательно ознакомился с паспортом, слитый фотокарточку с обликом владельца документа и тут же возвратил его.

— Наборщиком я вас могу взять, Александр Григорьевич... Правильно я вас называю?

— Да. Александр Григорьевич Никифоров.

— ...но сначала покажите на что вы способны.

Они вошли в цех. Никифоров приветливо поздоровался и уверенно приступил к работе. Наборщики с любопытством наблюдали за ним, но тот, увлекшись, никого не замечал.

Через полчаса он снова появился в кабинете.

— Прошу, господин управляющий,— и положил на стол влажный оттиск.

Пипчик удивился: работа была выполнена весьма быстро. Начал читать. Читал внимательно, изредко бросал косые взгляды на рабочего. А когда кончил, спросил в упор:

— Слушайте, Никифоров, вы откуда появились?

— В паспорте сказано, господин управляющий,— спокойно ответил наборщик.— Из Тифлиса я. А вообще-то родился в Ростове. Там и работал до войны. А потом армия, окопы, тяжелое ранение. Долго лечился, а сейчас вот с женой приехал в Сухум. Говорят, у вас жизнь полегче?

— Допустим, все это верно. Но предупреждаю вас, чтоб никаких...— управляющий неопределенно покрутил рукой в воздухе.— Вы меня поняли?

Никифоров пожал плечами.

— Все будет в порядке, господин управляющий. Мне нужна работа.

— Набираете вы хорошо. Вообще-то вас проверить надо, да у меня нужда в работниках. Приступайте...

2

Под именем Александра Григорьевича Никифорова скрывался Анджиевский. После отступления из Владикавказа жизнь его стала еще более суровой и опасной, смерть ему грозила на каждом шагу. Разминувшись с женой и крошечной

дочуркой под Владикавказом, Григорий Григорьевич не знал, где они и что с ними, и думал, что навсегда потерял обеих. Погибла армия, сдан город, край, ставшие родными...

Долго крепился Анджиевский. Но человеческие силы имеют предел. Он слег.

Спас Анджиевского пятигорский товарищ по работе Купцов. Он сам скрывался и сумел укрыть Григория Григорьевича. Опасность была велика. Меньшевицские власти даже бойцов Одинадцатой армии держали, как пленных, боясь распространения «большевистской заразы». Правда, не так уже много было пленено красноармейцев — захватили, в основном, больных и тех, кто по ранению не мог уйти в горы.

Там, куда увел оставшихся в живых бойцов Одинадцатой армии Орджоникидзе, разгоралась партизанская война.

Анджиевского укрыли в Тифлисе на конспиративной квартире. Туда тайно пригласили врача. Он внимательно осмотрел больного и горестно покачал головой.

— Что-нибудь страшное? — не выдержал Купцов.

— Ничего утешительного сказать не могу, — ответил врач.

— Неужто никаких надежд?

— Видите ли... Больной перенес тяжелое ранение в живот. А брюшной тиф в таких случаях... Увы! Медицина тут бессильна.

Это был, в сущности, смертный приговор.

Но Анджиевский опять победил смерть...

Врач изумленно развел руками, увидев его месяц спустя, хотя и слабого еще, но в общем-то здорового.

— Никогда бы не поверил... Воскрес из мертвых. Экая сила в этом человеке! А ведь худой.

Здесь, на конспиративной квартире, Анджиевского нашла жена. Немало пришлось ей пережить, прежде чем получила она нужный адрес. Диву давалась: как она только не потеряла рассудок?!

Однажды, когда голодная, одинокая Анка пряталась в диком ущелье, была мысль броситься с кручи вниз головой... Но вспомнились годы подполья, ее наставница Лариса Петровна, наконец, Григорий... Разве они бы наложили на себя руки? Ни за что! Дрались бы до последнего патрона, до последнего вздоха. И только память о них, долг перед ними, удержали Анку от рокового шага.

Закавказский краевой центр в Тифлисе после выздоровления Анджиевского, учитывая огромную нужду в партийных кадрах подполья, направил его в Баку.

Бакинская подпольная организация большевиков в то время переживала тяжелые дни. В Баку правили муссаватисты, представлявшие и защищавшие националистическую буржуазию Азербайджана. Они делали все, чтобы подорвать влияние большевиков на массы. За коммунистами охотились и здесь. По указке англичан были зверски убиты 26 бакинских комиссаров, в числе которых были Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Малыгин и другие.

Гибель двадцати шести комиссаров, лучших, талантливейших сынов партии, нанесла большой урон большевистской организации. Многие большевики томились в тюрьмах.

Тяжко приходилось руководителям подполья. Трудность заключалась еще и в том, что подпольный центр, в сущности, остался без денег. В Закавказском краевом комитете имелись керенки и царские червонцы в ассигнациях, но в «суверенном» Азербайджанском государстве они не очень цепились. Муссаватисты ввели в оборот свою валюту.

Анджиевский прибыл в Баку как раз в тот момент, когда подпольный комитет не мог помочь ему материально, а устраиваться на работу легально было нельзя, — Анджиевского искали и здесь, в Азербайджане. Муссаватисты по приказу англичан выпустили специальную листовку, в которой была обещана большая награда тому, кто сообщит в полицию о местонахождении виднейших партийных руководителей Северного Кавказа. В листовке пазывались фамилии Орджоникидзе, Анджиевского, Бутырина, Фигатнера и других.

Как-то на тайную квартиру Григория Григорьевича прибежал человек. Он долго не мог отдышаться.

— Скорее. Через полчаса здесь... По этому адресу будет охранка. Муссаватисты напали на ваш след. Меня послали предупредить. Скорей!

— Аня, быстро чемодан.

Когда муссаватисты добрались до квартиры, Анджиевские уже катили по железной дороге. Товарищи по подполью позаботились о них, снабдили фальшивыми документами, железнодорожными билетами, выделили некоторую сумму денег, хотя и сами бедствовали.

Вскоре Анджиевский прибыл в Сухум. Здесь, впервые за время пребывания в подполье, Анджиевскому удалось найти легальную работу. Правда, по фальшивому паспорту...

Григорий соблюдал предельную осторожность — ведь неизвестно, кому сочувствует его сосед по цеху... Может быть, он с меньшевиками?

Анджиевский решил прощупать настроение в цехе. Случай помог ему.

Однажды наборщик Хампигери, придя в типографию, сообщил:

— Слушайте, что в Потти делается...

Развернув газету «Кавказский край», наборщик стал читать.

В Потти прибыл английский крейсер. Контрразведка неожиданно обнаружила, что в порту находится «пекто, впускающий подозрение». Агенты задержали человека в форме русского офицера, оказавшегося... Анджиевским. «Кавказский край» захлебывался от восторга, прославляя находчивость агентов.

Анджиевский слушал и не верил своим ушам. Неужто провокация?

— Позвольте мне прочесть? — попросил он номер у Хампигери.

Тот быстро спрятал газету за спину. Этот жест, выражавший испуг и замешательство, был достаточно красноречивым. У Анджиевского будто камень свалился с души.

— Дай человеку газету, чего ты таишься, — вмешался другой наборщик, Иванов. — Пусть узнает об отважных контрразведчиках. Для того и пишут в газетах.

Наборщики стали дружно расхваливать сыщиков, задержавших «Анджиевского», а «задержанный» слушал и боролся с собой, чтобы не рассмеяться. Чудаки! Неужто они думают, что он поверит в их симпатии к агентам? Грубовато играют. Плохо скрывают свои чувства.

Григорий Григорьевич прочел заметку, ничем не выдав своего отношения к происшествию, и спокойно продолжал набирать столбцы. Ему попалась программная статья меньшевиков. Она его возмутила. Анджиевский не подозревал, что ему специально подложили эту статью товарищи по цеху, чтобы понаблюдать за ним и проверить, что он за птица. Набрав статью, Анджиевский еще раз внимательно прочел ее и, не выдержав, смял, в сердцах отбросил оттиск в сторону. А потом вышел во двор и стал прохаживаться.

Гнев и недовольство собой требовали активных действий. Он тут прячется, как сурок, а меньшевики тем временем морочат людям головы, сбивают с толку.

Решил: хватит в прятки играть.

После окончания смены он подошел к наборщику Иванову

и попросил его помочь ему связаться с профсоюзом печатников.

— Что ж, можно помочь, если имеется такая потребность, — улыбнулся наборщик. — Вы когда хотите?

— Да хоть бы сегодня.

— Хорошо. Тогда часиков в девять. — И дал адрес.

Анджиевский разыскал нужные ему улицу и дом, вошел во двор. Его встретила женщина, проводила в глубь дома. Там уже собрались человек десять. К своему удивлению, среди присутствующих Анджиевский заметил Иванова, Хахмигери, Цехановского. Товарищи по цеху, наборщики из типографии. Взаимная проверка кончилась. Анджиевский рассказал открыто, кто он такой.

— Анджиевский?!

Удивлению товарищей не было границ: они, как ни странно, поверили «Кавказскому краю».

В работу пришлось включиться немедленно. Подпольной партийной организации стало известно, что меньшевики открыли кампанию для вовлечения рабочих Сухума в свою армию. Вблизи Гагринской границы расположились денкинские отряды, и меньшевистские лидеры опасались осложнений. Прошел слух о возможном наступлении белых.

Комитет большевиков решил дать открытый бой меньшевикам. Такая возможность вскоре представилась.

В ближайшее воскресенье меньшевистские лидеры Рамишвили, Цулукидзе, Королев, Амчиславский и другие организовали в Народном доме общегородское собрание сухумских рабочих, намереваясь провести резолюцию о всеобщей мобилизации для защиты «священных» границ. А большевики выработали свой план действий и подготовили свою резолюцию. Сухумские рабочие, конечно, выступят против своего кровного врага Денкина, но для этого объединятся в особые коммунистические отряды.

Собрание было многолюдным. Меньшевистские ораторы сменяли один другого, но слушали их невнимательно. Выбрав наиболее удобный момент, Анджиевский поднялся на трибуну. В Пятигорске его считали блестящим оратором; взволнованный и возмущенный, он и сейчас говорил страстно, убежденно.

Анджиевский захватил внимание слушателей. Он говорил о невыносимых трудностях, которые несет на своих плечах рабочий класс Советской России. И как бы ни было им тяжело, они одерживают одну победу за другой.

— Бывают неудачи, случаются поражения, но победа будет за трудовым народом. Враги Советской власти сеют смерть,

гибнут лучшие люди. Но даже мертвый коммунист — сила, ибо смерть его вызывает к новой жизни, к обновлению, к возрождению. Это истина, товарищи!

Аплодисменты заглушили речь Анджиевского. Пришлось переждать. Когда шум стих, Григорий Григорьевич закончил речь призывом к рабочим:

— Мы выступим против Денкина, нашего смертельного врага, но только в специальных коммунистических отрядах.

Снова раздались бурные аплодисменты. Давно уже рабочие не слышали такой правдивой и страстной речи. Меншевики умалчивали о бурных событиях, о жестокой борьбе в Советской России, и речь Анджиевского была для собравшихся откровением.

Известия о героических сражениях на фронтах гражданской войны в Советской России взволновали рабочих. Они стали выступать в поддержку пятигорского комиссара.

Меньшевистские лидеры всполошились, пытались выступить повторно, но говорить им не дали.

— Долой! Вон с трибуны!

В зале поднялся шум, свист. Председательствующий вынужден был прервать прения и поставить на голосование две резолюции, причем меньшевистская была первой. За нее подняли руки члены президиума, да кое-кто из зала, десятка полтора — два, не больше. Большевистская резолюция прошла почти единогласно.

Это была блестящая победа. После голосования на трибуну взобрался Рамишвили. Он задыхался.

— Вы — предатели!

В ответ раздались возмущенные голоса. Меньшевистского лидера опять освистали.

— Уезжайте в Лондон, господин Рамишвили! — кричали ему рабочие с мест. — Нам с русскими по пути, а не с англичанами...

Собрание сухумских рабочих означало, что влиянию меньшевиков пришел конец. Но их лидеры не хотели сдаваться, они решили протащить свою резолюцию на отдельных рабочих собраниях. Анджиевскому пришлось выступать еще не один раз. Меншевики пытались запугать рабочих, выезжали на собрания с комиссаром внутренних дел, с вооруженными командами, и все же резолюции их неизменно проваливались.

Ряды сухумских коммунистов стали быстро укрепляться и расти. Влияние большевиков не на шутку встревожило меньшевистские власти. Они готовились нанести решительный удар своим идейным противникам. Никифорову — Анджиевскому

грозила тюрьма: большевистского оратора ищейки хорошо запомнили.

— Вам нужно скрыться,— предупредил Анджиевского Иванов.— Подписан приказ об аресте Никифорова.

Через два-три часа после этого разговора Анджиевские опять оказались в железнодорожном вагоне.

ПУСТЬ СВЕТИТ СОЛНЦЕ

1

В Потти, куда они доставили тайно отпечатанные в Сухуме большевистские брошюры, произошло неприятное происшествие. Анджиевские остановились в гостинице. Глубокой ночью раздался властный стук в дверь.

— Полиция! Немедленно откройте!

Бежать было невозможно, да и поздно. Пришлось открывать.

— Что вам угодно? Что за привычка врываться по почтам? — сурово напустился Анджиевский на полицейского чина.— У нас, кажется, демократическое государство...

Офицер опешил: он привык к подобострастным обывателям, а тут такая отповедь.

Не дождавшись ответа, Анджиевский резко повернулся, достал паспорта и протянул их офицеру. Тот полистал документы, вынужденно улыбнулся.

— Извините, такое время... Разрешите произвести обыск?

— Пожалуйста. Приготовь господам чемоданы,— обратился Григорий Григорьевич к жене.

Анна, поняв мужа, начала выбрасывать из чемодана мужские вещи. Потом дошла до женских и... смутилась.

— Прошу прощения, господа,— она стыдливо опустила глаза,— здесь мои вещи. И мне бы не хотелось...

Офицер заколебался. Анна пожала плечами:

— Впрочем, если вам угодно...— И она снова наклонилась к чемодану.

— Прошу не беспокоиться,— офицер приложил два пальца к козырьку.— Произошло недоразумение.

— О, благодарю вас.

Полицейские покинули номер. Анджиевский живо обернулся к жене.

— Молодец, Анка! Просто молодец! Правильно сделали, что поместили листовки в твой чемодан.

Григорий Григорьевич переложил пистолет из Анкиного чемодана в карман своего пальто, а большевистские брошюры снова забросали вещами жены.

Случай в гостинице Анджиевский воспринял, как предостережение. Необходимо срочно уехать из Поти, захватив, как всегда, побольше здешних брошюр. Завтра же надо предпринять кое-что для более глубокой конспирации.

Утром Анджиевский отправился по известному ему адресу. Подпольщики сразу же поняли, что хотел их товарищ. К полудню супругов Анджиевских было не узнать. Григорий Григорьевич выглядел миллионером, совершавшим путешествие по Кавказу в сопровождении молодой жены и хлопотливой хорошенькой служанки. Ее роль исполняла смышленная и удивительно артистичная девушка по имени Соня.

Она рвалась к делу, ей казалось слишком мелким то, чем она занималась: то что-нибудь принести, то кого-то позвать, предупредить, а иногда просто постоять у окошка с ярким бантом на голове. Кака-то забава, а не подпольная работа. Соне хотелось попробовать свои силы в серьезном, ответственном деле, и Анка хорошо ее понимала, потому что сама пережила такое же. И когда возникла нужда в помощнице, Анка вспомнила о дочери машиниста.

— Придется взять Соню. Одни мы не доведем много литературы. Да и неудобно нам возиться с чемоданами. Вспомни нас с Ларисой Петровной. Мы тогда очень нуждались, потому и не взяли носильщиков. Хорошо, ты подвернулся... Очень мы тогда рисковали. Попымаешь?

— Выходит, я вас выручил? — удивленно спросил Григорий.

— Еще как! Лариса Петровна потому и пошла на риск — оставила тебя в купе... Если бы ты знал, что мы везли тогда в чемоданах?!

— Что и мы сейчас?

— Да. И деньги.

— Значит, были без денег, а деньги в чемоданах...

— Да, партийную кассу везли. Я, правда, не очень-то во всем этом разбиралась, уж потом обо всем распознала.

— Вот когда открывается... — Анджиевский задумался. — А насчет Сони ты, пожалуй, права.

К полудню все было готово, и они тотчас покинули Поти, увозя с собой солидный груз нелегальной литературы.

До Тифлиса добрались с комфортом, и здесь скучающих миллионеров не стало.

Вскоре, однако, выяснилось, что и в столице Грузии опять оставаться опасно — сухумская полиция, как стало известно

Закавказскому центру, разослала приметы Никифорова и требовала немедленного ареста большевика.

Анджиевские решили возвратиться в Баку.

2

Бакинская партийная организация к этому времени заметно укрепилась. Подпольный комитет пополнился за счет видных партийных и советских руководителей, ушедших в начале 1919 года с Северного Кавказа и скрывавшихся теперь в Закавказье. Рабочее движение, руководимое большевиками, стало развиваться и день ото дня набирать силы.

Бакинский комитет организовал всеобщую майскую забастовку, требуя регулярного торгового обмена с молодой Советской республикой, которая очень нуждалась в горючем.

Азербайджан мог поставлять в Россию неограниченное количество нефти, но против этого возражали англичане.

Забастовка хотя и не принесла победы ее организаторам, но в конечном счете она показала большую сплоченность рабочего класса, готового в случае необходимости выступить с оружием в руках.

Муссаватистское правительство, видя огромное влияние большевиков на массы, изопрялось в средствах борьбы с ними. Переполненные тюрьмы, расстрелы, виселицы, тайные убийства были обычным явлением в жизни Азербайджана того периода. Баку наводнили тайные агенты, шпионы различных разведок, цель у которых была одна: не допустить сближения Азербайджана с Советской Россией.

Таково было положение в Баку, когда туда снова прибыли Анджиевские. Григорий Григорьевич был вынужден находиться в строгой конспирации: его по-прежнему разыскивали. Газеты иногда помещали сенсационные сообщения об аресте «неуловимого пятигорского комиссара Анджиевского», у которого обязательно обнаруживали «миллионы» в золоте и бриллиантах. Между тем Анджиевские в это время жили впроголодь. Подпольный комитет направил Григория Григорьевича в нелегальную газету «Набат», где он стал работать наборщиком. Со средствами в комитете опять было плохо, а газета даже работающему наборщику не могла предоставить минимального обеспечения. Приходилось супругам перебиваться с хлеба на воду...

Газета выходила для того времени большим тиражом. Организовать в подполье выход каждого номера, обеспечить его бумагой было очень сложно. Анджиевский не только

набирал газету, но и участвовал в ночных походах за бумагой.

Тем временем английская и муссаватистская контрразведки настойчиво его разыскивали. Тайным агентам были розданы фотографии и подробные приметы большевика, и все-таки охранка долго не могла напасть на след. Муссаватистская контрразведка несколько раз пыталась засылать в подполье провокаторов. К помощи провокаторов они прибегали и в поисках Анджиевского.

В Пятигорской партийной организации члена партии Гнездилина знали как человека, не вызывающего особого доверия.

Его обвиняли в мещанстве, нерешительности. Эти его недостатки товарищи по работе прощали, надеясь, что со временем он исправится.

Гнездилипу не раз приходилось сталкиваться с Анджиевским, и он хорошо знал его в лицо. Во время отступления Одиннадцатой армии из Минеральных Вод Гнездилина и еще нескольких членов партии оставили в Пятигорске для подпольной работы. Анджиевский был убежден, что коммунисты развернули там активную деятельность, и вдруг он столкнулся с Гнездилиным в Баку.

— Вы... здесь?! — удивился Григорий Григорьевич.

Гнездилин растерялся, глаза его забегали. Он торопливо схватил Анджиевского за рукав и потянул за собой в глухой переулок.

— Товарищ Анджиевский! Я вам хочу сказать...

— Да вы с ума спятили! — оборвал его Григорий Григорьевич. — Меня зовут Александр Григорьевич...

— А фамилия как? — торопливо спросил Гнездилин.

Анджиевский насторожился.

— Фамилия? Зачем вам фамилия!.. — И резко изменил тон. — Что случилось? Почему вы здесь?..

— Нас обнаружили. Пришлось скрываться. Я был вынужден уехать в Баку... На известных мне явках о вас узнать не удалось, поэтому я решил искать где-нибудь... вот так...

Гнездилин замялся.

— Пойдите. А кто вам сказал, что я в Баку? Везде связь была прервана...

Гнездилин окончательно потерялся. Он изменился в лице и отступил к стене. Анджиевский опустил руку в карман и нащупал револьвер. Во рту у него пересохло.

«Провокатор», — мелькнула страшная мысль, но усилием воли он сдержал себя. Выстрел мог привлечь внимание,

тем более вечером, когда на улицах Баку бывает оченьлюдно.

— Я... Александр Григорич, не знал. Не знал я. Случайно прочел в газете, что вас поймали здесь.

— Тем более странно. Несмотря на арест, вы ищете меня в Баку.

Анджиевский пристально посмотрел в лицо Гнездилина. Его губы, прыгающие от волнения и страха, внезапно вызвали у Анджиевского чувство омерзения.

«Как же это произошло? Под угрозой вся организация. Он всех провалит».

Душевная боль его была, кажется, непереносимой. Но внешне Анджиевский оставался спокойным.

— Слушайте меня внимательно, Гнездилин. Идите вперед и не оглядывайтесь. За вами могут следить. Идите.

Гнездилин не мог оторвать глаз от руки, опущенной Анджиевским в карман. Он хорошо понял, что это означало, и струсил. Послушно повернулся и выходящей, нетвердой походкой двинулся вперед. За ним последовал Анджиевский, незаметно наблюдая по сторонам. Ничего подозрительного он не заметил: слежки как будто не было.

Григорий Григорьевич догнал Гнездилина и вполголоса бросил:

— Сегодня в девять часов явитесь на старую явку. Я буду ожидать вас там. Не оглядывайтесь! Идите вперед...

Гнездилин опять был выпущен выполнить требование. Анджиевский подождал, пока он скроется за углом, торопливо свернул в переулок, а потом — в подъезд, перемахнул через забор и, осторожно оглядываясь, пробрался к своей квартире.

— Нужно немедленно уходить, — сообщил он жене. — Встретил Гнездилина. Он следил за мной. Провокатор. Арестовать могут с минуты на минуту...

— Не может быть! — ахнула Анка. — Как он мог? Не ошибся ты? В одной же организации...

— В одной, да не вместе... Оставаться здесь нельзя, — твердо сказал Анджиевский. — Собирайся. Уедем с первым поездом.

Но уехать не удалось.

По пути на вокзал Анджиевского арестовали.

«Гнездилин! Гнездилин выследил», — думал Анджиевский.

Сопrotивление не помогло. У Григория Григорьевича выбили оружие, заломили руки за спину и бросили в закрытый автомобиль.

О том, что в аресте Анджиевских повинен провокатор, говорят и документы, которые стали известны только в наши дни.

Тайный агент сообщил телеграммой в муссаватистскую охранку:

«В Баку живет большинство бывших комиссаров Минераловодческого района, из которых прославившийся своей кровожадностью бывший председатель Пятигорского Совдепа Анджиевский. Он и здесь проявил себя, организовав тайный комитет. Адрес главы Пятигорской коммуны: г. Баку, Гимназическая ул., 18».

И еще одно сообщение:

«...Задержать Анджиевского по указанному адресу не удалось. Кем-то предупрежденный, Анджиевский бежал... Вскоре он опять возвратился в Баку, где поступил наборщиком в типографию. Возвращение Анджиевского стало известно контрразведывательному отделению. Оно спелось с английским контрразведывательным отделением, приложив к своему отношению фотографическую карточку.

...Анджиевский в последнюю минуту скрылся. Его мало кто знал в Баку, а опознание по старой фотографической карточке было довольно затруднительно. Учитывая это обстоятельство, пятигорское контрразведывательное отделение командировало в Баку двух своих агентов, которые знали Анджиевского лично и легко нашли его...»

Об одном из тайных агентов товарищи Анджиевского узнали — это был Гнездилин; другой остался неизвестным.

Кто этот второй агент? Кто?

3

Анку арестовали вместе с мужем.

Их сразу же разлучили: Анку заключили в бакинскую тюрьму, а Григория Григорьевича на пароходе «Крюгер» отправили в Петровск (ныне Махачкала). Над ним издевались, на его грудь повесили доску с надписью: «разбойник, убийца». А он шел спокойный, собранный и с грустью оглядывался вокруг.

...Суд по замыслу белогвардейского командования, которому английская контрразведка передала арестованного, должен был опозорить известного на Северном Кавказе комиссара.

Для этой цели его привезли в Пятигорск. Но Анджиевский держал себя на допросах и на суде так смело, говорил с таким достоинством, что даже иностранные и белогвардейские журналисты были вынуждены отдать должное мужественному человеку.

Один из них писал: «При допросе Анджиевский держится совершенно спокойно, часто улыбается и жестикулирует руками. Ответы дает медленно, долго обдумывая каждое слово, прежде чем его сказать».

Другие были взбешены этой выдержкой и пытались развенчать славу Анджиевского, а в его лице и большевиков. Один из таких журналистов в статье «Россия и Анджиевские» пытался доказывать, что «Анджиевские культивировали в русском трудовом народе идеи разрушения», что «Анджиевские сожгли храм идеи социальной науки», что «господа Анджиевские развратили русский народ», что они «высекли (!) идею социализма», что вообще Советская власть с ее Анджиевскими «не сделала, да и не могла сделать ни одного шага вперед к новому социалистическому устройению народной жизни».

Анджиевского обвинили в том, что он «зажигал» рабочих на борьбу с «Добровольческой» армией, лично участвовал в боях с Деникиным, вел пропагандистскую работу среди населения, добиваясь торжества большевистских идей.

Словом, Анджиевского обвиняли в том, что он ставил себе в заслугу, чему посвятил всю свою жизнь.

Председатель суда полковник Дорофеев, отдавая должное мужеству Анджиевского, с некоторым сочувствием и сожалением спросил подсудимого:

— Понимаете ли вы, что вас ждет?

Анджиевский улыбнулся.

— Я-то понимаю, что меня ожидает. А вот вы... Вы понимаете, что ждет вас? Расправившись со мной, вы не спасете себя. Вы же трупы, политические трупы. России вам не видать никогда. Вы обречены на скитанье, на вечное скитанье по чужбине... Вы будете бывшие русские...

— Замолчите! — взбешенно крикнул полковник: подсудимый задел самую больную струну в душе этого «бывшего русского».

Один из иностранных журналистов, присутствующих на этом сенсационном процессе, с изумлением писал:

«Большевик, вместо того чтобы испугаться явно грозившей ему смертной казни, сам громогласно заявил:

— Даже мертвый не бессилен коммунист, ибо смерть его вызывает к революции».

Председатель суда на эти слова висельника только руками развел, но лицо его побелело... Сильный, неистовый человек, этот большевистский комиссар Анджиевский».

4

Ранним утром 31 августа 1919 года, когда солнце только что показалось из-за снежных вершин Кавказского хребта, Анджиевского привезли к горе Казачка близ Машука.

Офидер в чине поручика начал читать приговор. Анджиевский с презрением перебил его:

— Хоть сейчас-то, перед собой не ломайте комедии. Вы же сами не верите, что представляете законную власть. Вам нужно расправиться со мной. Вот и расправляйтесь... Сами же чувствуете гнусность ваших поступков.

Анджиевский властно оттолкнул плечом поручика, так и не дочитавшего приговор, подошел к виселице и взобрался на помост.

Никто не мешал ему. Не посмели мешать. Решимость, воля этого человека пугали врагов.

Григорий Григорьевич обернулся к востоку.

Солнце уже восходило. Вечно юное, блистательное, могучее.

— Никогда вам солнца не остановить. И никогда не заслонить его. Я погибну, но революция будет жить...

5

Вскоре после казни Анджиевского англичане освободили Анну из бакинской тюрьмы. Необходимость такого «гуманного» жеста была вызвана широкой оглаской, которую получило «дело Анджиевского» в зарубежной социал-демократической прессе.

Анна поселилась в гостинице. Стоило ей было выйти на улицу, как она заметила слежку. Несколько раз в течение недели пыталась она уйти от шпионов, но это ей не удавалось. Пришлось пустить в ход все умение, всю изворотливость, приобретенные за годы конспиративной работы. С помощью грима Анна изменила внешность, и ей удалось обмануть муссавистских агентов.

Долго кружила вокруг квартиры, в которой в последнее время жила с Григорием. Не решилась открыто войти туда, полагая, что квартира под наблюдением.

Неожиданно повезло — Анна заметила свою квартирную хозяйку, устало бредущую по улице. Соблюдая осторожность,

она позвала ее. Та не сразу узнала Анну, а узнав, расклат-
нялась.

— Для меня ничего нет? Никто ничего не оставлял?

— Есть, есть. Сколько месяцев ношу с собой.— Оглянувшись, она сунула руку за пазуху.— Вот!

Анна развернула записку: «Анна! Англичане выдали А. белым. Деникинцы увезли его в Пятигорск, устроили балаган и повесили. Крепись. Можешь явиться к Третьему».

Знала, чувствовала, что так именно и случится. И все-таки потемнело в глазах. Хорошо, что рядом находился хороший человек...

«Надо выдержать, выстоять».

Дождавшись вечера, Анна устремилась к станции. Слежки за собой не заметила. Значит, потеряли. Не узнают.

«Третий» — это Мишка Цебро, которого она знала с отроческих времен. Он работал здесь, на станции, но кем точно — Анна понятия не имела. Надо было подойти к стрелочнику и назвать пароль...

Народу было немного. Стояла жара. В Баку сентябрь очень зноен. Издали увидела турецкого офицера. Но лицо, лицо!

«Мишка? Это же Мишка Цебро».

Пошла медленно. Цебро сразу же узнал ее. Пропустив чуть вперед, пошел сзади, на ходу говоря:

— Не бойся, это маскарад. Потом объясню. Я все знаю о Грише. Ты ведь тоже?

— Да.

— Куда ты теперь?

— К своим надо. И на фронт. Если можно, конечно.

— Можно.— И тихо назвал адрес.— Только... будь осторожна.

Анна явилась по названному адресу и, к счастью, застала там председателя Бакинского подпольного комитета. Был он невысок ростом, осанист, с густой иссиня-черной шевелюрой. Усыки носил на азербайджанский манер — очень тонкие, только над губой.

— Рад вас приветствовать, товарищ Анджиевская,— и, подав руку, представился: — Микоян. Знал вашего мужа. Замечательный, стальной воли был коммунист. Партия его никогда не забудет.

Анна внезапно расплакалась. Эти первые ее слезы, как ни странно, принесли облегчение. Председатель, едва касаясь ее волос, погладил по голове. Она уткнулась ему головой в грудь.

— Ну-ну, успокойтесь. Слезами теперь не поможешь,

Говорил Микоян с сильным акцентом. Но и говори он по-армянски, она бы поняла его: так проникновенно звучал голос этого человека.

— Ничего, Анна Григорьевна. Придет и на нашу улицу праздник.

Разговор затянулся. Микоян рассказал, что Михаила Цебро и некоторых других коммунистов комитет направляет в так называемую Дагестанскую повстанческую армию. Во главе ее стоят турецкие офицеры, во всем послушные англичанам. Нужно захватить командные должности и повернуть армию против врагов Советской России.

— Я тоже хочу туда. У меня некоторые познания в медицине, — загорелась Анна. — За сестру милосердия вполне сойду.

— Хорошо. Пошлем. И дадим специальное задание.

На станцию Ялом Анну сопровождал аскер-дагестанец из сотни Миши Цебро. Оттуда надо было добираться через горы до селения Рукель, где находился штаб повстанческой армии. Анна вместе с другими коммунистами должна вести разъяснительную работу, спланировать их вокруг большевиков.

...Словом, об этом следовало бы писать еще одну повесть...

6

Начался 1920 год. Анна, соблюдая осторожность, добралась до Пятигорска, встретила с товарищами и вдруг узнала: Ваня, ее братишка, жив. Комсомолец. Работает в уже освобожденном от белогвардейцев районе.

Удалось пробраться и через линию фронта — помогли друзья.

Печальной вышла встреча с Ваней. Анна сразу же с нетерпением и затаенной надеждой стала расспрашивать о дочери. Иван рассказал, как он отдал «адъютанту» Юлию, как тот «адъютант» устроил его в незнакомый дом, как он бежал из того дома. Пробравшись к Григорию Григорьевичу, Иван убедился, что его обманули. До полусмерти перепугавшись, он тайно от Анджиевского возвратился на станцию Беслан, разыскал стрелочницу. Она заверила его, что ребенок найдется. Клялась аллахом.

— Давай съездим к ней, — заволновалась Анна. — Может, узнаем? Вдруг Юленька там, а?

Поехали. Быстро нашли домик. А там уже работала довольно молодая ингушка. Ваня узнал ту, что кормила тогда Юлию грудью.

— Да, кормила. Бедная девочка! — печально сказала молодая женщина.

В это время на пороге комнаты, не очень уверенно ступая и что-то лепеча, появился годовалый ребенок. Анна бросилась к нему:

— Юля!

Но пугушка опередила ее.

— Это мой сын. А твою дочь взял аллах.— Она рассказала, как привезли младенца к ней, она его кормила, поила, но девочка заболела и прошлым летом умерла.— Вот... ее вещи. Возьми их...

Анна прижала к груди последнее, что осталось от дочери. Она узнала вещи Юлии. Распашонка. Чепчик. Пеленочки. Стеганое одеяльце из красного ситца...

Потом пошли на могилу. Ингушка показала осевший холмик земли. Он зарос травой...

Задышавшись от рыданий, Анна заспешила с кладбища.

Много лет спустя Анна Григорьевна в сборнике «Женщины в гражданской войне» напишет в рассказе «Мать»:

«Я плакала на могиле,— не знаю, своего или чужого ребенка...»

7

Март 1920 года. Закаленная в боях Одиннадцатая армия, возрожденная благодаря заботам партии, успешно развивала наступление. Красные войска двигались в сторону Кавказских Минеральных Вод из Астрахани. В их составе были отряды во главе с Янышевским.

В Пятигорске, занятом белыми, началась паника. Федор Дмитриевич Пашенко работал в подполье. Он организовал небольшой отряд большевиков и, воспользовавшись суматохой и паническим смятением, внезапно налетел на тюрьму.

Операция удалась. Из камер городской тюрьмы была освобождена большая группа политических заключенных, которые значительно пополнили отряд. Быстро захватили почту, телеграф, банк и другие важнейшие учреждения. В городе был организован временный ревком.

16 марта 1920 года в 5 часов утра в Пятигорск вошли первые отряды Одиннадцатой Красной Армии. Они двигались осторожно, не зная, что в городе уже установлена Советская власть. Первый эскадрон из подразделения Кучуры, к удивлению бойцов, был встречен оркестром.

Стихийно возник митинг. Его открыл Пашенко.

— Советская власть возрождена, товарищи! — провозгласил он. — И никакая сила не поколеблет ее. Мы склоняем знамена перед павшими. Мы склоняем знамена перед человеком большой души, перед могилой первого председателя Пятигорского Совета Григория Григорьевича Анджиевского, выдающегося организатора и неистового большевика. Пусть всегда светит солнце над нашей возрожденной землей...

ЭПИЛОГ

Много пришлось прочесть пожелтевших от времени архивных документов, поездить по местам бывших событий, встретиться с их непосредственными участниками. В сущности, желание докопаться до истины с похищенным ребенком Анджиевского и разгадать мрачную тайну времен гражданской войны превратили автора в исследователя.

Можно было бы, разумеется, написать детективный роман. Нет, не подпалась рука. Воевать захотелось фактами, документами... И потому тайну, на разгадку которой ушло немало лет, выдам сразу...

Похитил Юлию Анджиевскую князь... Из соображений, которые чуть ниже станут ясны читателю, автор называет его вымышленным именем — Наби Кугатиев.

Род Кугатиевых, когда-то богатый и знатный, захирел ко временам первой империалистической. Наби Кугатиев вопреки воле родителей женился не на знатной девице, а на девушке, обладавшей единственным богатством — красотой и умом. Они сами стали пахать и сеять, воспитывали четырех детей и были по-своему счастливы, пока не докатилась до Наби весть: некто Григори Анджиевский, большевистский комиссар в Пятигорске, приказал расстрелять старейшего в их роду князя.

Так Анджиевский, не подозревая о том, стал «кровником» Наби. Чувство мести привело Кугатиева в соединения Деникина. Сражаясь с Красной Армией, погиб один из сыновей князя. Другой сын дрался с Деникиным в составе Одишадцкой армии.

Все смешалось и спуталось в семье Кугатиевых. К тому же Кугатиев начинал испытывать отвращение к своим соратникам по оружию. Они мало чем отличались от рядовых убийц.

Однажды Кугатиеву пришлось увидеть, как на станции Беслан по приказу офицера расстреливали тяжело раненных красноармейцев, женщин, детей. Наби едва не обратил оружие против своих же. Он убежал к родственнице его жены, работавшей здесь стрелочницей. А у нее в это время спасался мальчишка с крохотной девочкой. Наби узнал, что это дочь Анджиевского Юлия. И решил на более тонкую месть, чем повелевал закон гор. Захотелось воспитать дочь большевика так, чтобы она стала врагом родного отца. Наби увез ее в родной аул, нашел для Юлии кормилицу.

Однако пришлось Кутатиеву возвратиться в свою часть, чтобы не расстреляли как дезертира. Сотню его разгромили партизаны Серго Орджоникидзе. Наби был единственным, кто спасся.

Князь возвратился в аул, зная, что и Григорий Анджиевский и жена Анна казнены по приказу англичан. Кому теперь мстить? Малютке? Она признала в нем отца и тянулась к нему.

Страшное время пережил бывший князь. Жизнь пошла по руслу, неожиданному для Наби. Он ожидал репрессий за то, что дрался с Красной Армией, а его и пальцем не тронули. Наоборот, увеличили участок земли, провели радио, электричество, стали учить грамоте на курсах ликбеза.

Приехал на побывку сын, командовавший полком в Красной Армии. И может быть, из уважения к сыну Наби неожиданное избрали... председателем местного Совета. Первым председателем. Как и Григория Анджиевского в Пятигорске. К тому времени князь-землепашец стал горячим сторонником Советской власти. Он доказал это в самую страшную для него минуту.

Однажды ночью из-за кордона появился его родственник и предложил сотрудничать с одной из держав, которая вынашивала планы свержения Советской власти. И тут, подчинившись гневу, Кутатиев совершил ошибку. Он избил закордонца и прогнал его, вместо того чтобы задержать. Через несколько суток шпион появился ночью с целой группой бандитов. Они убили Наби, его жену и подростка-сына. К счастью, пятилетней Юлии не было дома, она гостила у своей кормилицы, любившей ее, казалось, еще крепче, чем родную дочь.

Кормилица поспешила увезти Юлию к своим знакомым Савицким, проживавшим в Беслане. Знала: Савицкие очень бы хотели кого-либо усыновить.

Юлия обрела новых родителей. Имя ей дали также новое — Катя. Кормилица знала тайну девочки, поделилась она ею и с Савицкими.

Родная сестра Ольги Дмитриевны Савицкой — Надежда Таранова сделала все, чтобы выведать у сестры тайну девочки. История Юлии Анджиевской, а ныне Кати Савицкой, стала известна и племяннику Савицких Виктору Таранову. Но он молчал, зная, что мать и ее сестра поклялись не разглашать тайну.

Катя училась. И хорошо училась. Увлечлась иностранным языком. В школе получила аттестат с отличием. Ее без экзаменов приняли в Московский институт иностранных языков. Но закончить его не удалось — началась война. Катя добро-

вольцем ушла в армию. Служила переводчицей. Вуз закончила после войны.

Учитывая богатый переводческий опыт и глубокие знания языка, Екатерину Савицкую направили преподавателем английского языка в Московский институт народного хозяйства им. Плеханова. Там она работает и по сей день.

А в это же время неподалеку от института имени Плеханова, где работала Катя-Юлия, жила Анна Григорьевна Анджиевская. Не знала она, что родная дочь ее ходит по тем же улицам, дышит тем же, что и она, московским воздухом. Могла ли она, старый большевик, предположить, что дочь ее сможет столько претерпеть в своей жизни и стать воспитателем молодежи в высшем учебном заведении? Кто мог предугадать, что враг большевиков с черными намерениями захватит крохотную дочь комиссара, но, прозрев, погибнет за новую власть? Кто знал, что столько горячих сердец будут лелеять дочь революционера и выведут ее на широкую дорогу?..

После бурных событий гражданской войны Анна Григорьевна училась, работала, с грустью вспоминала былое. Уже не было в живых ее брата Вани — он погиб во время Великой Отечественной войны. У Анны Григорьевны сложилась своя, новая жизнь.

Вспоминала ли она Юлию?

Да, и нередко. Иногда плакала, но время затягивает самые глубокие раны в человеческой душе.

Двоюродный брат Кати Виктор Федорович Таранов, живя и работая во Ржеве, часто навещался в Москву, в Библиотеку имени В. И. Ленина. Изредка посылал Кате письма. Еще реже навещал ее — у каждого сложилась своя жизнь.

Однажды в Ленинской библиотеке Виктору Федоровичу попал в руки сборник «Женщины в гражданской войне». Посмотрев оглавление, он обратил внимание на фамилию «А. Анджиевская».

— Анджиевская?.. Может, однофамильцы? — Наслышавшись рассказов старших, Виктор Федорович был уверен, что и жена Григория Григорьевича погибла в гражданскую войну.

С любопытством прочитал короткий рассказ «Мать». Прочитал и вскопился в сильнейшем волнении. Да неужели это о Кате?.. Значит, Анджиевская жива, жива! Она здесь, в Москве. А Катя-то до сих пор ничего не знает о своих настоящих родителях.

Таранов выбежал из библиотеки.

Через час они, волнуясь и перебивая друг друга, беседовали с Катей. Она плакала, но потом взяла себя в руки.

Виктор Федорович настанвал:

— Надо немедленно разыскать Анну Григорьевну. Немедленно!

— Нет, ты подожди. Я же ведь не девочка. Мне двадцать девять лет. Я преподаватель в вузе. А вдруг все это... ну ошиблись мы? Вдруг ты что-нибудь напутал?

— Да что ты, Катя? Как я мог напутать? Да я готов присягнуть...

— Я верю. Но ведь ты был мальчишкой, когда слышал эту историю. Матерей наших нет в живых. Кто подтвердит?

Стали размышлять, прикидывать. Прошел день, минула неделя... С трудом добились разрешения сделать фотографию из сборника документов, собранных В. М. Белым, «Г. Г. Анджиевский». Увеличили ее вместе с фотографией Кати.

Сходство оказалось поразительным. Лицо ее — копия изображения Григория Григорьевича. До малейших черточек.

Катя опять плакала. А Виктор Федорович вдохновился:

— Сколько же матерей тебя воспитывало! Повезло тебе в Советском Союзе родиться. Чертовски повезло!

— Но, Виктор, Виктор! Родная мать — вот она... А я страшусь.

...И вот настал час, когда Катя и Виктор Федорович с пылавшими лицами остановились на лестничной площадке. Прочли на двери, обитой дерматином: «А. Г. Анджиевская».

— Звони же? Чего тянешь? — зашептал Виктор.

— Нет! Нет! Давай, как договорились. Если увижу, что непохожа на Анну Григорьевну, уйдем. Это же авантюра!

— Опять за свое? Не можешь же ты сразу и на отца, и на мать походить?

— Звони. Придумай что-нибудь. А я только взгляну, и мы сразу уйдем.

Виктор вздохнул. Потом решительно нажал на кнопку звонка. Один раз, другой. И стал ждать.

Дверь открылась. На пороге появилась пожилая женщина. Седые волосы, большие глаза, полновата.

Катя взглянула и отрицательно замотала головой. Но Виктор Федорович, не обращая на эти знаки внимания, решительно выступил вперед:

— Вы Анна Григорьевна Анджиевская?

— Да, Анджиевская... У вас ко мне дело?

— Анна Григорьевна... У меня такое сообщение... Правда, столько лет прошло... Я, право, не знаю, как и сказать... — Виктор Федорович оглянулся на Катю и... будто с моста в реку: — Вот там... на лестнице стоит ваша дочь.

У Анны Григорьевны расширились зрачки, вспыхнули глаза.

— К-какая дочь? Вы... о ком говорите? — Она повторила: — Моя дочь?

— Да, Анна Григорьевна. Вы ее при рождении назвали Юлией. Это она и есть.

Анджиевская схватилась за грудь. Может быть, и упала бы, не поддержи ее Тарапов.

— Виктор! Ну, что ты наделал?! — подскочила к двоюродному брату Катя. — Я же тебя просила!.. — И резко обернулась к Анне Григорьевне. — Простите нас, Анна Григорьевна. Меня зовут Катей. Екатерина. И я не знаю... Вот честное слово!..

Разглядев ее, Анна Григорьевна судорожно прижала руки к груди.

— Гриша! Боже! Поразительное сходство. И манера говорить, и жестикулировать... И так же сердился...

Катя зажала ладонью рот... Еще секунда, и она закричит от нестерпимой муки и счастья. Невозможно так, невозможно!

— Дочь! Моя дочь!

— Ма-ма!..

Они разрыдались, сжимая друг друга в объятиях. Тут же, на площадке. Почти тридцать лет прошло с момента их разлуки.

ПОСЕДЕВШАЯ ЮНОСТЬ

ПОВЕСТЬ

Глава первая

БЕГЛЕЦ

В дождливый сентябрьский день по проселочной дороге затархтел рыдван. Направлялся он к полю, где убирали картошку десятиклассники.

— Это кого же несет?— Виталий Гордеенко сузил насмешливые глаза.

Работать прекратили, ждали. Алексей Чулков издали узнал Казака, пожилого человека, бессменного посыльного поселкового Совета, и сердце его в предчувствии чего-то неожиданного в волнении заколотилось — Казак в последнее время чаще всего развозил повестки из военкомата.

Для волнения у Алексея были причины. Он даже от друзей скрывал тайну своего недавнего побега на фронт.

Казак (бог знает, фамилия это его или прозвище) лихо натянул вожжи.

— Тр-р-р!

Заезженная кляча, худая, костлявая, древняя, от неожиданности попятилась — давно ее так никто не останавливал.

— А ну, байстрюки, кого тут из вас на фронте заждались? — Увидев удивленные физиономии десятиклассников, посыльный гаркнул: — Чулков, который Алексей, шагом марш ко мне!

Володька Росляков и Виталий Гордеенко переглянулись.

Росляков плечом тронул Алексея, а Виталий инстинктивно загородил его собой.

Алексей, пряча глаза, выдвинулся из-за спины товарища и шагнул к рыдвану.

— Я Чулков.

— Тю, скажепный! Никак, Миколаев сын?

— Миколаев. А что?

Казак наклонился к Чулкову и, будто предостерегая, сказал:

— Вызывают! — Прокуренный указательный палец Казака с желтым окостеневшим ногтем показал вверх. — Начальство з военкомату. О так от.

Неправда, что не сбываются предчувствия. Вот оно, сбылось! Ясно, зачем «вызывают»!

— Что прикажете делать?

— Не лпзь поперед батько в пакло. — Казак поднес к своим близоруким глазам бумажку. — А который пз вас Гордеепко да цей... как его тут... Росляков?

Широкоплечий Володька и высоченный Виталий («Дядь, достань воробышка») тотчас пристроились к Алексею. Казак метнул на товарищей Чулкова сердитый взгляд.

— Ишь ты! И у цих хлопців кулаки чешутся? — Старик насмешливо хмыкнул. — Не спешить, ще успиєтз навоюватися. Войны легко начинаются да не скоро кончаются. Вы, хлопцы, до военкомату завтра приходьтє. — Обращаясь к Чулкову, он сказал: — Сигай сюды. Подвезу тебя до повороту. И узелок, узелок захваты.

По дороге старик выпытывал у Алексея:

— Натворив ще, бисова душа? До самого военного комиссара зовуть!

Алексей смешался: говорить или не нужно? Нет, нет. Разве в двух-трех фразях передашь все, что случилось с ним недавно и отчего до сих пор еще у него рубцы на душе...

Не дождавшись ответа, Казак цвикнул сквозь зубы и обижено произнес:

— Байстрюк — он байстрюк и єсть.

«Ладно, деду, потом все узнаєшь», — рассудил Чулков. Но беспокойство не покидало его: как же закончится вся эта история? Все-таки военное время, сорок второй идет.

Вдруг он вспомнил о Виталии и Володьке. Почему их-то вызывают? Они здесь при чем? Алексей, правда, слышал, что к ним в школу приезжал инструктор райкома комсомола. Вместе с директором они будто бы обсуждали, кого можно послать в военное училище. Что там решили и кого отобрали, ни Алексей, ни его приятели Гордеепко и Росляков не знали — весь

класс отослали на уборку картофеля. Может быть, Виталий и Володька — первые ласточки? Но им же нет еще восемнадцати? Как и ему, Алексею.

...Кляча трусила по дороге, рыдван скрипел и громыхал. Все было так спокойно вокруг, вон и солнце, разогнав тучи, прочно заняло западную часть неба. Стало припекать. И дышалось свободней.

— Тпру-у! — вдруг раздалось над ухом Алексея. — Слазь, парень. Прийихалы. Дале мне не в руки. Вот по чему шляху шагай. Версты полторы до военкомату...

Чулков спрыгнул на землю, взял узелок.

— Смотри, парень, чтоб усе тютелька у тютельку було.

— Не волнуйтесь, деду. До свиданья.

— С богом. — И рыдван посыльного затарахтел вправо, по дороге к станции.

...В приемной военкомата пришлось сидеть около часа. Сначала здесь былолюдно и шумно, но постепенно приемная опустела. Когда Алексей остался один, из кабинета военкома вышел майор с седыми висками, в наброшенной на плечи плащ-палатке. Он внимательно посмотрел на Алексея и спросил:

— Чулков, конечно.

Алексей невольно вытянулся в струнку.

— Характер проявляем? Эх ты, беглец! — Майор нахмурил брови. Не дав Алексею рта раскрыть, он подошел к нему вплотную. — Не я твой отец, я бы тебе всыпал... На фронт ему приспичило. Почему не обратился в военкомат, как это делают все?

— Два раза был, просил отправить на фронт. И оба раза отказали...

— А ты как думал! Неучи на фронте не нужны. Подполковник Зеленков правильно сделал, что вернул тебя. Письмо от него пришло... Не научившись воевать, ты решил голову подставить под пули... В бою нужно побеждать, а не погибать без толку!..

— Я понимаю, товарищ военком.

Комиссар улыбнулся глазами, но закончил строго:

— Никуда не отлучаться. Направляем в военное училище. Завтра явитесь сюда с вещами.

— Есть, товарищ военный комиссар.

— Вот так оно лучше. Дисциплина — прежде всего.

Из военкомата Чулков выходил с ощущением, что прежнюю его жизнь будто ножом отрезали. Теперь уже все окончательно решено.

Насчет характера военный комиссар был прав. Чулков дей-

ствительно проявил его. Результат — воп он. Направляют в училище. Не на фронт, правда, как ему хотелось, но все-таки победа. На год раньше берут.

Подполковник Зеленков помог. Если бы не его письмо, ничего бы не вышло. Это уж точно. Хорошим, просто отличным оказался человеком!

...Все тогда началось с воинского эшелона. Две недели он стоял в железнодорожном тупике Новохоперска. Днем и ночью тот эшелон жил напряженной, шумной жизнью. Машины и подводы непрерывно подвозили к вагонам мешки с продовольствием, тяжелые тюки. Солдаты под протяжную команду «Раз-два, взяли!» вкатывали на платформу пушки, грузили ящики со снарядами, патронами, гранатами...

И все те дни Алексей Чулков глаз не спускал с эшелона. Он часами просиживал под старым дубом напротив одной из платформ. Четыре месяца назад дуб был могучим; настоящий исполин, а не дерево. Теперь же, исковерканный бомбежкой, обуглившийся, с расщепленным стволом и засохшими ветвями, он превратился в мертвое дерево. После налета «юнкеров» под ним обнаружили трех убитых...

С той поры люди стороной начали обходить умершее дерево. Особенно, когда поднимался ветер и расщепленный дуб стонал и скрипел...

Алексей твердо решил уехать с этим эшеломом на фронт. Пусть не вышли года еще, но, черт возьми, сколько случаев, когда я помоложе люди действовал, как герои!

Лишь мысли о матери не давали Алексею покоя. Как же она одна останется? Отца освободили от службы и фронта из-за болезни, а он все-таки настоял на своем и ушел, воюет теперь.

Но что же делать Алексею? В стороне остаться от войны? Маму утешать? А разве у тех, кто на фронте, нет матерей?..

Решил: уеду. И стал готовиться в путь. Первым делом о самом необходимом в дороге — о сухарях. Мать хранила их на черный день в сундуке. Алексей открыл замок гвоздем и честно поделил неприкосновенный запас пополам. На чердаке, прикрытые пучками пахучих целебных трав, хранились сушеные яблоки, груши, вишни. Конечно, все это не жирно для похода, да что поделаешь?

Напротив Чулковых жил Кардин, помощник машиниста. С Женькой, его сыном, Алексей поддерживал отношения как с соседом, не больше. Он-то, Женька, и сказал, что сегодня в девять вечера его отец должен отправиться в рейс до Поворино.

«Уж не с этим ли эшелоном? — подумал Алексей. — Ведь погрузка уже закончена...»

Так оно и оказалось.

...Вскоре Алексей был в полной боевой готовности. До отказа набил вещевой мешок, «сидор», как его называли солдаты. Не забыл и о документах. Справку из средней школы, комсомольский билет и благодарность от командира истребительного батальона за участие в операции против немецких парашютистов он положил во внутренний карман пиджака и заколол булавкой. Бумаги у Алексея что падо! Пусть знают: боевой парень, надежный...

План был простой. Как раз напротив облюбованной теплушки лежали старые шпалы. Алексей затолкал между ними сидор, а сам вертелся неподалеку. Ждал момента, когда можно будет незаметно проскользнуть в теплушку. А там уж минутное дело — нырнуть под пары и отгородиться от солдат мешками.

Около семи часов вечера солдаты поужинали. Потом старшина с короткими колючими усами объявил:

— Можно отлучиться. В двадцать ноль-ноль быть всем на месте.

Солдаты разбрелись по станции. Кто с треугольниками писем, кто с котелком, а некоторые заспешили к девушкам. Познакомиться с девушками солдатам было нетрудно: ребят в поселке и в селе осталось мало...

Эшелон обзвюдел. Ни души. Тут бы и прошмыгнуть в вагон. Но откуда ни возьмись появился сержант Васюков (за девять дней стоянки эшелона Алексей узнал фамилии многих военных). Почти саженого роста, с девичьими ресницами и простодушными синими глазами. В голенищах его сапог могли бы, наверное, две такие же ноги уместиться. Он крутил головой то вправо, то влево, охорашивался, разглаживая под ремнем складки полниной гимнастерки. Поджидал свою Клавку, которую Алексей хорошо знал.

Клава Гладышева училась в одном классе с Чулковым. Была она нервной, порывистой. «Ветер у ней в голове», — говорила мать Клавы про свою дочку. Пепельные Клавины волосы, казалось, всегда летели по ветру. И совсем она, по мнению Алексея, не красавица, какой ее считали. Мордашка узенькая, с пушком на розовом личике. Правда, ноги сильные, стройные и стан гибкий.

— Ты, Клавка, па экрап меть, — как-то посоветовал ей Виталий Гордееenko, самый добросердечный в классе — может быть, оттого, что после смерти отца и матери он стал единственным кормильцем и защитником своей сестренки Риммы. —

Ты у нас Орлова, не меньше. Превосходной артисткой задела-сья.

Глаза Клавы стали холодными, как льдинки.

— И заделаюсь... Чтоб носы вам утереть.

— Превосходно, Клава! Превосходно! — рассмеялся Виталий, ввернув и здесь свое любимое «превосходно».

Посмеялись тогда и забыли.

А у вагона Алексею было не до смеха; и он с нетерпением ждал Клаву. Только она могла увести сержанта. Скоро отправка, вот-вот начнут собираться солдаты.

Но Клавки, как назло, не было, и Алексей ругал ее на чем свет стоит.

Совсем уже низко опустилось солнце, а жара не спадала. Раскаленная земля, пропитанная мазутом, жгла подошвы ботинок. Часовой, распаренный зноем, бродил вдоль эшелона и все пытался укрыться в тени.

...Но вот и Клава. Бежит, сияет, волосы, как всегда, по ветру. Одета в черную короткую юбку и простенькую белую кофточку. От резких движений кофточка у нее расстегнулась, но она этого не замечает...

Наперерез Клаве спешит Рая, смуглая, черноглазая девушка с гладко причесанными волосами. Она кричит подруге:

— Клава! Письмо вам отец с фронта прислал.— И машет поднятым в руке треугольником.

Но Клава не слышит, все внимание девушки приковано к сержанту, уже заметившему ее и заспешившему ей навстречу. Рая остановилась в нерешительности, понимая, что подружке не до нее сейчас...

Рая и Клава дружили с детства, хотя Рая года на два была моложе подруги. Алексей же и Рая — ровесники, но он родился на три месяца позже. Из-за этой ничтожной разницы в возрасте как-то не клеилась у них дружба. И все же Алексей часто думал о ней...

Их сближению помогло нечаянное происшествие.

Однажды, извлекая из своей верши жирного линя, Алексей вдруг услышал за спиной веселый девичий возглас:

— Вот так рыбина!

От неожиданности он выронил линя. Шлепнувшись на землю, рыбина запрыгала по траве и вот-вот могла уйти в осоку.

Не сговариваясь, Алексей и Рая, только что приплывшая на «его» островок, бросились за линем. Линь попался крупный, сильный, увертливый. Во время возни бретелька Райного лифчика соскользнула с ее мокрого плеча, обнажив смугловатую высокую девичью грудь.

Рая вскочила, быстро поправила лифчик. Алексей цепко ухватил лямку за жабры и со злостью бросил в мешок.

Ни слова не было сказано о случившемся, но они притихли, разговаривать стали вполголоса. Переплывали на другой берег, взявшись за лямки солдатского вещевого мешка, в котором бултыхалась рыба. И смятение их незаметно прошло, оставив, однако, ощущение, что оба должны хранить тайну.

Встреча эта была не первой. Они вместе и раньше загорали на берегу Саволы, катались на плоскодонке. Около бревен, где молодежь собиралась на посиделки, Рая как-то взялась учить Алексея танцевать танго. Хотя не очень хорошо, но Чулков умел танцевать — учились всем классом в школе после занятий. Но тогда он притворялся, что никак не может одолеть танца — было приятно слушать ее милые наставления. Обнаружив хитрость, она погладилась за ним и гулко шлепнула его ладонью по спине. И тут же спросила:

— Больно, Леша?

— Очень. Идти не могу.

Она не могла не понять, что ответ шуточный, и все-таки терла ушибленное место и добрым взглядом смотрела Алексею в глаза: хорошо ему?

То было первое робкое чувство...

И вот встреча на острове.

Домой с рыбой шли рука об руку. Босые ноги мягко топились в луговой траве, золотившейся от множества желтых цветов. По небу плыло одно-единственное пушистое облако, похожее на взбитую мыльную пену. Тень бежала по лугу, они дружно бросились догонять ее. Бежали и смеялись чему-то — даже слезы выступили. Добежав до стожка чуть привядшего сена, не сговариваясь, плюхнулись на него. Лилии и караси, вывалившиеся из мешка, еще живые и сильные, извивались и прыгали на лугу.

Так и лежали с минуту двое счастливых, пьянея от запаха сена и пугаясь самих себя.

Счастье, о котором не каждому расскажешь, переполняло обоих.

И вдруг — случай, нелепый, обидный...

Дня три спустя Алексей неожиданно-негаданно встретил Раю с лейтенантом из зенитного подразделения, которое охраняло станцию от налетов фашистской авиации. Он вел ее по улице под руку и, в чем-то убеждая, ласково и заискивающе заглядывал ей в глаза.

От неожиданности Алексей остановился.

Рая, наверное, почувствовала, что за ней наблюдают. Взгляды их встретились, и девочка от смущения была готова

сквозь землю провалиться. Она замедлила шаги и попыталась выдернуть локоть, но лейтенант цепко держал ее руку. И они ушли, провожаемые растерянным взглядом Алексея.

Если бы не смущение Раи, Чулков не придал бы значения этому случаю — мало ли могло быть причин, которые заставили ее встретиться с лейтенантом!.. Но ей было неловко, стыдно. И стало ясно — Рая гуляет с ним.

С этого дня Алексей даже не пытался ее увидеть.

И только сейчас, когда он, спрячась за шпалами, заметил Клаву, ему захотелось, чтобы и его провожала девушка. Можно, конечно, окликнуть Раю, которая побоялась помешать свиданию подружки и уже решила вернуться домой. Но о чем ему говорить с Раем? О лейтенанте?

Пусть идет своей дорогой...

...Клава подбежала к сержанту и, никого не стесняясь, повисла у него на шее: скрывать свои чувства было не в ее характере. Сержант Васюков подхватил девушку, приподнял и, смешно вытянув губы, как-то неумело поцеловал в щеку. Потом они, обнявшись, побрели к реке...

— Ну и Клавака! — с осуждением произнес Алексей и вдруг улыбаясь, шагнул часового, проходившего медленно вдоль состава. Дождавшись, когда часовой отойдет достаточно далеко, Алексей выхватил из укрытия свой сидор и подбежал к вагону. Дверь теплушки была приоткрыта. Забросив в вагон сидор, Чулков проворно вскочил туда сам. Дверь за собой закрывал осторожно, чтобы она не загремела. Прислушался. За стенами вагона было тихо, и он лихорадочно стал расчищать себе место под нарами, выхватывая из-под них мешки с каким-то военным имуществом.

Наконец он уже мог проползти в самый угол вагона. Забрался туда, забаррикадировался темп же мешками, уложив их на прежнее место. Снаружи все так же ничто не нарушало тишину. Лишь изредка доносилось гулкое пыхтенье паровоза.

«Скорее бы трогался поезд!» Он уже представил себе, как будут поражены его друзья-одногодки и на станции, и в селе Кочерга, где он в последнее время жил.

Но вот его обожгла новая мысль:

— Мама!

...Надо бы записку ей помягче. А он — с ходу, наспех:

«Мама, не пщи меня и не ругай. Ты же знаешь, я живой: Напишу с фронта. Сын».

Раздумья Алексея прервал громкий говор и смех солдат, вернувшихся в вагон. С этой минуты он был озабочен только тем, чтобы не выдать себя.

Эшелон тронулся, как только стемнело. Резкий свист паровоза «ФД» многократно повторился в речной пойме.

Сквозь проломленную осколком бомбы дыру в углу вагона виднелась тускло блестящая в вечернем сумраке речушка Савола. Змейкой вилась она в широкой низине, испещренной круглыми, как блины, озерами.

Когда длинный эшелон изогнулся дугой на повороте и родная Савола осталась позади, у Алексея снова защемило сердце, как будто путь назад ему был навсегда отрезан. Теперь он среди солдат. Теперь судьба его зависит только от них.

Солдаты наверху притихли и лишь изредка перебрасывались словами. Видно, привыкли к гостеприимному Новохоперску и теперь загрустили, расставаясь с ним. Алексею казалось, что ближе этих людей у него никого нет. Но как они поведут себя, когда обнаружат «гостя»? Ведь все может быть.

В вагоне вскоре стало шумно. Говорили о разном — о матерях и женах, о девушках. Особенно разошелся сержант Васюков. Алексей сразу узнал его голос. Клавка, оказывается, души в нем не чаяла... Сама ему на шею вешается. Всем так и доложил, трепло! Теперь Алексей сочувствовал Клаве. Все-таки своя была девочка. По морде бы ему, паршивцу...

Кто-то спросил сержанта:

— Писать-то ей будешь?

— Мало ли Клавок на свете! — отозвался незнакомый Алексею голос.

— Зря болтаешь, — отрубил Васюков, — писать ей буду... Знаешь, брат, какая это девочка!..

— Ну и ну... Может, желиться надумал?

— А что! Жив останусь — жепьюсь.

Вот и разберись тут в отношениях людей. И пельзя не поверять Васюкову, что он готов жениться на ней. Тогда зачем же всем-то болтает?

— Да я же в первый раз с девочкой-то... И хватит вам приставать.

Когда напряжение спало, Алексей как-то сразу упустил нить разговора, и его сморил сон.

Разбудил Чулкова яркий луч солнца, ворвавшийся в вагон сквозь пролом. Не сразу он понял, где находится...

Поезд стоял. Какая же это станция?

Алексей прислушался: солдаты умывались. Кто-то за топкой стенкой вагона сладко кряхтел, ахал и просил не жалеть воды. Захотелось и Алексею умыться, вытянуться во весь рост, поразмять онемевшие мышцы. Да где уж там, в этой конуре... Сиди, как мышь.

Неизвестно откуда в вагон просочился аромат кулеша с

поджаренным на сале луком. Этот запах Алексей мог бы отличить от сотен других — пшениный кулеш с детства был любимой его едой. Костер в ночном, легкий шелест прохладного ветра, настоящего на спелой ржи, чебреце и полыни, стрекотание цикад, расплавленная синева лунного облива, довольное всхрапывание сытых лошадей — как недавно все это было...

От таких «аппетитных» воспоминаний у Алексея засосало под ложечкой... Он развязал мешок, достал сухарь и потихоньку начал его грызть, запивая водой из фляги. В конуре было жарко и душно. Капельки пота, стекая, щекотали Алексею лицо.

Внезапно тишину раскололи глухие, отдаленные взрывы. Сердце у Алексея ёкнуло. Что это? Неужели фронт так близко?

— Бомбят, сволочи, — словно отвечая ему, сердито сказал кто-то из солдат.

— Васюков! — раздался чей-то сердитый и властный голос. — Почему в Теплушке не прибрано до сих пор? Мешки торчат из-под нар, сено по всему полу раскидано...

И тотчас в вагоне пачался аврал. Солдаты решили заново уложить мешки и припились вытаскивать их из-под нар. Алексей похолодел. Вдруг он почувствовал: кто-то схватил его за ногу. Он легонько вскрикнул, хотел высвободить ногу, но не тут-то было: сильные руки цепко держали ступню.

— Сержант, у нас какой-то папан под нарами.

Через минуту Алексей понуро стоял перед изумленными солдатами.

Его узнали.

— Да это же Леха!

— Ты чего здесь? Как тут оказался?

— На фронт еду. — Алексей поднял голову. На него смотрели десятки смеющихся глаз. Наверное, солдат рассмешил жалкий вид парня.

— Да ты не бойся, — стал успокаивать Чулкова один из них. — Не тронем.

— А я и не боюсь. Не к фашистам попал.

— Ишь ты, воин! — удивился Васюков, но говорил он тоже не зло, с теплотой.

И надо же случиться досадной промашке! Обида за свою неудачу словно лишила Чулкова разума. Он ненавидел себя, всех — и особенно Клавкиного сержанта.

— А вы уж лучше помолчали бы, — крикнул Алексей, исподлобья глядя на Васюкова. — Ишь, гусь нашелся. Клавка ему, видишь ли, сама на шею вешается... Растрепался на весь эшелон.

— Что?! — Пожилой солдат угрожающе подступил к Чулкову. — Ах, паршивец! В вагон самовольно забрался да еще дерзает старшим...

— Не горячись, — остановил солдата Васюков. — Парнишка не в себе. — И приказал: — Иди доложи старшине.

«Черт возьми, — досадовал Алексей. — Уж лучше бы съездил по уху и отпустил. Что теперь будет?»

Старшина птицей влетел в теплушку.

— Ах, вот он какой, беглец! Отвечай: зачем из дому убер?

— Я же сказал: на фронт хочу.

— Кто остался дома?

— Мать, — нехотя отозвался Алексей.

— Где отец?

— На войне. Добровольцем ушел.

— Братья, сестры есть?

— Нет никого.

— Значит, мать одну оставил?

— А что мне? За юбку ее держаться? У других, кто воюет, матерей, что ли, нет?

— Видал, какой самостоятельный! Она все глаза о тебе и об отце выплакала.

Это была правда. Алексей не пашелся, что ответить. Но продолжал упрямствоваться:

— Хоть стреляйте, а я все равно буду на фронте. Это вы, может, боитесь, а мне не страшно. Не на того напали...

— Ах ты сорванец! — Короткие пучковатые усы старшины гневно задергались. — К нему с добром, а он еще грубит...

Старшина рывком стянул с себя ремень.

Алексей рванулся к двери. Но выпрыгнуть из вагона ему не удалось. В какие-то секунды старшина сграбастал его в охапку. Свистнул ремень, и ягодицы Алексея будто огнем обожгло. Чулков даже не охнул. Вырвавшись из клещей старшины, он отпрянул от него, закрыл лицо руками и прижался к стене вагона.

Подошел сержант, обнял Алексея за плечи, встряхнул.

— Возьми себя в руки. Крепись.

— Фу ты, черт! Не сдержался. — Старшина с раскаянием вздохнул. — Где его вещи? — спросил он.

— У него тут вода и сухари, — сказал пожилой солдат, развязав мешок Алексея. — Он же голодный, поди.

Старшина тотчас приказал:

— Степанов, быстро с котелком к повару.

Сержант заглянул в глаза Алексея.

— Ну, чего молчишь-то?

И Алексей не выдержал. Откуда только слезы взялись.

Текли и текли, проклятые, ручьем, он их и не утирал.

— Ну, ладно, ладно, уймись.— Васюков дружелюбно хлопал Алексея по плечу.— Ты в военкомат-то хоть обращался?

— А то нет, что ли?

— И что сказали?

— Училище, говорят, надо сначала...

— Так это ж здорово! — воскликнул старшина.— Офицером станешь.

— Это когда еще! И война кончится...

Старшина сдвинул на затылок фуражку.

— Н-да... Придется докладывать.

Спрыгнув на землю, он быстро зашагал к офицерскому вагону.

Около Алексея захлопотали, засуетились. Принесли кашу в котелке, чай, сахар. Кто-то сунул ему в руку кусок сала, откуда-то появилась свиная тушенка, галеты.

Алексей пехотя начал есть — обида еще, казалось, комом стояла в горле. Но он заставлял себя делать глоток за глотком.

Едва Алексей управился с обедом, к теплушке подбежал посыльный от начальника эшелона.

— Товарищ сержант, подполковник Зеленков приказал доставить к нему задержанного.

...Начальник эшелона с тремя шпалами в петлицах оказался по виду не очень грозным. Тонколицый, среднего роста, крепкий, с чуть косящими зеленоватыми глазами. Чувствовалось, что подполковник уже знал историю Алексея, но с документами ознакомился внимательно, даже придирчиво. Расспросил об отце, о матери, об учебе.

К пакгаузу, в тени которого подполковник разговаривал с Чулковым, подошел капитан.

— Что нового? — спросил его Зеленков.

— Минут через сорок отправят. Ждем встречного. Работает одна колея. Вторую ремонтируют после ночного налета. Очень тут вспахали.

Начальник эшелона кивнул на Чулкова.

— Еще одного вояку желторотого задержали. Лехой зовут, как и моего племяша. Тоже фронтом бредит... Надо вернуть мальчишку в Новохоперск. Встречный поезд — воинский?

— Так точно, товарищ подполковник.

— Вот и отправьте с ним парня.

— Ну, чего вздыхаешь? — Подполковник легонько вздохнул жесткие волосы Алексея.— Повоевать еще успеешь. Закончишь военное училище, добрым командиром будешь. Для этого у тебя все данные есть.

— И характер, я вижу, подходит,— заметил капитан.

— А как же! — Зеленков пристально посмотрел на Алексея.— Недаром на передовую рвется... Вот подучится военному делу — грозой для врагов станет...— Подполковник достал из нагрудного кармана документы Чулкова.— Комсомольский билет возвращаю. Остальные бумаги... отправлю в твой военкомат...

Вскоре ко второму пути подошел встречный поезд. До вагона, в котором должен был ехать домой Алексей, его провожал сержант Васюков.

Мешок Алексея распух.

— Донесешь? — улыбнулся сержант, подавая сидор Чулкову.

Алексей нахмурился.

— Бери, бери, не обедняем... С миру по банке — тощему поправка... Вон какой... кожа да кости.

Помолчали.

— Ты вот что, парень,— смущался, продолжал Васюков.— Главе там ни гуту, слышишь?

— Слышу.

— Я тебе по-человечески... Будь мужчиной.

Подошел старшина и весело, по-свойски улыбнулся.

— Смотри, не нарушь приказа нашего Бати. От него не спрячешься, сквозь землю видит... — Старшина вдруг спохватился.— Да, чуть не забыл... Приедешь домой, рыпаться никому не смей. Жди вызова из военкомата. Подполковник Зеленков уже послал письмо военному комиссару твоего района. Он его, кажется, лично знает.

Алексей насторожился.

— А мне по знакомству не надо.

У старшины опять задержались усы.

— Тю, дурной! Плохо ты знаешь нашего Батю... Пойдет он, что ли, против своей совести? — И с досадой махнул рукой.— Несмысленныш ты! Честью считай, что пишут о тебе.

Раздался свисток паровоза. Алексей быстро взобрался в вагон. Старшина еще что-то начал говорить, но голос его заглушил лязг буферов: поезд, медленно набрав скорость, потянулся в сторону Новохоперска.

На станции около эшелона, к которому прицепили несколько вагонов с новохоперцами, собралась толпа — провожали новобранцев.

Сколько раз Алексей видел эти проводы! Теперь вот самого провожали...

Толпа — в основном женщины — пела, стонала, рыдала...

От суеты, невообразимого галдежа у Чулкова звенело в ушах, болела и чуть кружилась голова.

Что-то говорила мать, глотая слезы. До сознания дошли только два слова:

— Береги себя.

До чего она маленькой, тоненькой казалась. Беспомощная, убитая горем... Одна, совсем одна остается...

Жалость, нежность, раскаяние, что доставлял ей столько горя и забот, — все это смешалось в душе Алексея.

— Мама! Мама! Не плачь, не плачь!.. Не могу я поступить по-другому. И отец мне наказывал то же самое... — успокаивал он мать, вспоминая, как она каждый день после его неудачного побега со слезами на глазах повторяла: мог бы целый год еще дома оставаться... Никаких оправданий мать не принимала, не слышала, не хотела слышать. Только голое страдание жило и кричало в ней.

Какой-то сильно хромающий мужчина в гимнастерке могучей лапницей сжал плечи Алексея, оттащил его от матери и заорал в самое ухо:

— Пей, молодец-удалец! Может, больше не придется...

Стакан с водкой кляцнул о зубы Алексея, и обжигающая жидкость полилась ему в рот, по подбородку, за воротник...

— Да не пьет, не пьет же он! — услышал Алексей голос матери.

Она уцепилась за цветастый кушак хромого силача и всем на удивление оттащила мужика в сторону. Одолела детину в два раза выше себя ростом. А ведь хрупкой и слабенькой по сравнению с ним выглядела. И откуда столько силы взялось! С этой минуты мать перестала казаться Алексею жалкой.

Мужчина загоготал, пробасил:

— Научится, гвардеец!

От выпитого Алексею стало легко и весело. Он покорно начал жевать помидор, всунутый ему в руку матерью. Она уже не плакала; в последние эти минуты, не отрываясь, смотрела на сына.

Рядом с Росляковым Алексей увидел еще пятерых одноклассников. Восемь человек отобрали в училище из десятого «А». Среди них почему-то не оказалось Петьки Замулина.

«Неужели его не взяли? Такой толковый малый! Смелый, находчивый. Уж кому, как не Петьке, в офицеры!»

...Наконец раздалась команда:

— По вагонам!

Последний взрыв материнских рыданий, прощальных возгласов, разудалых переборов гармоники — и эшелон, резко дернувшись, стал постепенно отрываться от гудящей толпы.

Позади осталась родная станция, милая сердцу Савола. В вагонах будущие курсанты вразнобой пели песни.

— Бросьте выты! — резко вдруг сказал всегда деликатный и очень выдержанный Виталий Гордеенко. Сквозь суженные веки синей искрой сверкнули глаза. — Давайте общую споем. — И сам запел высоким баритоном:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Песню подхватили, и этот грозный гимн военных лет как-то сразу всех объединил. Его услышали в соседних теплушках, где так же настежь были раскрыты двери. Когда поезд огибал берег Саволы и стали всем видны первый и последний вагоны, песня завладела всем эшелоном.

Пел и Алексей Чулков. От всей души, самозабвенно. И вдруг перед ним возникло улыбающееся лицо Раи. На станции во время проводов ее не было, да и быть не могло. Уехала куда-то на Волгу, в медицинское училище.

Неужели им больше не суждено встретиться?

А песня, между тем гремела и ширилась,

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

Глава Вторая

ПЕРЕВАЛ

Станция, где размещалось пехотное училище, ни в какое сравнение не шла с Новохоперском. Место кругом пустынное, земля — каменистая, серая, тощая. И садов не было видно. То ли дело воронежская благодать!.. Такого сада, как у деда Алексея в селе Чулок, пожалуй, на всем белом свете не сыщешь. Дед не даром с самим Мичуринным знакомство водил...

Что и говорить! Неприветливыми показались Алексею здешние края...

Суровые были порядки в военном училище. Вместе со своими товарищами из школы Чулков лихо утрамбовывал плац подошвами ботинок, зубрил уставы, «ел глазами начальство», стрелял в нарисованных рогатых фашистов из винтовки, пулемета и 82-миллиметрового миномета. Вместо схватки с живыми врагами Чулков пробивал пулями и накрывал минами выдуманных, нарисованных фашистов.

А опи, гады, под Сталинградом уже. С трепетом, с затаенным страхом, а еще больше с несокрушимой надеждой ждали в училище вестей из Сталинграда. Каждый день радио передавало о жестоких боях на улицах города.

...Тяжело было в училище первые дни. В казармах на стенах застывала изморозь, под тонким одеяльцем зуб на зуб не попадал. Вода в рукомойниках замерзала, умывались снегом...

Не было ни минуты свободной. Распорядок дня предусматривал личное время. На проверку же выходило, что даже этот, с воробыный нос, отрезок суток поглощали солдатские заботы: пришить петлицы, выстирать воротничок, надраить до лунного блеска пуговицы, бляху, ботишки... Правда, изредка оставались минуты на письмо домой, девушке, товарищу...

Да, тяжело, ох как было тяжело! Умный и волевой находил в себе силы укрощать свою юношескую вольготность, с болью отрывая от себя нечто цыплятье, тепленькое, маминькино. Избалованный, слабый волей подолгу осваивал гауптвахту, выскабливал полы казармы, раскалывал сотни кубометров дров, но все равно, за редким исключением, приобретал все качества, присущие воину.

...В казарме тишина. Курсанты спят. Двухъярусные койки установлены по обеим сторонам длинного и просторного помещения с высоким потолком. Холодно. Дневальный Владимир Росляков в шинели, в шапке.

Владимир прохаживается по казарме, чтобы отогнать сонливость. Скоро подъем, как раз тот час, когда особенно клонит ко сну. Володька подходит к койке Алексея и видит, что со спящего друга сползло одеяло.

— Опять брыкался во сне, — добродушно ворчит он, укрывая Чулкова. — Чертова Рая и во сне покоя не дает.

Росляков слегка щелкает по носу Алексея, заставляя его повернуться поудобней. Алексей открывает глаза, сонные, глупые, по-детски шлепает пухлыми губами и опять погружается в сон. Высоко засученные рукава его нижней солдатской рубашки лежат поверх грубого шерстяного одеяла. Кулаки сжаты, бицепсы бутрами. Заметно окреп Алексей, раздался в плечах, даже подрос. Недавно они с Росляковым схватились бороться. В школе Володька легко клал Чулкова на обе лопатки, а сейчас не смог...

В общем, мужал приятель, на глазах мужал. Подрался недавно с верзилой Самоновым. Тот во время классных занятий по тактике зацепил гимнастерку Алексея за торчавший в скамье гвоздь. Когда объявили перерыв, Чулков порывисто вскочил с места, и добрый клок гимнастерки остался на

гвозде. Догадаться, чья это проделка, ему было нетрудно. Самонов был сильнее Алексея, по Чулков кое-что смыслил в боксе.

Схватились всерьез, и оба получили по наряду вне очереди.

...Вошел старшина. Володька, по-лошадиному толая, бросился ему навстречу.

— Э, чтоб тебя! — зашлепел па Рослякова Буров. — Як добра коняга...

— Товарищ старши...

— Цыц! Який тоби клоп укусив?.. Знаю, Росляков дnevальный. Добрый хлопец, тильки храпит на занятиях...

Росляков вспыхнул, опустил глаза. Действительно, был такой грех, заснул на полтзанятиях и даже захрапел. А капитан Шибанов, любивший шутку, шикнул на курсантов, чтобы не будили. Он сел напротив, погладил по голове Володьку и тихонько пропел:

Спят медведи и слоны...

Володька неожиданно хлопнул носом, поймал руку капитана и прижал к своей щеке.

Грянул хохот. Росляков, не отпуская руки Шибанова, вскочил. Тот сочувственно спросил:

— Кто приснился?

— Батя, — басом сказал Володька, вызвав новый приступ смеха.

Отец Рослякова — знатный железнодорожник, награжден орденом боевого Красного Знамени. Очень любил отца Володя, гордился им. И все трое приятелей — Алексей, Владимир и Виталий — обожали своих отцов. У Виталия отец — военный; он погиб при каких-то трагических обстоятельствах, а мать, не пережив утраты, внезапно скончалась от сердечного приступа. У Алексея отец — лихой кавалерист в гражданскую, сейчас — на фронте. И обо всем этом хорошо знал капитан Шибанов.

— Только из уважения к вашему бате я вас не накажу, хотя вы заслуживаете взыскания, — строгим голосом объявил капитан, не сумев упрятать веселый блеск в глазах.

Удивление и симпатию вызвал этот поступок капитана. Выходило, что воспитывали не только наказаниями?..

— Добрэ, добрэ, Росляков. — Старшина встряхнул Владимира за плечо. — Яки происшествия?

— Никаких, товарищ старшина.

Буров взглянул на карманные свои часы, сверил их со стенными.

— Тютелька у тютельку... Еще восемьдесят секунд... — Подождал и подал команду: — Буди.

— Подъем! — отчаянным голосом заорал Росляков.

Старшина взглянул на него удивленно.

— Сказывая, чи що?

Голос*его едва пробивается сквозь водопадный гул курсантской побудки. Несведущий, увидев курсантов в эти минуты, мог бы заподозрить, что враг у ворот и вот-вот ворвется в казарму. А ребята уже привыкли. Счет идет на секунды.

Обутые, но в нижних рубашках и головных уборах выбегают во двор казармы и привычно, сноровисто выстраиваются для зарядки. Рассветом еще и не пахнет. Морозно. Плац ровно запорошен еще с вечера выпавшим снегом, хорошо освещен полной луной.

Под команду помкомвзвода курсанты делают физзарядку. Алексей четко выполняет вместе со всеми заученные упражнения. Рядом с ним Виталий Гордеев. Он шумно выдыхает воздух, улыбается и, заметив взгляд Алексея, подмигивает.

— Щиплет уши?

— Пока терпимо.

Старшина Буров, наблюдающий за курсантами, добродушно покрикивает:

— Разговорчики!

После упражнений — пробежка. От взмыленных курсантов клубами валит пар, дышат они, как загнанные лошади.

Но вот, наконец, завтрак. Не успеешь дожевать, дежурный командует:

— Встать!

В желудке легко, будто и не завтракал. Но и к жизни впроголодь, оказывается, можно привыкнуть.

Минуты две-три остается до построения на занятия. У подъездов курсанты спешат докурить сигарки, жадно заглатывают дым.

На занятиях по материальной части командир взвода младший лейтенант Козлов, тонкий, бледнолицый, казавшийся прозрачным от бледности, разобрал немецкий ручной пулемет МГ-34 и стал объяснять:

— МГ — по-немецки означает «машинен-геввер», то есть механическое ружье...

Изучение немецкого оружия ранее, видимо, не предусматривалось программами. Прошел слух, что его начали изучать по распоряжению самого начальника училища генерала Евстигнеева. Курсанты уже освоили автоматы «шмайсер» и МП-38 — наиболее распространенное оружие гитлеровцев.

— В наступательных операциях, — подчеркивал Козлов, — особенно необходимо в совершенстве знать боевую технику

противника. При захвате вражеских окопов использование трофейного оружия может иметь решающее значение.

Занятия по матчасти вызвали у курсантов живейший интерес. Винтовки, автоматы, пистолеты, а сегодня и немецкий ручной пулемет с увлечением разбирали и собирали.

...Первая половина дня учебы закончилась на стрельбище. Огонь вели из только что изученного оружия врага — МГ-34. Алексей целился долго, напряженно и... промахнулся. Рядом с ним стрелял Виталий. У того результат был отличный. Росляков тоже удачно отстрелялся.

— И что у тебя за глаз! — позавидовал Чулков Виталию. — Как ты ухитришься в самое яблочко?..

Гордеенко придал лицу таинственное выражение.

— Никому не скажешь?

Приостановившись, он прошептал Алексею на ухо:

— У меня правый глаз синий, а левый — зеленый.

— Ну, и... что?

— Чудак... Синие всегда в цель бьют лучше.

Алексей недоуменно захлопал глазами. А Гордеенко даже не улыбнулся.

— Зря не веришь, в энциклопедии вычитал. В двадцать восьмом томе, страница двести шестьдесят первая...

— Что ты говоришь?! Дай погляжу на глаз.

— Погляди, — и Гордеенко приблизил к Чулкову физиономию.

Изловчившись, Алексей незаметно подставил ногу и сбил приятеля в снег.

— Получай, врун разноглазый.

Старшина увидел их возню, покрутил головой и проворчал:

— Диты! Право слово, диты!..

...В столовой сдержанный гул. Гремят железные черпаки, алюминиевые кастрюли, миски.

На каждом столе — бачок на десятерых. Из одного бачка разливает Володька Росляков.

Самонов недовольно ворчит.

— Что ты все воду льешь? Хоть бы мяса кусок выловил.

Росляков косится на Самонова, потом растягивает рот в улыбке.

— Хочешь мяса — держись за задницу.

Ответ Володьки вызывает хохот. Смеялись над Самоновым. Жадноват он, потому и осмеян. Недаром ему ни разу еще не доверили половника.

...Анатолию Самонову шел двадцать первый год. Он во взводе был самый старший.

Жил и учился Анатолий в Борисоглебске. Отец его был заметной фигурой в торговых и заготовительных организациях города. Самоновы — отец, мать, старшая сестра и Анатолий — жили, ни в чем не пуждаясь, хотя работал в семье один человек. Начиная с восьмилетнего возраста Анатолий каждый год менял велосипеды, а в день пятинадцатилетия рослый отпрыск Самоновых получал в подарок мотоцикл. В армию Анатолия взял, когда ему исполнилось двадцать лет, в то время как по закону должны были призвать восемнадцатилетним: «впечатлительный» папаша сумел выхлопотать ему отсрочку.

Уже одно это настораживало курсантов.

А тут между Самоновым и Старостинным произошел неожиданный и странный инцидент.

Анатолий Самонов и Валентин Старостин — земляки и хорошо знали друг друга еще до призыва в армию. Самонов в те годы старался завести дружбу с Валентином Старостинным, крепко сколоченным, хорошо физически развитым и начитанным парнем, который к тому же все умел. Он мог починить велосипед, исправить мотоцикл, отремонтировать радиоприемник...

Старостин не отвергал дружбу Самонова — ему было интересно встречаться с человеком, который владел такими благами, как мотоцикл, радиоприемник с проигрывателем и набором самых редких и дорогих пластинок... Обо всех этих вещах Старостин и мечтать не мог, хотя до самозабвения увлекался техникой. Его мать после смерти мужа осталась с тремя детьми и даже велосипеда не могла купить своим ребятам. Починив мотоцикл состоятельному другу, Старостин получал возможность вдоволь покататься на этом мотоцикле...

Но в училище приятели оказались в равных условиях. Здесь каждого оценивали не по родительской обеспеченности, а по индивидуальным способностям и заслугам. Младший лейтенант Козлов сразу увидел цепкость ума и сноровистость Старостина. Валентина назначили командиром отделения, и вскоре присвоили ему звание сержанта.

Самонов тайне завидовал Старостину. Стараясь из всех сил не отстать от него, а где удастся и обойти, не очень-то лояль был разборчив в средствах.

Однажды на занятиях в поле заколоченные от пронизывающего февральского ветра курсанты затеяли во время перекура игру в «жучка». Кто не знает этой озорной мальчишеской забавы! Один из играющих становится спиной к остальным и подставляет для их ударов левую ладонь из-под правой руки, а правой рукой загоразживается, чтобы не видеть, кто наносит очередной удар. Быстро оборачиваясь, он взгляды

пастся в хитрые физиономии своих товарищей, которые протягивают к самому его носу руки с торчащими вверх большими пальцами, и пытается угадать ударившего. Если угадал — уступает свое «бойкое место» нерасторопному партнеру.

Дошла очередь и до Самонова становиться спиной к товарищам. И надо же так случиться, что от свинцового удара Валентина Старостина, заппмавшегося до армии боксом, Анатолий не удержался на ногах и стукнулся лбом о мерзлую землю. Сипяк под глазом, как говорится, не заставил себя долго ждать.

В том, что это был удар Старостина, Анатолий ни минуты не сомневался — боксерскую руку Валентина мог бы опознать каждый курсант роты.

А через несколько дней на комсомольском собрании в присутствии командира роты Самонов заявил, что командир отделения Старостин занимается... рукоприкладством.

Возмущенные курсанты дружно опровергли заведомую ложь Самонова и к тому же вдоволь посмеялись над ним. И все-таки почти две недели Валентина Старостина «таскали» по инстанциям, выясняя чрезвычайное происшествие с Анатолием Самоновым.

...Разных людей объединило под своей крышей военное училище. Но все курсанты, за ничтожно малым исключением, становились безупречными воинами, спланным духом, верными своему солдатскому долгу.

В начале февраля сорок третьего произошло событие, которое сразу заслонило собой все будничное, обыденное — и трусоватую спесивость «красавца» Самонова, и неприятное происшествие со Старостиным, и наряды вне очереди, и изумительность многоверстных походов. Этим событием было победное завершение Сталинградской битвы. Остатки трехсоттысячной армии фельдмаршала Паулюса капитулировали и сдались в плен.

Все в училище ликовали. Наконец-то! Наконец-то в три шена погнали Гитлера с русской земли.

Незаметно подкатила весна. Зацвели подснежники, потом робко зажелтели мать-и-мачехи, вавились в небо жаворопки. Их песня будоражила курсантские души. И солнце, солнце... Оно не только заставляло бурлить шальные весенние ручьи, но и вместе с каскадом блистательных побед наших войск радовало людей, поднимало им настроение.

В училище все усложнялась программа, увеличивалась нагрузка на курсантов. По мере того, как впадали их щеки,

дубела кожа, изгоняя юношеский румянец, пушок на подбородке постепенно превращался в щетину, и наливались силой еще недавно мальчишеские мускулы. В ходу была острота: курсантов хотели сделать и битюгами и рысаклами одновременно.

Занимались «по тридцать часов в сутки». Уставы, тактика, политзанятия, стрельба, штыковой бой... Та же программа предусматривала и многокилометровые броски с полной выкладкой.

...По берегу Волги ускоренным шагом движется курсантская рота, истекая потом под тяжестью солдатского снаряжения. Здесь и вещмешок с неприкосновенным боевым и продовольственным запасом, и лопатка, и противогаз, и скатка, и, конечно же, винтовка. Многие, кажется, вот-вот упадут, но темп марш-броска не снижается.

Алексей дышит во всю силу легких — тоже того и гляди рухнет, Росляков косится на Алексея и придерживает его под локоть. И вдруг, удивительное дело, дыхание Чулкова становится ровнее, глубже. Росляков убирает руку и переключает все внимание на Самонова. У того закатываются глаза. Владимир на бегу снимает с него вещевого мешок.

— Держись, держись, Самон... — кричит Росляков.

— Двадцать километров! — Голос Анатолия полон ужаса.

— Ну и что? — вмешивается Гордеенко. — Прошлый раз пятнадцать... пробежали.

— Отставить разговоры! — слышится голос Козлова.

Командир взвода шагает легко, по-спортивному ровно, сноровисто. Вместо тяжелых ботинок у него на ногах хромо-вые сапоги. Снаряжение младшего лейтенанта полегче солдатского: пистолет «ТТ» да планшетка. Только в этом и привилегия командира взвода.

Рота, растянувшись вдоль берега, взбежала на пригорок, и перед курсантами раскинулась во всю ширь сверкающая яркими солнечными бликами могучая Волга. Устали курсанты и все-таки не могут сдержать восхищения:

— Ох, черт! Красиво как!

— Вот она... Волга-матушка река!

И как раз в этот момент силы покидают Виталия. Он заваливается на Чулкова, тот подхватывает его под руку, Росляков — под другую.

— Самон! Принимай мешок! — властно говорит Алексей.

Анатолий ворчит, но хватается за одну лямку, за вторую берется другой курсант, и бег продолжается.

— Глубже дыши... глубже! — свирепым свистящим шепотом наставляет Виталия Росляков, верблюжья выносливость которого поражает всех.

— Не сдавайся, Виталька, — подбадривает приятеля и Алексей.

— Один километр остался! — звонко восклицает Козлов, не упуская из поля зрения Гордеенко, который уже старается освободиться от опеки друзей.

— Ладно... Отцепитесь... Прошло, кажется, — уверяет он их.

— Молодцом, Виталий! Жми! Деревня — вот она, рукой подать.

Деревня была действительно рядом...

Курсантов встречали комбат капитан Коробов и командир роты старший лейтенант Замойляк, прибывшие в деревню раньше. Эти два офицера были полной противоположностью друг другу. Комбата курсанты называли уважительно — Батя. Бородатый, с внимательными и добрыми глазами, которые, наверно, помнили каждого курсанта, капитан пользовался любовью своих питомцев. Поговаривали, что капитан не так давно получил партийное взыскание (выговор) за настойчивые рапорты и просьбы отправить его на фронт. Между тем именно здесь, в училище, Коробов был особенно необходим и даже незаменим. Жизнь будто специально готовила из него незаурядного военного педагога, глубоко разбирающегося в военном искусстве и человеческой психологии.

Замойляк же из-за своей сухости не пользовался симпатией курсантов. Казалось, он прежде всего заботится о собственной персоне. Ни пушилки, ни лишней складки не увидишь на его обмундировании. Шевровые сапоги старшего лейтенанта были всегда так начищены, что могли бы соперничать с зеркалом... Отчитывая провинившихся, он обыкновенно угрожал им отправкой на фронт. Это его и выдавало: больше всего боялся фронта сам Замойляк.

Первым курсанты разглядели командира роты — он был выше комбата и шире в плечах. Почти заслоняя собою капитана, старший лейтенант стоял лицом к приближавшейся роте, заложив руки за спину и широко расставив ноги.

По колонне будто судорога прошла. Не любили курсанты Замойляка и все-таки не могли не считаться с тем, что он их ротный командир. Тверже стали шаги, шеренги начали выравниваться. Курсанты забеспокоились: кто поправлял завалявшуюся винтовку, кто спешил сдвинуть на бок сползающий к животу ненавистный противогаз, кто водворял выдернутую из-за пояса пилотку на взмокшую голову...

Но вот сделал шаг вперед командир батальона. Теперь капитана Коробова увидели все. И колонна как-то по-особому оживилась. Первые шеренги пошли в ногу, стали подтягиваться задние.

Изменившееся настроение роты тотчас уловил командир первого взвода Козлов. За время форсированного марша и у него хромовые сапожки обрели чутунную тяжесть, и все же он заулыбался.

Повернувшись к хвосту колонны и шагая спиной вперед, он звонким голосом подал команду:

— Подтяни-ись!.. Раз-два-три! Раз-два-три! Лево! Лево!

В его словах звучала радость, близкая к ликованию. Младший лейтенант был очень доволен, что во взводе не оказалось ни одного отставшего, что питомцы его выдюжили, не подкачали.

По всему было видно, что двадцатилетний офицер гордился своим взводом и преданно его любил. Об этой «привязанности» Козлова знал командир батальона и одобрял ее.

Но Замойляк рассуждал иначе:

— Взвод — не девица, — резко как-то бросил он Козлову. — Не ласкать надо, а требовать! Требовать и требовать!

Из-за этого между Козловым и Замойляком не раз возникали конфликты...

Когда рота поравнялась с ожидавшими ее Коробовым и Замойляком, старший лейтенант, сказав что-то капитану и козырнув ему, вдруг вскинул правую руку с зажатой в ней перчаткой и с пронзительной зычностью воскликнул:

— Р-р-рота!.. Слушай мою команду-у!.. Бегом ар-рш!..

Едва не споткнулся от этого приказа Козлов.

Но неистощим юмор солдатский.

— Наконец-то отдохнем! А то устали шагом пилять, — раздался в колонне чей-то хриплый голос.

Приказание старшего лейтенанта казалось невыполнимым. И все-таки повторять команду ротному не пришлось. Мелкой намочаленной трусой побежали первые шеренги, потом, гремя котелками, заколыхалась середина, и, наконец, вразнобой затопали замыкающие.

Чулков был уверен, что пробежать и ста метров не сможет. Просто он умрет. Умрет от разрыва сердца...

Плыли круги перед глазами. От слез или пота неясными силуэтами, будто размытые, просматривались бегущие впереди. Несколько раз Алексея бросало куда-то в сторону. Но, натолкнувшись на соседа, он занимал свое прежнее место в шеренге и бежал, бежал...

А вслед им властное:

— Шире шаг! Шире шаг!

Кто-то вывалился из строя. Упал еще один в середине колонны, и его двумя ручейками стали обтекать бегущие.

— Быстрее!.. Быстрее!.. — подхлестывали командиры.

За деревней старший лейтенант Замойляк, наконец, остановил бег роты спасительной командой:

— Шагом марш!— И тут же, не дав курсантам отдышаться, режущим перепонки голосом приказал:

— Запевай!

Рота молчала.

Голос старшего лейтенанта стал еще пронзительней.

— Запевай!

Рота отвечала четкой твердостью шага: «Р-рах! Р-рах! Р-рах...»

— Бего-ом ар-рш!

Замойляк едва не сорвал голос.

Бежали метров пятьдесят. И снова приказ:

— Запевай!

И вот над строем взвился молодой чистый голос, поначалу неуверенный, обессиленный.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

От первых же слов этой знакомой всем песни разрядилась атмосфера напряженности. Лица курсантов просветлились. Песня на глазах превращала роту в единый слаженный механизм. Каждый шагавший в строю уже не ощущал себя отдельным человеком, существующим независимо от роты. Каждый был неотделимой ее частицей...

От недавней злости на казавшееся «бездушное» и «жестокость» командира роты не осталось и следа.

В ворота училища курсанты вошли стройной колонной. Резвый весенний ветер приятно охлаждал усталые лица, по которым, оставляя темные полосы, струями стекал солдатский пот...

Еще зимой Алексей Чулков пытался узнать что-либо о Рае. Как-то на станции, когда курсанты вместе с девушками из местного медучилища перепосили раненых из поезда в госпиталь, расположенный недалеко от вокзала, Алексей увидел... Раю. И обознался. Очень была похожа та девушка на его землячку, только ростом оказалась выше. Но глаза — точно такие же! Будто она одолжила их у Рая...

Эти глаза будущей медсестры обожгли Чулкова и долгие месяцы не давали ему покоя. А тут письмо сестры Гордеевны Риммы: «Рая учится в медицинском училище где-то рядом с вами...»

...А в мае Алексей с увольнительной запиской в кармане проходил по незнакомой ему улице и неожиданно наткнулся

на вывеску медучилища. Не удержался, вошел в проходную.

Старик вахтер на вопрос Чулкова, где узнать — учится ли здесь Рая Забелина, ответил:

— Э, мил человек, у кого теперь узнаешь? Канцелярия-то домой ушла.

— Как может... канцелярия уйти?

— А вот так. Встала и ушла. Рабочий день у ней кончился.

За спиной раздался смех. Смеявшаяся девушка посоветовала:

— А вы, товарищ курсант, в общежитие сходите, там вам все скажут.

Алексей обернулся и опешил: перед ним стояла та самая девушка, которую он когда-то принял за Раю. Нежная смугловатость лица, жгуче черные глаза со смешливыми искорками и особенно манера смотреть сбоку, как бы снизу вверх — все ее, Раю.

— Да я же вас знаю! — воскликнула Лариса (имя ее Чулков знал еще с той зимней встречи). — Помните, в трескучий морозце мы с вами переносили раненых? Вы меня тогда с какой-то Раей спутали...

— Как же я мог вас забыть?! Вы так на нее похожи...

— А фамилия ее как?

— Забелина.

— Забелина? Что-то не припоминаю... Давайте дойдем до общежития, оно здесь рядом. Я попытаюсь узнать...

У входа в барак, в котором жили будущие медсестры, Лариса придержала Алексея за руку.

— Подождите немного. Я быстро.

Выбежав через несколько минут на улицу, Лариса сразу же сообщила: Забелина в медучилище не значится. Никто даже фамилии такой не слышал.

Оглушили эти слова Алексея — он с трепетом ожидал встречи с Раей, надеялся, что она вот-вот появится вместе с Ларисой. Волновался так, что ладони взмокли...

Будто оборвалось что-то в груди.

А у Ларисы озорно блеснули глаза.

— Зачем же нос вешать? Смотрите, какой день сегодня!

День и в самом деле выдался славный. На улице было жарко. Уже целую неделю на небе — ни облачка. Тополя оделись робкой и слабой еще листвой. Низко летали ласточки, едва не касаясь пересохших стеблей прошлогоднего пырея. Откуда-то волнами накатывался аромат черемухи.

Черемуха, черемуха... Как много напоминал Алексею ее запах!

Что-то говорила девушка, но Алексей слушал невнимательно.

— Да-а, — удручено произнес он. — Значит, Рая в каком-то другом городе... А вам долго еще здесь учиться?

— Месяца через три закончим училище — и на фронт.

— Неужто и девчонок на фронт пускают?

— А куда ж еще! Кто вам перевяжет, кто вынесет с поля боя, если ранят? Девчонок на фронте, если хотите знать, — многие тысячи. Почти вся фронтовая медицина на женщинах держится... А сколько связисток, регулировщиц, зенитчиц, сколько девушке в разведке!

Так что не очень-то задирайте нос... — И предложила без всякой связи с тем, что говорила: — Пойдемте к нам, а то вы совсем раскиснете из-за вашей Рая... Мама прислала мне вот такую банку вишневого варенья. — Судя по жесту Ларисы, банка была не меньше двадцатилитрового бидона.

От такого радушия на душе Чулкова стало теплее.

— Неудобно как-то, — заколебался он.

— Неудобно валенком арбуз резать... Вы тут постоите минуточку... А то у нас ералаш в комнате. Девчонки домой на воскресенье спешили, не до уборки им было...

Алексей остался один. Он стоял и ждал, безразличный ко всему. На станции суматошно свистел паровоз. С Волги донесся басовитый гудок парохода. Потом где-то поблизости включили уличный репродуктор. Диктор после короткой информации о боях местного значения заговорил о тотальной мобилизации в Германии. Призывали всех немцев от мала до велика и отправляли на Восточный фронт.

«Несладко вам, гады! — с радостью подумал Чулков. — Подождите, еще не то будет!..»

Все теперь верили, что и на нашу улицу приходит праздник.

Вспомнилось, какую радость испытали курсанты, когда прочли в газете о полном освобождении Воронежской области. Вся рота почти целиком была укомплектована воронежскими ребятами. Ликовали так, что в казарме пол ходуном ходил.

Старшина Буров, увидев бурлящую роту, и слова не сказал в осуждение, только весело усмехнулся и подкрутил свой сивый ус.

...Вот и Лариса. Она смело взяла Алексея за руку и увлекла его в барак.

Чай с вишневым вареньем после солдатских харчей показался Алексею праздником. Было все по-домашнему. Конечно, общежитие не дворец: в комнате четыре железные койки, заправленные шинельными одеялами, четыре тумбочки, четыре

табуретки, а все же не казарма. И пахло здесь не солдатским жильем.

Сидели за столом, накрытым чистой газетой. Кипиток, заваренный мятой и еще какими-то ароматными травами, пили из кружек. Варенье по одной вишенке таскали столовыми ложками прямо из банки.

Не испытанное еще наслаждение ощущал Чулков, сидя вдвоем с девушкой в комнате. Он шумно хлебал горячий ароматный чай и, обжигаясь о края алюминиевой кружки, похрустывал ржаными домашними сухарями...

Тоска и потерянности Алексея окончательно развеялись.

Когда Чулков собрался уходить от Ларисы, он вдруг почувствовал желание встретиться с нею еще раз. Правда, Алексей не знал, когда ему удастся снова выбраться в город.

Все это он сказал Ларисе. Девушка не могла скрыть радость:

— Была бы охота, а время найдется...

Помолчали. Алексей взял ее руку и стал тихонько перебирать пальцы, еще по-девичьи пухловатые, но с жесткими подушечками на ладонях.

Девушка закрыла глаза. И вдруг приподнявшись на носки, быстро поцеловала Алексея.

Чулков, изумленный, прикрыл ее ладонью поцелованную щеку. Потом не очень решительно потянул к себе Ларису и неумело поцеловал в уголок губ.

То был первый поцелуй в жизни Алексея...

Лариса поняла, почувствовала это, и сама в смнении прижалась головой к его груди.

— Я буду всегда... всегда рада тебя видеть, Алеша... — тихо сказала она. — Когда бы ты ни пришел. Понимаешь?

Алексей кивнул и ласково провел ладонью по ее щеке. Она вздохнула и еще тише произнесла:

— Иди, Алеша. Боюсь, опоздаешь.

Во второй половине дня программа обучения была завершена. Но вместо экзаменов по-прежнему продолжались занятия. Особенно много занимались отработкой способов преодоления водных преград. Почти каждый день в казарму возвращались мокрыми, продрогшими.

— До каких же пор, товарищ младший лейтенант? — не выдержал однажды Володька Росляков.

Козлов оборвал его и отчитал за малодушие.

В один из таких напряженных дней училище взбудоражила новость: курсантам третьей роты того же батальона, в котором служил Чулков, спешно присвоили звание младших

лейтенантов. Всем им выдали новые хлопчатобумажные гимнастерки и галифе, португез и кирзовые сапоги. На плечах бывших курсантов засверкали звездочками полевые погоны офицеров.

На следующее утро младшие лейтенанты покидали училище. Для их сопровождения была выделена команда, в которую попал и Алексей. С развернутым знаменем, под духовой оркестр молодых офицеров провожали до пристани. Во всем новеньком, скрипучем и жестком младшие лейтенанты привычно печатали шаг. То тут, то там раздавался звонкий визг мальчишек, увязавшихся за военным оркестром. По пути колонны стояли женщины с заплаканными глазами, но даже это напоминание о войне и смерти не сковывало ликования офицерского строя.

Сияло солнце, было жарко...

В толпе женщин Алексей увидел Ларису. Привставая на носки и вытягивая шею, она беспокойно искала кого-то глазами. Заметив шагавшего в строю Алексея, Лариса обрадованно встрепенулась и подбежала к нему.

— Идем на пристань, подожди меня там, — крикнул ей Чулков.

— Чулков! Прекратить разговорчики в строю! — сделал Алексею замечание младший лейтенант Козлов.

На пристани раздалась команда: «Разойдись!» Но тут же предупредили: находиться поблизости.

Строй нарушился. Курсанты начали прощаться с товарищами по училищу.

Алексей подошел к Ларисе.

— Уезжаешь, Алеша? — с тревогой спросила она.

— Нет, провожаю однокашников. Им досрочно присвоили офицерские звания. Скоро и нам присвоят. Придется тоже уезжать отсюда.

— И мне здесь недолго осталось жить. Кончу училище — и на фронт. Расстанемся с тобой и, может быть, никогда больше не увидимся...

Вдруг из громкоговорителя раздалась позывные Москвы, какие обычно предшествовали «Важному сообщению». А через минуту над пристанью торжественно зазвучал знакомый всем голос Левитана. Под репродуктором быстро собралась толпа. Пристань замерла.

— Приказ Верховного Главнокомандующего, — произнес диктор. — Генерал-полковнику Попову. Генерал-полковнику Соколовскому. Генералу армии Рокоссовскому. Генералу армии Ватутину. Генерал-полковнику Коневу.

Сегодня, 5 августа войска Брянского фронта при содей-

ствии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел.

Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгородом.

Месяц тому назад, 5 июля, немцы начали свое летнее наступление из районов Орла и Белгорода, чтобы окружить и уничтожить наши войска, находившиеся в Курском выступе, и занять Курск.

Отразив все попытки противника прорваться к Курску со стороны Орла и Белгорода, наши войска сами перешли в наступление и 5 августа, ровно через месяц после начала июльского наступления немцев, заняли Орел и Белгород.

Тем самым разоблачена легенда немцев о том, что будто бы советские войска не в состоянии вести летом успешное наступление.

В ознаменование одержанной победы 5-й, 129-й, 380-й стрелковым дивизиям, ворвавшимся первыми в город Орел и освободившим его, присвоить наименование «Орловских» и впредь их именовать: 5-я Орловская стрелковая дивизия, 129-я Орловская стрелковая дивизия, 380-я Орловская стрелковая дивизия.

89-й гвардейской и 305-й стрелковым дивизиям, ворвавшимся первыми в город Белгород и освободившим его, присвоить наименование «Белгородских» и впредь их именовать: 89-я гвардейская Белгородская стрелковая дивизия, 305-я Белгородская стрелковая дивизия.

Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

За отличные наступательные действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в операциях по освобождению Орла и Белгорода.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины.

Смерть немецким оккупантам!

Слушая раскаленные слова, произносимые Левитаном, Алексей вспомнил рассказ капитана Шибанова о небывалом сражении на Курской дуге, о том, как сотни наших «тридцатьчетверок» сталкивались лбами с «тиграми», «пантерами» и «фердинандами». Танкисты выскакивали из люков и схватывались врукопашную... Только сегодня Валентин Старостин получал письмо от однополчан своего старшего брата-

танкиста: он погиб под Курском. Почернел от горя Валентин. Тенью ходит. Уж лучше бы слезы лил — слезы, говорят, облегчают горе...

— Тяжкие бои, Лариса. Представляю, что там творится! Зато фрицы теперь побегут без оглядки. Вот увидишь.

— И слава богу. Я б их, гадов!.. — Лариса не договорила.

Алексей перехватил взгляд, полный ярости, и залюбовался девушкой: гнев сделал ее еще привлекательней.

— Да, всюду бои. А я вот здесь прохлаждаюсь.

— Неужели мы больше никогда не увидимся? — сказала Лариса с печалью в голосе.

Чулков внимательно посмотрел в ее черные, вдруг погрустневшие глаза.

«Лариса ничуть не хуже Ран», — подумал он невольно. Даже старенькое ситцевое платье, из которого она давно выросла, не портило ее красоты.

— Ну, почему же не увидимся?.. — возразил Алексей. — Есть почта.

— Что почта! Человека она не заменит.

Алексей вдруг понял, а ведь и в самом деле — они могут навсегда потерять друг друга. А девушка она хорошая и так доверчива.

Нет, он не хочет терять Ларису.

— В случае чего, сразу тебе напишу, — сказал Алексей. — Да только ведь ты забудешь меня на другой же день...

Лицо Ларисы посветлело. Она повернула Алексея к себе и, не стесняясь людей, уткнулась ему головой в грудь.

— Глупый ты, глупый... Неужели ничего не понял?

Ответить Алексей не успел. Услышав команду: «Становись!», он хотел поцеловать Ларису, но не решился... Бежал к месту сбора, когда уже заиграл оркестр.

Курсантский строй теперь стал почетным караулом. Под звуки марша молодые офицеры двинулись по трапу на речное судно. Две пушки и несколько зенитных пулеметов делали пароход грозным, несмотря на небольшие его размеры.

Коротко рывкнув, судно медленно стало отчаливать. Оркестр не смолкал. Бодрые звуки его далеко, наверное, разносились над рекой.

Волга искрилась от легких порывов ветра, бирюзовая гладь реки покрывалась мелкой рябью. Вверх и вниз по Болге сновали лодки, военные катера, медленно ползла против течения баржа, которую тащил крошечный жучок-катер...

Оркестр и курсантский завод, построившись, двинулись в училище.

Алексей с грустью взглянул на Ларису. Девушка стояла на прежнем месте и глаз не спускала с удалявшихся курсантов.

Чулков заметил, что она плачет.

Глава третья

ПО ТРЕВОГЕ

В ночь со вторника на среду училище в который уже раз подняли по тревоге. Екнуло сердце у Алексея — неужели ученью конец?.. Неужели мечта сбывается?..

Одевались быстро, ни на секунду не задумываясь над тем, что и как делали руки. Мелькая над ботинками (проклятые обмотки, когда же их заменят сапогами?), руки автоматически проделывали точные, сотни раз повторенные движения. Шуршала, скрипела кроватями, а потом грохотала каблуками казарма. Курсанты сдержанно переговаривались:

— Уж не на фронт ли нас двинут?

— А что! Все может быть! Вон как к Днепру наши катят после Курска и Орла.

— Тогда и офицерские звания должны бы присвоить.

Это сказал Самонов. Он шумно вздохнул и упрямо повторил:

— Не может быть, чтобы не присвоили офицерских званий!

Вопрос о званиях волновал, конечно, всех курсантов. Но особенно он мучил Самонова. Слух о том, что из соседнего — артиллерийского — училища отправили на фронт рядовыми целое подразделение курсантов, напутал Анатолия: он больше всего на свете боялся, что и его постигнет такая же участь. С офицерской карьерой Самонов связывал все свои надежды и расчеты.

— Звание-то оно всегда ночью присваивается... — Поддел Самонова Володька Росляков.

Сдержанный смех строго оборвал старшина. Алексей и Володька, занимая свое место в строю, переглянулись, затем вопросительно посмотрели на Виталия. Тот, возможно, кое-что знал. Непосредственно он теперь носил сержантские погоны. Месяца два назад во время крупных учений меткая стрельба Гордеевко из миномета обратила на себя внимание инспектирующего. Виталию вскоре присвоили звание сержанта и назначи-

ли его командиром отделения минометного взвода. На тех же учениях заслужил хорошей оценки и Самонов. Он также получил сержантское звание (младший сержант) и стал командиром стрелкового отделения вместо пропштафившегося на смотре сержанта из второго взвода.

Но Самонову до Гордеенко далеко!.. Виталия курсанты уважали за прямоту, за храбрость — он не раз приходил товарищам на выручку в трудные минуты. Чулков знал его таким еще до службы в армии.

...Однажды в Новохоперске Виталий и Алексей, направляясь в школу, подходили к тоннелю под железнодорожной линией. Вдруг дорогу им преградили четверо известных на станции драчунов во главе с Виктором Кацуриным, прозванным потрошителем садов и огородов. Они сжимали в руках железные прутья.

— Ага, Дрын! Иди, иди сюда, мы укоротим тебе ноги!

Угрожали Виталию — это его из-за высокого роста дразнили Дрынном.

Сверкнули глаза Виталия, побледнело лицо. Алексей уже знал: не дай бог в таком состоянии Виталию драться. Он слепнет в таких случаях. К нему очень подходило изречение, бойся гнева доброго человека.

Но произошло совсем не то, чего так страшился Алексей...

Оба они невольно замедлили шаги, а потом, не сговариваясь, решительно пошли навстречу компании. Такого оборота Виктор Кацурин явно не ожидал. Он уже испытал на себе кулаки Гордеенко после того, как обидел его сестренку Римму. Сейчас, наверное, Кацурин и хотел сквитаться за тот позорный для него случай...

Дружки Кацурина в растерянности зашептались. Этим замешательством и воспользовался Гордеенко. Мгновенным рывком Виталий выхватил железные прутья у Кацурина и одного его товарища. Почти одновременно с Гордеенко вырвал один прут и Алексей.

— А пу-ка, железяку сюда! — тихо приказал Виталий последнему из компании Кацурина, потерянно шевелившему пересохшими губами.

Железные прутья Виталий, широко размахнувшись, швырнул через высокий забор лесосклада. Они громко звякнули, ударившись обо что-то. Громыхая цепью и скользя обручем о металлический трос, помчалась на звук злобно залайвавшая сторожевая овчарка.

Кацурин вздрогнул, испуганно оглянулся на забор, и все четверо бросились бежать.

...Было около трех часов ночи, когда курсанты форсированным маршем добрались до железнодорожной станции. Грузились в эшелон быстро. Разговаривать громко запрещалось, и это усиливало напряженность.

«Хоть бы сказали, куда едем... на какой участок фронта», — думал Алексей. Но кто знает? Война и тайна похожи на сестер-близнецов.

Вот и переключка по взводам. Все на месте.

Из офицеров роты с курсантами отправлялся только младший лейтенант Козлов. Рота, в которой он командовал первым взводом, теперь была в его подчинении. Старшина Буров, помощники командиров взводов и командиры отделений беспрекословно и четко выполняли все распоряжения младшего лейтенанта... Сбор по тревоге, томительная неизвестность, ночная суматоха и спешка — все это делало командиров особенно подтянутыми и собранными.

— По вагонам!

Через минуту-другую паровоз, словно пробуя силы, шумно забуксовал колесами. От вагона к вагону прокатился дробный перестук буферов, и поезд тронулся.

Прощай, училище! Теперь уж никто из курсантов не сомневался, что покидают они его навсегда. Рядовыми, правда, но что поделаешь? Видимо, так нужно, того потребовала обстановка на фронте.

И все же эта их отправка рядовыми казалась странной. Зачем же учили столько времени?..

Алексей старался успокоить себя: на фронт он едет не беспомощным юнцом. Многие месяцы, проведенные в училище, не пропали даром. Взвод или роту, если потребует обстановка, он, как и другие курсанты, уверенно сможет возглавить... Во всяком случае, не растеряется.

Поезд грохочет на рельсах. Остановки редки. Под утро эшелон приближался уже к Воронежской области, и последние сомнения исчезли: это не учебная тревога, это переброска на фронт.

Весь день ехали по родным воронежским просторам. Между Отрожкой и Графской выгрузились и разместились на опушке редколесья в палатках.

Утром стало известно — училище вливалось в 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Она недавно вышла из боев, за которые ей присвоили звание «гвардейской». Ветераны дивизии задирали нос перед необстрелянным пополнением:

— Считайте для себя честью, что попали в нашу часть...

Обрадовала курсантов и другая новость: дивизией командовал... Иван Мошляк. О его подвиге у озера Хасан писали все

газеты, мальчишки в те дни видели в нем своего кумира...

Сначала друзья засомневались: тот ли это Мошляк? Оказалось — тот самый, хасановец, Герой Советского Союза.

Сейчас всем хотелось увидеть Мошляка собственными глазами. Расспрашивали: какой он? Сколько же ему лет? Ведь он совсем молодой, а уже командир дивизии! Как он выглядит?

— И вообще... стоящий мужик-то? — приставали курсанты к солдатам-фронтовикам.

— Порядок, — посмеивались те. — На ходу у него не поспишь...

И вот она — встреча, неизбежная и все-таки неожиданная.

Вместе с фронтовиками курсанты занимались штыковым боем, и тут обнаружилось, что некоторые из них слабо владели штыком.

— Плохо вам придется в штыковом бою с такой подготовкой, — укорил недавних курсантов командир батальона гвардии капитан Борисов. Старшине Бурову, считавшемуся в роте мастером штыкового боя, он приказал:

— Приемы владения штыком будете отрабатывать и в часы самоподготовки. — Резким движением руки капитан поправил на голове фуражку и заспешил в соседнее подразделение.

Алексей был задет за живое. Как это так?! Все-таки без пяти минут офицеры...

Курсанты в душе гордились своей подготовкой и, чего греха таить, иногда козыряли ею перед ветеранами дивизии. И вдруг даже Володька Росляков чуть было не сконфузился...

В самый разгар занятий из-за угла двухэтажной школы на плац (бывшую школьную спортплощадку) выкатил «виллис», окутанный клубами пыли. Старшина Буров каким-то всполошенным голосом гаркнул:

— Смирна!

— Отставить!.. — Из машины выскочил молодой, чубатый, тонок и чумазый полковник в кожаных, почти до локтей, перчатках. На пропыленном кителе его сияла Золотая Звезда Героя.

Это и был командир 62-й гвардейской дивизии Иван Никонович Мошляк.

Он решительно подбежал к Рослякову, готовившемуся нанести очередной укол в чучело, и выхватил из его рук винтовку.

— Кто вас учил так вежливо колоть? Где ваша злость? Перед вами фашист. Вот как надо колоть! — И полковник в считанные секунды пронзил штыком одно за другим два чучела и нанес молниеносный удар прикладом по третьему.

— Раз! Раз! Гэх! Понял? — строго и одновременно весело спросил он наконец Володьку.

Росляков, медлительный, спокойный, был ошеломлен огненной стремительностью комдива. И здесь Володьке не отказала его непосредственность.

— Никак нет, товарищ гвардии полковник. Никогда так не научусь! Это же... невозможно так!

Варывом хохота рота вспугнула с ближней ветлы стаю грачей.

— Отставить смех! — сердито произнес командир дивизии и опять к Рослякову: — А если твой живот проткнет фашист, кому от этого польза будет?!

— Да я его... я руками его задушу! — Володька вдруг грозно сверкнул глазами и рывком выбросил перед собой сильные с застарелыми мозолями ладони-лопаты.

Комдив внимательно посмотрел на них.

— А что? — Он обернулся к сопровождавшему его подполковнику. — И задушит. — Усмехнувшись, Мошляк бросил Рослякову винтовку, которую тот ловко поймал на лету.

На прощание командир дивизии приказал:

— Штыковой бой отработать. Проверю лично.

Ох, уж и досталось «необстрелянным»! Они проклинали своего старшину Бурова — Тараса Бульбу, прозванного так за висячие, почти совсем седые усы. Тарас Бульба.

Да... Не таким представлял себе Алексей героя Хасана Ивана Ивановича Мошляка. Он виделся ему великаном — пудовые кулаки, сажень в плечах, — а перед ним предстал обыкновенный человек среднего роста. Правда, штыком полковник Мошляк работал на зависть умело...

И сколько же усилий пришлось приложить бывшим курсантам и уже обстрелянным гвардейцам, чтобы не осрамиться перед командиром дивизии и чтобы не пропал даром этот неожиданно преподанный им урок!

А комдив не забыл о случае с Росляковым. В день смотра лично прибыл в роту.

...Августовское солнце палило нещадно. Листья деревьев напоминали сморщенные уши новохоперских дворянжек. Пыль, поднятая скатами автомашин, не оседала, а недвижно висела над стационарными строениями, будто прикрывая их от вражеского налета.

Проверку по штыковому бою Мошляк проводил придирчиво, с пристрастием и не мог не увидеть, что пролитый солдатский пот не пропал даром.

Через час он устал, но все же довольным голосом подвел итог.

— Вижу, потрудились.— Глазами отыскал в строю Рослякова.— Овладел, овладел штыком, гвардеец. Теперь не уронишь в бою славу русского штыка?

Потное Володькино лицо просняло.

— Так точно, товарищ гвардии полковник!

Взглянув на Чулкова, комдив удивился его худобе.

— Старшина, лишнюю порцию каши гвардейцу-доходяге по фамилии... — Он повернул к Алексею ухо.

— Чулков, товарищ гвардии полковник.

Лучше бы Алексею провалиться сквозь землю... Засмеют теперь ребята, окрестят «гвардейцем-доходягой»...

А старшина припал к исполнению приказ командира дивизии: Алексею с того дня стали выдавать за обедом двойную порцию. Он окреп, даже румянец проступил сквозь загар.

Между тем в роте, как и во всей дивизии, изо дня в день продолжалась напряженная боевая учеба. Временами казалось, что ни в каком сражении немислимо такое изматывание физических и душевных сил...

— Тяжело в учении — легко в бою, — подбадривали командиры солдат суворовской поговоркой, сотни раз повторенной.

В подразделениях то и дело устраивались проверки и смотры. На одной из таких проверок отличились сержанты Старостин и Виталий Гордеевко. Вскоре Виталия назначили помощником командира взвода и присвоили ему звание гвардии старшего сержанта. А Старостин, получив такое же повышение в звании, стал командовать взводом.

Пошел уже второй месяц, как училище влилось в гвардейскую дивизию. Кончился август, наступил сентябрь. Позади осталось невиданное сражение на Курской дуге. Войска наши подошли к Харькову. А шестьдесят вторая дивизия все еще оставалась в тылу. Гвардейцев успешно готовили к каким-то ответственным операциям.

Август и сентябрь выдались палящими, знойными — не увидишь ни одной гимнастерки без соленых разводов на спине. И в поле, и на плацу солдаты задыхались от духоты и пыли. Угнетающе действовали следы недавних бомбардировок, на каждом шагу бросающиеся в глаза. Всюду громоздились пустые коробки зданий с вырванными оконными рамами. Рябой казалась земля от воронок...

Однажды роту подняли задолго до рассвета. Все еще с вечера знали, что предстоят учения на тему: отражение танковой атаки противника.

К восходу солнца на окраине стационарного поселка были вырыты десятки метров траншей, окопов, ходов сообщения.

Командир роты старший лейтенант Гостев, поглядывая на

выплывавший из-за горизонта кроваво-красный диск, вводил командиров взводов в обстановку:

— Неприятель бросил в атаку десять танков. Оборону держит рота с приданным ей минометным взводом. Запас мин у минометчиков кончился. В стрелковых взводах есть противотанковые гранаты. Действуйте!

Младшие лейтенанты Козлов, Соснин и командир третьего взвода старший сержант Старостин тотчас вернулись к своим взводам.

Козлов, коротко и четко объяснив ситуацию, оглядел подчиненных.

— Росляков! Вы — командир взвода. Ваше решение? В вашем распоряжении сорок секунд.

Размышлял Владимир одно мгновение и сказал уверенно:

— В глубоком окопе танк бойцу не страшен. Надо подпустить танки на близкое расстояние и забросать гранатами...

Козлов, воспользовавшись паузой, усложнил задачу:

— А если танки прорвутся к траншеям, начнут утюжить окопы и заруют вас в землю?..

Алексей придирчиво осмотрел свою ячейку, подумал:

«Не заруют, кишка тонка... Не рискнет же танкист завалиться в траншею одной гусеницей? Может опрокинуться».

— В любом случае, товарищ гвардии младший лейтенант, будем бить их гранатами!.. — отчеканил Росляков.

Быстрый и напористый опрос командиров отделений напоминал беглый артиллерийский огонь. И ответы сержантов как взрывы...

— Передать на КП — взвод к обороне готов! — приказал телефонисту младший лейтенант.

А Виталий Гордеенко, ныне помощник командира минометного взвода, который должен был отражать танковую атаку вместе с родной ему стрелковой ротой, но по воле старшего лейтенанта Гостева обреченный на бездействие — мин-то во взводе нет — не мог смириться со своим положением безоружного в бою человека. Пока шел опрос командиров стрелковых отделений, он, резко жестикулируя, что-то протестующе говорил своему командиру взвода — старшине. И тот был недоволен «создавшейся обстановкой», но кивнул на командира стрелковой роты:

— Убедите старшего лейтенанта.

Озорно блеснув глазами, Виталий устремился к окопу Гостева.

— Разрешите, товарищ гвардии старший лейтенант?

— Что у вас? — Командир роты удивленно вскинул взгляд на Гордеенко.

— У минометчиков почти четыре десятка гранат, половина из них — противотанковые. Мы вооружены автоматами ППШ и винтовками СВТ. Разрешите вступить в бой с танками вместе со стрелками.

Старший лейтенант, мягко дзенькнув двумя орденами Красного Знамени, поднялся во весь рост, но и до подбородка Виталия не достал. В зеленых узких глазах-щелках Гостева появилась усмешка. Но вот он сдвинул кустистые рыжеватые брови.

— Занять позицию в траншее! Приготовить гранаты!

— Есть занять позицию!

Минометчики, с опаской поглядывая на холм, торопливо начали устраиваться в траншею. Виталий верен себе: семь раз отмерь, один раз отрежь... Неловко согнувшись (траншея Виталию не по росту), он дотошно проверял занятые солдатами позиции. За ним с лукавой усмешкой наблюдал комсорт роты ефрейтор Карпухин, у которого шутка всегда наготове. Он низковат ростом, но корепастый и плотный. Станислав уже воевал вместе с дивизией на Донце, награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Глаза Карпухина сужены в хитровой усмешке. Гордеенко покосился на Славу, спросил:

— Ефрейтор Карпухин! Что это вам так весело?

— Гляжу я на вас, рослых, товарищ гвардии старший сержант, и сокрушаюсь. Больно уж несподручно вам от танков в траншею прятаться. В три погибли надо сгибаться...

— Прекратить смех! Нашел время для шуток.

Как раз в это время на рогу начал накатываться гул. Танки пошли в атаку. Но их еще не было видно. Гул нарастал. Из-за холма выскочили... немецкие танки с черными крестами, квадратные, такие же «Т-IV», какие стояли во дворе училища. Алексей почувствовал, как у него мороз пошел по коже.

Впереди и сзади траншеи начали рваться толстые шапки, означавшие, что танки открыли огонь. В окопах замерли, ждут. А рев дизелей и лязг гусениц все накатывается, нарастает. Натягиваются и нервы. Слов уже не слышно.

Из своей ячейки Алексей отчетливо видит фашистские кресты на броне приближающихся танков. Знает, что немецкие танки отремонтированы специально для обучения солдат, и все-таки ненавистные эти кресты бросают в дрожь. Передний танк движется прямо на него. Приближается вроде не очень и быстро, но неумолимо. Невозможно оторвать глаз от страшной этой машины. И вдруг танк в упор стреляет в Алексея из пушки.

Чулков мигом пыряет в окоп, но уже в следующую секунду встает и швыряет в танк учебную гранату. Бросают гранаты

Росляков и Карпухин. Танк, готовый раздавить Алексея, вдруг закрутился на месте. Это означало, что одна гусеница «вражеского» танка разорвана. Чулков на мгновение замирает, озирается влево и вправо и лихорадочно соображает: что же делать дальше? Когда танк повернулся задом, Алексей метнул вторую гранату, и она звонко ударилась о броню башни.

«Теперь надо уничтожить экипаж», — мелькает в голове Алексея, и он, стоя во весь рост, «поливает» из автомата «вражеских» танкистов, переваливающихся через борт люка.

— С ума спятил! — орет Виталий. — Срежут из пулемета...

Чулков прячется и все-таки успевает увидеть: «горят» уже два танка, а третий, перебравшийся через траншею, бестолково мечется в тылу роты. Пехоту «противника» на правом фланге отсекли от танков «огнем» из автоматов и ручных пулеметов и не дают ей поднять головы. Но вот три танка, вырвавшись из дыма и выйдя из стороны в сторону, начинают утюжить траншею.

«Ох, черт! Они же по-настоящему сейчас нас раздавят!»

Рев танка вдруг раздается где-то совсем рядом. Над головой Алексея оглушительно залязгали гусеницы, поплыло днище...

Алексей в ужасе кричит: «А-а-а!» — и закрывает голову руками. Земля сыплется за шиворот, на плечи... В рот попадает песок. Почувствовав, что он едва жив от страха, Чулков даже заскрежетал зубами, испытывая мучительный стыд.

«Трус! Трус!» — стучит у него в висках.

Как только танк перевалил через траншею, Алексей вскакивает и, озираясь по сторонам, шарит рукой по окопу, отыскивая заваленные землей гранаты.

В следующую секунду он уже мчит за танком с гранатой в руке. Приостановившись, со злобой бросает гранату под гусеницу.

Кто-то закричал:

— Подбит! Еще раз подбит!

В это время танк резко накренился и завалился правой гусеницей в траншею. Ни повернуть, ни уйти вперед или назад он уже не мог. Кто-то колотил гранатой по броне, забыв, что она может «взорваться»...

— Сдавайся, прохвост, сдавайся!..

Оказывается, танк этот еще до Чулкова кто-то уже «подбил». Вместо того, чтобы закрутиться на месте, танкисты протюжили метров сорок траншею.

Выходило, что Алексей испугался уже «мертвого» танка. И от этого пережитый им ужас казался ему еще постыдней...

Потеряв пять машин, «враг» отступил. Прорвавшиеся в тыл

стрелковой роте танки без взаимодействия со своей пехотой не достигли цели и вынуждены были отойти...

Анализируя позже свои действия, Чулков понял, как правы были ветераны дивизии. Совсем не шуткой оборачивались их слова о том, что от такой утюжки можно в сумасшедший дом попасть. Ведь даже на учении танковая атака повергла его в ужас. Как же он сможет устоять перед этими стальными чудовищами в настоящем бою?!

«А люди с гранатами сами ложатся под гусеницы... Добро-вольно!» — укорял себя Алексей.

После сигнала горниста, протрубившего учению «отбой», к роте, расположившейся на отдых возле небольшого кургана, подошел бывший преподаватель училища Шибанов, теперь уже майор и инструктор политотдела дивизии. Как всегда, веселый, приветливый. В роте его называли крестным отцом Рослякова из-за того памятного случая, когда Володька заснул на политзанятиях.

И сейчас разговор пачался с шутки:

— Ну как тут мой крестник? — Майор тепло улыбался, глядя на Рослякова.

Владимир вытянулся по стойке «смирно».

— Привык, товарищ гвардии майор. И секунды всхрапнуть не дают. — Дождавшись, когда смолкнет смех, Володька продолжал: — Бьем фанерных фашистов и в хвост и в гриву...

— Загораем в тылу, одним словом, — с усмешкой подытожил Гордееenko.

Виталий обернулся к одернувшему его Славе Карпухину, и майор мельком увидел спину старшего сержанта, которая от наслонившихся на гимнастерке соленых разводов была похожа на топографическую карту. Улыбка на лице майора Шибанова тотчас исчезла.

— Разрешите вопрос, товарищ гвардии майор, — выдвинулся вперед ефрейтор Карпухин, звякнув украшавшими его широкую грудь медалями.

— Наш комсорг роты, — сказал Гордееenko. — Ветеран дивизии Станислав Карпухин.

Майор, чувствуя себя среди солдат как в родной стихии, с любопытством взглянул на Карпухина.

— Какие же вас волнуют вопросы, товарищ гвардии ефрейтор?

— Почему курсантов прислали в нашу дивизию рядовыми?

— Ах, вот вы о чем!.. Отвечу... Потому что перед дивизией и в целом армией поставлена очень серьезная, трудная и

ответственная задача. Для ее выполнения нужны хорошо обученные воины, в высшей степени подготовленные части и соединения. Об этом есть приказ Верховного Главнокомандующего. Одним словом, товарищ Карпухин, зря приказы не отдаются. Вам об этом должно быть хорошо известно.

— Понятно... — протянул Карпухин и заученным движением рук расправил под ремнем гимнастерку. — А в какое соединение мы входим?

— В Тридцать седьмую армию, которой командует генерал-лейтенант Шарохин. Михаил Николаевич. В недавнем прошлом — заместитель начальника Генерального штаба.

— Шарохин?! — удивленно переспросил Слава. — У нас в Ярославской области много Шарохиных... Не из наших ли земляков командарм?

— Ярославский он и есть. Красногвардеец. Участник революции.

— Значит, наш. Из Даниловского района... — Карпухин оживился, заулыбался.

— Ну, а командира дивизии вы тем более должны хорошо знать, — сказал майор Шибанов.

— Знаем. Да хорошо бы поподробней, — заметил Виталий Гордеенко. — Расскажите, товарищ гвардии майор.

— Что ж... Если хотите, расскажу.

Солдаты расселись на траве вокруг офицера.

Майор достал портсигар.

— Закуривай, гвардия.

Вскоре над головами солдат завихрился дымок.

— Из Кулундинской степи Иван Никонич Мошляк. О нем много писали. Может, кто и читал. Думаю, не худо и вспомнить перед боями. История у него поучительная. — Майор глубоко затянулся папиросным дымом. — Родители его, как и у многих из вас, — крестьяне. Мать умерла рано. Отец остался с пятью малышами. Только семь классов и окончил Иван Никонович. Неказистый был, шупловатый, бледный, худой... Зато характером в отца, а Никон Кириллович имел четыре Георгиевских креста. Моряк. Полный георгиевский кавалер... На первом же году службы в армии Ивана Никоновича направили в школу младших командиров. Он успешно окончил ее, сам потом начал готовить командиров в той же школе. Его назначили командиром взвода, присвоили звание лейтенанта. Со школой младших командиров в жизни Ивана Мошляка связано еще два знаменательных события. Там он вступил в партию и сдал экстерном экзамены за десятилетку... Я говорю кратко, потому что у нашего комдива жизнь богата событиями. А вы слушайте да мотайте на ус. Понятна моя мысль?

— Как слеза прозрачна, товарищ гвардии майор, — за всех ответил Карпухин.

— К тому времени, когда японцы зашевелились у наших границ, лейтенант Мошляк был парторгом 118-го стрелкового полка, который одним из первых вступил в бой с японскими захватчиками в районе озера Хасан... Подтянув крупные силы, артиллерию, самураи тучей надели на малочисленные пограничные подразделения и захватили сопки Безымянную, Заозерную, Пулеметную горку. Вскоре после этого командир полка майор Соленов поручил лейтенанту Мошляку провести разведку боем на Пулеметной горке. Надо было засечь огневые точки противника. Взвод под командованием Мошляка, используя «мертвую зону», буквально на животе прополз в тыл врага и ударил японцам в спину. Застигнутые врасплох, самураи в панике отступили. Пулеметная горка была полностью очищена от захватчиков.

— Неужели одним взводом отбили сопку? — недоверчиво спросил Гордеенко.

— Именно так. Об этом официально сообщалось. Короче говоря, взвод лейтенанта Мошляка выполнил задачу, посильную полку.

— За это получил звание Героя наш комдив? — не вытерпел Алексей Чулков. — А я читал о сопке Заозерной...

— Все правильно. Была и Заозерная. Но то уже второй подвиг Ивана Мошляка. К озеру Хасан подошли войсковые соединения во главе с маршалом Блюхером и командиром корпуса Штерном. Во время общего наступления, которым руководил Штерн, майор Соленов послал своего парторга полка лейтенанта Мошляка в батальон старшего лейтенанта Разодеева. На самый трудный участок послал. Местность там болотистая, голая, укрыться негде... Наступал батальон Разодеева медленно, с потерями. И другим батальонам было не легче. Но все понимали: немислимо оставить врага на советской земле! Заозерную надо взять любой ценой. И все-таки чем выше поднимались бойцы на сопку, тем медленнее двигались. Потом и совсем остановились. Лейтенант Мошляк не сразу понял причину. До вершины рукой подать, а роты залегли.

Кто-то кричал: «Ранен комбат!.. Разодеева убили».

«Вот что остановило бойцов», — догадался Иван Иванович и тут же крикнул во весь голос: «Батальон! Слушай мою команду!» Он рванулся вперед. «За мной! Ура!» За ним поднялась рота, вторая, третья. Японцы бросились в контратаку, но было уже поздно. Наши смяли и погнали самураев. Лейтенант Мошляк выхватил у бойца полковое знамя — и к вершине. Рядом с ним разорвался снаряд. Изрешеченный осколками, теряя

сознание, Иван Никонович вонзил древко знамени в землю на вершине Заозерной. И рядом со знаменем рухнул!

— Что?! Погиб? — испуганно спросил Володька Росляков, самый непосредственный из слушателей.

Грянул хохот.

— Кто же тогда командовал бы нашей дивизией? — спросили Володьку, заалевшего от смущения.

— Как кто? Рослякова пришлось бы назначить... — добродушно поддел Карпухин товарища, подливая масла в огонь разгоревшегося веселья.

Выручая обескураженного гвардейца, майор повысил голос.

— После госпиталя, — продолжал он, — наш комдив поступил в военную академию. Окончил ее уже во время войны. Командовал полком. Прямо с парада на Красной площади 7 ноября сорок первого года его полк ушел защищать Москву. А через год Иван Никонович стал командиром дивизии, которая действовала на Донце. О тяжести этих боев можете судить хотя бы по вашему отделению. Сколько у вас ветеранов?

— Только мы с Карпухиным, — ответил сержант Васин.

— Вот и поразмыслите сами... — Майор помолчал. — Если к сказанному добавить, что дивизии присвоили звание гвардейской.

Соседняя рота, отдыхавшая около реденькой рощицы, пришла в движение. Майор заметил это и заторопился...

После его ухода долго никто не нарушал молчания.

Густой баритон командира роты старшего лейтенанта Гостева всколыхнул солдат.

— В колонну по четыре становись!

Короткий отдых кончился. Все завертелось по новому кругу...

В действующую армию отбыли так же внезапно, и опять ночью... Возможно, предстояло вступить в бой с ходу...

Эшелон шел по «зеленой улице». Не останавливались часами.

Высадились на какой-то маленькой станции далеко за Харьковом. Вдоль железнодорожного полотна тянулись траншеи. Все здесь говорило о недавнем жестоком сражении. Еще дымился вокзал, едко чадил пакгауз.

Жилые дома сохранились только на окраине. Сплошное пепелище. Изадали, откуда-то слева, доносились глухие взрывы. Беспорядочные, тяжелые.

...Поднимая по дороге пыль, двинулась дивизия на Запад. Через полчаса подошли к околице какой-то сожженной деревни. В двадцати-тридцати метрах от дороги догорал в валках хлеб... Только злобный враг мог решиться на такое святотат-

ство. Поджечь хлеб! Непостыжимо! Перед въездом в деревню валялось около десятка обгоревших трупов коров.

Вошли в деревню, вернее, в бывшую деревню. Вместо домов всюду торчали голые печные трубы. Из-за полуразрушенного церковного зданища, около которого остановилась рота на короткий отдых, было видно сооружение из двух столбов и перекладины, похожее на детские качели. С перекладины свисала веревка. Она тускловато поблескивала на солнце и раскачивалась по ветру. От этих качелей было трудно оторвать глаз. Рядом с ними билась головой о свежий холмик земля седая женщина; к ее ногам молча жались трое малышей, старшему из которых было лет семь.

У Рослякова вдруг дрогнул подбородок, посерело лицо.

— Виселица!

Да, то была виселица. Неподалеку от нее, по другую сторону ограды, стояло еще несколько виселиц. Повешенных совсем, наверное, недавно вытащили из петель. Они лежали в траве около церковной стены. Рыдали женщины. Заглушая их стоны, хрипло прокукарекал петух. Возле него бродили три чудом уцелевшие курицы. Сердито косилась на солдат облезлая коза, выщипывала редкую траву, которая проросла сквозь кирпичный щебень... Мирное и жуткое смешалось в страшной обыденности...

Солдаты в скорбном молчании сгрудились около виселиц. Кто-то вскочил на кирпичную глыбу, сорвал пилотку с головы и, комкая ее, долго не мог вымолвить слова. Наконец выкрикнул:

— Пусть будут прокляты душегубы! Во веки веков не простим фашистам...

Алексей Чулков увидел стоявшего в стороне от женщин трехлетнего малыша, перепачканного сажей. На нем были штанишки с помощью через плечо, а голова почти утопала в картузе со сломанным козырьком. Рубашки не было. Выпиравшие ребра подчеркивали худобу детского тельца. Стоял он один на один с огромным страшным горем... Недетское лицо мальчика казалось трагическим. Невозможно было без содрогания смотреть на этого одинокого и совсем незащищенного человечка.

Когда рота двинулась дальше, малыш все еще стоял недвижимый. Пожалуй, не столько пепелища и виселицы, сколько этот малыш приводил в трепет проходивших мимо солдат. У старшины Бутова затрясся, запрыгал подбородок, стали кататься желваки на скулах у Владимира Рослякова, глубоко, с дрожью, дышал Чулков. А Виталий в гневе бормотал.

— Ах, гады! Ах, гады!

...И опять, извиваясь и поднимая пыль на проселочных дорогах, движется колонна. Идут солдаты тяжело, не в ногу. Тускло мерцают сквозь пыль дула полуавтоматов СВТ, стволы минометов, противотанковых ружей.

Колонну обгоняет противотанковая артиллерия на конной тяге.

— Эй, пехота, садись, кому топать неохота.

Слава Карпухин зыркнул глазом влево-вправо, увидел, что офицера поблизости нет, и ловко вспрыгнул на лафет сорокапятимиллиметрового орудия.

— Что, боитесь оторваться от пехоты? — снисходительно спрашивает он ездового. — Вы уж, ребятки, держитесь за нас, не пропадете...

Смех волной прокатывается по колонне.

Орудие с Карпухиным на лафете догоняет медсестру — блондинку с черными бровями. Она помогает подняться на ноги занемогшему солдату.

— Что ж ты, милый, так-то? — добродушно корит сестра.

— Не падо, сестричка... Я справлюсь, дойду... — смущается оп.

— На пушку его вместо меня, — предлагает Слава.

Он спрыгивает с лафета и помогает устроиться на нем пострадавшему.

— Спасибо, ефрейтор.

Сестра довольна.

Карпухин глаз не сводит с хорошенького девичьего лица.

— Ну, что смотришь-то? — строго спрашивает девушка.

— Насчет свиданьяца размышляю... Встретимся у тополя, как солнышко на закат. Я цветочков захвачу.

— Иди, иди, репей придорожный, — уже мягче произносит она.

— До скорого, значит? — Карпухино повернувшись, Карпухин возвращается в строй.

Медсестра задумчиво смотрит ему вслед.

Глава четвертая

«ДЕРЗАЙ, СЕРЖАНТ!»

Передали приказ: в любую минуту быть готовыми к бою. Усталости как не бывало, хотя уже заканчивался третий десяток километров марш-броска. Говорок утих, колонна без команды вдруг пошла в ногу. Земля проселочной дороги издавала под ногами глухие звуки: «гр-рах... гр-рах...»

Мимо колонны на рысях проскакала батарея семидесятишестимиллиметровых пушек. В одном из ездовых Алексей узнал... отца. Не задумываясь, рванулся из строя.

— Па-па!

Трое ездовых, будто по команде, натянули вожжи, обернулись, встревоженные.

Алексей споткнулся, едва не упал. Надо же, какое поразительное сходство! Возвратился в строй, весь дрожа.

Никто не произнес ни слова, но Алексей почти осязаемо ощутил на себе сочувствующие и ободряющие взгляды товарищей. Когда батарея, оставляя кудрявины пыли, скрылась за лесной полоской, Виталий молча положил руку на плечо Алексея.

Отец! Где-то он сейчас сражается с фашистами?.. Алексей живо представил себе, как они с матерью провожали отца на фронт. Когда поезд тронулся, мать вдруг запричитала, как о покойнике:

— Ой, не увидят больше мои глазаньки Николашу!

Алексей в ужасе и смятении закричал:

— Зачем, зачем заживо хоронишь отца? — И, с трудом пробивая дорогу в толпе, потащил за собой обмякшую и обесилевшую мать.

...Колонна двигалась все быстрее. Пошли опять не в ногу. Потные, грязные, уставшие. Гарцуя на буланом коне, к голове колонны проскакал полковник. Он пристально всматривался в солдат, будто искал кого-то.

— Кто это?

— Полковник Санин. Начальник политотдела дивизии, — сказал сержант Васпи.

— Ух ты!.. Моральным состоянием интересуется?

— Проверяет, не стерлись ли у кого ноги до самого заду...

По колонне прокатилось: «го-го-го». Услышал смех и полковник, попридержал коня, повертелся на нем молча, и солдатский хохот угас. Полковник кому-то погрозил рукой.

Сзади загрохотало. Вскоре бешеным галопом, распространяя запах подгоревшей каши, промчались кухни. Смыкнули в колонне: через два-три километра привал.

На пути встретилась крошечная станция, вернее, полустанок, со множеством окопов, траншей, противотанковых рвов. Разместились в них. Раздали обед. Порции были чуть ли не вдвое больше обычных. Первый раз за многие месяцы Алексей и Владимир по-настоящему наелись. Уж по одному этому поняли: фронт рядом.

Полустанок оказался действующим, не «вымер», как та станция, от которой начали движение. Не успели еще в ротах

покончить с обедом, прибыл эшелон. Из теплушек глазели солдаты, одетые в такие же новые, как и у курсантов, гимнастерки.

— Какая дивизия? — спросил кто-то у прибывших.

— Двадцать тысяч восьмидесятая, — не растерялся стоявший в вагоне солдат.

Товарищи за его спиной громко захохотали.

Вдруг Вася окликнул весельчака:

— Иван, ты, что ли?

— Смотри ты мать моя — женщина? Земляка встретил!

— Так я и думал, — обрадовался сержант и пояснил: — Из нашей гвардейской... Сто восемьдесят второй полк.

Бывшие курсанты окружили повыскакивавших из теплушек солдат, начали обнимать их, тискать в своих объятиях.

— Эй, друзья сердешные, поберегите кости, пригодятся, — весело заметил высоченный майор с двумя рядами орденов и медалей на груди. Это был командир второго батальона 182-го полка Сентюрип.

Молоденькая женщина, старший лейтенант медицинской службы, стоявшая на подножке санитарного вагона, пошутила:

— Где это вы таких хрупких солдат набрали?

Ответить майор не успел. К нему подошел бойкий капитан с тонким обветренным лицом и насмешливыми глазами, которые, казалось, так и высматривали, над чем бы посмеяться. Он бесцеремонно вмешался в разговор:

— Ах, какая у тебя красивая пленница, майор! Или ты сам к ней в плен попал?

Сентюрип укоряюще покачал головой.

— Ох, Зубалов. Вечно у тебя любовь на уме.

— Смотрите, капитан, сами не окажитесь в плену, — сказала с лукавой усмешкой женщина и рассмеялась, запрокинув голову.

Подошли еще два капитана. Оба из 184-го полка, в котором теперь служили Алексей Чулков и его друзья по училищу. Один из подошедших — новый комбат Чулкова Борисов. Сухощавого комбата неотступно сопровождал ординарец Алексей Улосиков. Второй капитан — командир другого батальона Астапкин — выглядел угрюмым, белесые брови его были нахмурены.

Сентюрип и Зубалов поздоровались с Борисовым и Астапкиным.

— В шестнадцать ноль-ноль совещание комбатов в штабе дивизии, — сухо проговорил Астапкин. — Пора идти.

По-военному козырнув симпатичной собеседнице, офицеры зашагали к станционному зданию.

Через несколько часов 62-я гвардейская дивизия двинулась к фронту — на помощь сильно поредевшим в непрерывных наступательных боях частям и подразделениям 69-й армии.

Первым в поход выступил 182-й полк. Он оказался правее железной дороги. Слева от железнодорожного полотна шел 184-й полк.

Фронт был недалеко. Оттуда непрерывно доносился гул взрывов.

На большой скорости колонну обогнал «виллис» комдива.

Полковник Мошляк что-то сказал командиру первого батальона Борисову. Капитан, придержав своего гнедого, крутившегося и приседавшего при каждом сильном взрыве, отдал полковнику честь и вдруг звонко и молодо крикнул:

— Шире шаг!

Его команду тут же повторили в ротах и взводах.

Стремительный марш продолжался минут двадцать. Вот когдагодились бесконечные кроссы и походы в училище.

Алексея почему-то неотступно преследовала мысль: не подведет ли его в решительный момент довольно капризная при стрельбе полуавтоматическая винтовка СВТ? В бой полк должен был вступить с ходу. Частые взрывы снарядов и мин, винтовочные выстрелы и стрекот автоматов слышались все отчетливей. Вот уже стали посвистывать над головой пули...

Несколько сот метров двигались по кукурузному полю с перезревшими початками, потом вдруг солдатскими ботинками начали давить... помидоры. Поле размером не менее квадратного километра казалось почти красным. От множества пузатых, перезревших помидоров рябило в глазах. Жалко было бесполезно пропадающего богатства. Солдаты на бегу наклонялись, разламывали пыльные помидоры, торопливо засовывали в рот мясистые половинки с морозной искрой на изломе. Никогда в жизни Алексей не пробовал таких ароматных, нежных и вкусных помидоров...

А резкие команды все подхлестывали солдат. Цепь устремилась по склону вниз.

Ударил дивизионная артиллерия, полковые минометы. Над головой завывли снаряды и мины. И теперь уже у самого уха засвистели пули: «вжик, вжик — в-и-у-у...» Это немецкие; гитлеровцы вели прицельный огонь по наступающим. Боковое зрение то и дело отмечало, как падали и падали, будто споткнувшись, товарищи. Вот кто-то неподалеку крикнул:

— Ма-ма! Умираю...

Этот крик на мгновение царапнул душу. Острую жалость и кричавшему испытывал Алексей от его отчаянного зова. Мелькнуло в голове: «Может, ранило?»

В следующую секунду Алексеем овладела уже другая тревога: «Пора штыки, штыки прикнуты».

И будто подслушали его мысль:

— В атаку!

Штыки-кинжалы взметнулись почти одновременно. Резко клацнул металл, соприкоснувшись с металлом.

Но вот заработали немецкие ручные пулеметы: ду-ду-ду-ду! Звук знакомый: МГ-34. Чулков сам стрелял из этого «машиненгевеер».

«Перебежками бы надо! — лихорадочно проносилось в мозгу Алексея. — Перестреляют всех».

И точно: падают, падают и слева и справа, а он будто заговоренный...

Нельзя в атаке бежать — надо сберечь силы для штыкового удара. Но живой целью быть неприятно и страшно. Скорей, скорей бы столкнуться в рукопашной схватке!..

Уж без команды стремительный шаг перешел в бег. Все сокращалось расстояние до врагов. Немцы почему-то ослабили огонь. В следующую секунду Алексей увидел: по одному, по двое гитлеровцы начали вываливаться из окопов — и в тыл, бегом. И у врага есть нервы. Вот до него сто метров, восемьдесят...

Все больше и больше фашистских вояк поддавалось панике. Одну за другим оставляли свои позиции вражеские пулеметчики. И все-таки еще скашивали и скашивали немецкие пули бойцов в шеренгах атакующих. Метров с тридцати в уцелевшие пулеметные огневые точки противника полетели гранаты.

Наконец, фашисты побежали лавиной. Запомнилось тусклое мерцание полустертых подковок на вражеских сапогах.

Но не так просто им было удрать от закаленных, выносливых солдат. Стреляя на ходу, гвардейцы начали действовать штыками. Алексей настиг фашиста с широкими ягодицами. Он представил, как всадит лезвие штыка в этот мясистый зад, но неожиданно для себя огрел фашиста прикладом между лопаток. Охнув, немец развернулся и полоснул по нему очередью из «шмайсера». Алексей успел отбить дуло автомата прикладом и вонзил в гитлеровца ножевой штык. Надо бы тут же вырвать штык, а Чулков не мог оторвать глаз от искаженного болью и ужасом лица фашиста.

Недавно такой ненавистный и страшный враг превратился для Алексея просто в человека. Вгляд немца просил пощады. Фашист силится что-то сказать, но только захрипел и опрокинулся навзничь, вместе с ним упал и Алексей, потому что не выпустил винтовку из рук.

— Шо ж ты, бисова душа, чухаешься з'вразиною?

Старшина Буров! Вот уж не ожидал увидеть его здесь Алексей.

Потом он снова мчался вперед, плохо соображая, что происходит вокруг. Все в нем кипело...

Первый бой закончился успешно для полка. Вражеские подразделения были основательно потрепаны. Километров десять роты еще стремительно двигались вперед, не давая противнику передышки. Над головами грохотали штурмовики, были снаряды. Противник не хотел принимать боя — он уходил. И это удивляло и даже разочаровывало еще не воевавших солдат, так настойчиво готовившихся к упорному и длительному сражению.

Откуда-то спереди донеслась команда — залечь.

Узнали голос комбата. Приказ повторили командиры рот.

Прошли в общей сложности шестьдесят километров за день. И как только выдержали такой марш? Да еще бой...

В бою Алексей усталости не чувствовал. Но стоило услышать, что преследование прекращено, как и руки и ноги сделались чугунными, а винтовка СВТ стала пудовой.

Чулков искал глазами Володьку Рослякова и вдруг встретился взглядом со старшиной. И внезапно ему представился тот... убитый. Даже кровь из уголков рта он увидел с явственной отчетливостью.

Алексей глотнул воздух раз, другой, не спуская глаз со старшины. И вдруг его вырвало. Буров тут же подскочил к Чулкову, ловко влил ему в рот обжигающую жидкость из фляги. Водка. Чулков поперхнулся и замотал головой.

— Еще глоток, — строго приказал старшина.

Послушно выполнив приказ, Алексей почувствовал, как вместе с водкой в него вливаются силы, и благодарно взглянул на старшину. А Буров прижал палец к губам — молчи!

Алексей удивился: откуда знает, что с ним творилось? Невольно оглянулся на товарищей. Слава богу, до него никому не было дела. А может быть, и другие чувствовали себя не лучше — первый штыковой бой был не только у Чулкова.

Старшина улыбнулся и, повернув Алексея за плечи, легонько подтолкнул в спину: иди, не до тебя!..

И вот опять двинулись цепью, потом перестроились в колонны поротно. Невольно думалось, что впереди гонит немцев какая-то воинская часть. А ведь знали точно: впереди только боевое охранение. Враг откатывался, а это было непонятным. Что за маневр? Могло ли быть, чтобы выигранный штыковой бой начисто подорвал силы врага? Чепуха же! А что тогда?

И совсем непонятна и неожиданна была команда:

— Воздух! Укрыться в лесной полосе!

Через считанные секунды уже лежали под чахлой и пыльной зеленью, млели от запахов трав и нагретой земли. Ароматный настой лесной полоски и нескошенного пшеничного поля кружил голову.

— Укрыть все блестящее! Прекратить движение! На горизонте «рама»!

В небе повис разведывательный самолет, двухфюзеляжный «фокке-вульф». Если он появился в воздухе и обнаружил скопление войск — жди мощного авиационного или артиллерийского налета.

Но «рама», медленно развернувшись, исчезла в северном направлении, видимо, не заметив укрывшихся в лесополосе. Гвардейцы оказались хитрее фашистского разведчика.

И все же что-то было унизительное в том, что пришлось прятаться от врага. Кто-то посмеялся сам же над собой:

— Как зайчики от ястреба.

Слова эти больно задел младшего лейтенанта Козлова, недавно избранного парторгом роты. Он начал объяснять:

— Это же обычная военная хитрость. Какой смысл пестить ничем не оправданные потери? Ведь задача дивизии состоит в том, чтобы внезапно форсировать Днепр. Притом с ходу. Разведка установила, что гитлеровское командование лхорадочно укрепляет правый берег Днепра. Фашистская пропаганда начала кричать о неприступном Восточном вале. Надо не дать врагу прочно закрепиться на этом рубеже. Надо гнать и гнать фашистов не переводя дыхания! Вот почему 37-я армия, в которую входит наша и соседние армии Степного фронта, развивают такое наступление. Наступают и другие соединения на фронтах Украины. Никакой вал не спасет гитлеровцев! — закончил свою информацию младший лейтенант Козлов.

...Ужинали в темноте. Потом опять марш в колоннах до глубокой ночи. Устали люди. Не могли даже есть. Повалились там, где застала команда на отдых.

На заре подъем, обильный и сытный завтрак. Из головы не выходило сказанное младшим лейтенантом Козловым... Значит, та особая задача, на которую курсантам намекали еще в училище, — Днепр? Выходило, что так.

Навстречу подразделениям, двигавшимся на запад, шли солдаты заменяемой 69-й армии — отощавшие, в замызганном обмундировании, без патронов и курева.

— Днепр, братцы, на вашей совести, — говорили они. — Мы фашиста прижали к левому берегу, а вы достаньте его на правом.

До Днепра уже — рукой подать. Вот-вот покажется впереди воспетая Гоголем могучая река.

Незадолго до захода солнца сделали последнюю перед Днепром остановку. Составили оружие в «козлы», достали котелки. Кто пачал перематывать портянки, кто побежал за водой в ближнюю балку, кто уже успел свернуть козью ножку...

Первый батальон расположился по соседству со 182-м полком.

За ужином Алексей заметил, что в ворота риги, одиноко стоявшей в поле, как в зев, въезжали новенькие полуторки с грузом, покрытым брезентом. Чулков насчитал семь автомашин.

А к автомашинам он питал давнюю страсть. Еще в родном своем селе Алексей душой пристрастился к трактору и автомашине. Около совхоза была МТС, где проживал родственник Чулковых. Частенько бывая там, Алесша крутился около автомашин и тракторов и беспрерывно приставал с просьбами «прокатить», а потом и показать «отчего», «почему» и «зачем». Подзатыльники и щелчки мальчишка спусил смиренно, зато постепенно делал одно открытие за другим и готов был выполнить любое поручение, лишь бы ему разрешили посидеть за рулем.

А капля, известно, камень долбит. В двенадцать лет Чулков самостоятельно проехал на колесном тракторе; несколько позже — на автомашине. Небольшая практика была и в военном училище.

Теперь-то вот и вспыхнула в нем прежняя страсть. Алексей чувствовал неодолимое желание потрогать руками новенькие машины. Решил: «Схожу».

...Ригу охраняли двое часовых, и оба оказались хорошо знакомыми Чулкову по училищу.

Поздоровавшись с ними, Алексей намекнул, что хотел бы посмотреть на новые автомашины.

Увлечение Чулкова автомобилями им было известно.

— Переходил бы в автороту, — посоветовал рыжеволосый Чижов и глянул на товарища. — Пустим, что ли?

— Смотри сам. Ты — старший...

— Ладно. Закурить бы дал...

Целую пригоршню табаку отдал Чулков своим знакомым, чем совсем расположил их к себе. Они даже разрешили Алексею переставить на другое место две машины, которые якобы могли помешать выезду из ворот.

Минут пятнадцать возился с грузовиками Алексей. Надо было уходить — злоупотреблять доверием товарищей нельзя. Чулков вздохнул, с сожалением погладил капот крайней полуторки и тихонько побрел к выходу.

Не успел он подойти к воротам риги, как раздался рев самолета, и тут же — четыре варыва. К счастью, ни одна из бомб не попала в ригу. Сделав крутой вираж, стервятник обстрелял отдыхавших солдат и ригу длинной пулеметной очередью.

Прижавшийся к земле Алексей видел, как, выронив винтовки, один за другим упали скошенные пулями часовой и подчасок.

Чулков тотчас же подбежал к ним.

Оба часовых оказались только ранеными. Четверо шоферов, одетых в замасленные комбинезоны, появились откуда-то внезапно.

— Ох, черт! Кажется, обоих в живот, — с сочувствием произнес один из шоферов. — «Мессершмитт-110», гад! И откуда он вывалился?

— Хватит болтать. Помрут же. Понесем в санчасть, — распорядился другой шофер.

— Эй, солдат, — обратился он к Алексею. — Возьми винтовку, постой у риги. Тебя подменят.

Чулков с готовностью подчинился. Поднял винтовку, выпавшую из рук Чижова, и встал у ворот риги. Ему не давала покоя мысль: выходит, «рама» их все-таки заметила! Знал ли фашистский летчик, что это свежая часть? Или ему все равно, на какую цель сбросить свои бомбы?

Но мысль уже о другом. Почему долго нет подмены? Могут ведь хватиться его в роте?

...Огонь Алексей скорее почувствовал спиной, чем увидел. Пожар! Наверное, от зажигательных пуль...

Рига, просушенная жарким украинским солнцем, быстро разгоралась...

Чулков не знал, что делать, — все произошло так внезапно. В поле его зрения попали автомашины — створки ворот были повалены.

«Сгорят, сгорят машины...» — вдруг подумал Алексей и заорал что было силы:

— Эй, где шофера? Машины пропадут!..

Мелькнуло испуганное лицо солдата с шевелящимися губами. Алексей из-за треска пламени не мог расслышать его слов.

— Ты шофер? — обозленно закричал он. — Сгорят же машины, черт бы тебя взял!

Солдат махнул рукой куда-то в сторону и помчался от риги во всю прыть.

— Куда же он? — изумился Алексей и рванулся за ним. Но тут же остановился: — А что же с машинами?

Секунду раздумывал и, положив винтовку, нырнул в ригу,

быстро заполнявшуюся дымом. Полуторки едва были видны сквозь серую пелену.

«Надо выводить!»

Быстро уселся за руль — хорошо, что переставлял машины: хоть немного успел освоиться с ними.

Выгнал одну полуторку, вернулся в ригу, и не в дым, а уже в огонь. Пламя бушевало почти что рядом с крайним грузовиком.

Выгнал и вторую машину. Помчался за третьей... Наглотавшись дыма и опалив руки, четвертую выводил уже почти в забытьи. Будто в тумане, заметил, что в самое пекло бросились шоферы, те самые, что относили раненых. За ними в ригу вбежали еще несколько человек.

«Как бы их не накрыло,— со страхом подумал Алексей.— Крыша обрушится».

Это было последнее, что он помнил... Очень ему захотелось хотя бы на секунду положить голову на руль. Самую малость передохнуть — и снова в ригу...

Открыв глаза, Алексей почувствовал, что лежит на земле. Заметил кусочек неба, но всего на секунду. А потом встретился с Володькиным взглядом, суровым и жалостливым. На лбу его дрожали крупные капли испарины. Он только что усердно растирал Чулкову грудь.

Увидев, что Алексей открыл глаза, Росляков распрямил спину и, облегченно вздохнув, сердито проворчал:

— Что, допрыгался?

С трудом подняв тяжелую голову, Чулков понял, что отнес-ли его довольно далеко от дымящейся риги.

— Как полуторки? — вдруг спохватился Алексей.

— Да лежи ты спокойно! — одернул его Росляков. — Целы твои автомашины, будь они пеладны. Нашего отделенного Васина ранило, а ты о полуторках.

Заныло сердце у Чулкова. Но тут ему пришло в голову, что его поход к риге командиры могут посчитать за самовольную отлучку. Все-таки фронт... Наказания не избежать.

— Слушай, не говори никому, а?

Алексей пристально уставился на Володьку. Тот понял состояние Чулкова и коротко резюмировал:

— Дурак. Тебе орден могут дать, а уж медаль и давно...

Эти слова Алексей воспринял, как издевку.

— Сам дурак. Тут самоволкой пахнет, а ты о медали...

— Какая самоволка-то? На триста метров отошел. Что же тебе, и в кусты нельзя сбегать?

Алексей промолчал. И в самом деле? От роты рига не боль-

ше чем в трехстах метрах. Надежда, что все может обойтись, окрылила его. Уши и щеки Алексея вдруг запылали. Может, и в самом деле пронесет?

Вообще-то глупо получилось. Как барышня — хлоп и в обморок. Такое с Алексеем второй раз. Еще в училище он задержался в автороте, помогал промывать карбюратор. Увидев на ручных часах шофера сколько времени, Алексей со всех ног бросился бежать в казарму. В волнении он не заметил, что между бараком, где жили вольнонаемные, и сараем была натянута крепкая веревка для сушки белья. Со всего маха Алексей палетел на веревку горлом. Как не сломал шею, диву потом давался. Лишь запомнил на мгновение опрокинувшийся сарай и пронизывающую боль... Очнулся уже в санчасти...

Все тогда обошлось испутом и сутками пребывания на больничной койке. Пронесло тогда, пронесет ли сейчас?

...Увы, часа через два за Чулковым пожаловал сам старшина Буров, их Тарас Бульба. Он какое-то время разглядывал Алексея, будто определял для себя, что он есть такое и для чего вообще понадобится, потом обошел вокруг него, повертел пальцем в дыре прожженной гимнастерки и зачем-то стал считать дыры в пилотке и обмотках.

И все молча, сосредоточенно, как может делать лишь Буров. Поразмыслив о чем-то, сказал властно, непререкаемым тоном:

— Марш за мной. — И, не оглядываясь, зашагал к месту расположения роты.

Чулков и Росляков переглянулись. Настроение Алексея упало. Теперь уже ясно — выспят по первое число...

Старшина подвел Алексея к своим повозкам, скомандовал «смирно» и опять прошелся вокруг солдата, осуждающе цокая языком.

— А ну геть ции обмотки.

У Алексея екнуло в груди. Однако он удивился: куда ж его сажать-то будут? Какне тут гауптвахты? Одна рига была, и та сгорела.

Покорно разматывая обмотки (когда сажали на гауптвахту, обмотки, ремень и звездочку снимали), он лишь невнятно бормотал:

— А что же мне, оставлять новенькие полуторки, чтобы они сгорели в риге? Военное же имущество!

Оправдательная речь Алексея началась неуверенно, а под конец голос его окреп и возвысился.

— Шо вин там балакаев? — Бульба исподлобья посмотрел на Чулкова. — А ну скорийше повертайся. Як заспанна муха копошится.

Руки Алексея замеслякали над ногами. Он решил молчать: будь что будет. Быстро, как уже привык, смотал обмотки, расстегнул брезентовый пояс, снял с пилотки звездочку, и все это аккуратно сложил рядом с собой. Глаз не поднимал, ждал распоряжений.

— А ну в гору, гвардеец! — рявкнул старшина. — Дывысь в очн. Ну? Шось вни робить не разумию. Чы спятыв, чы придурюется солдат?

— Что мне придуриваться? Окажись вы на моем месте, тоже не дали бы сгореть машинам. Ведь новые, только с завода. Вы сами подумайте, товарищ гвардии старшина, какая цена тем машинам...

— Рахунок цим машинам, гвардия, не нам творити. Головна, що не дав дурным мпнам по своим ахнути.

Что такое «рахунок», Алексей не понял, но мины, мины...

— Каким мпнам?

Старшина пожал плечами.

— Цим самymi мпнам, яки були у кузовах. — Старшина поднял палец. — Аж у семи автомобилях.

— Откуда же я мог знать?!

Сколько Чулков потом ни доказывал, что ни о каких минах он и знать ничего не знал, ему никто не верил. Даже Росляков. Алексей заботился только о спасении автомобилей. И еще неизвестно, полез бы он в огонь, если бы знал, что там мины. Он опасался лишь одного: могут взорваться бензобаки автомашины. Успеет или не успеет он выскочить из кабины — вот что его волновало.

Словом, свой расчет у него был.

А мины?.. Это же тонны взрывчатки с многими тысячами осколков...

Только сейчас Алексей понял, какому риску он себя подвергал.

Наверное, на лице Алексея старшина прочел ужас.

— Подивитесь на цього гвардии школяра!.. — по-бабьи всплеснул руками Буров. — Може, и справди не знав про мины?

— Да нет, почему же! — вовремя сообразил Алексей, надеясь, что хитростью хотя бы смягчит наказание. — Слышал кое-что...

Алексею по-мальчишески вдруг захотелось предстать героем, блеснуть своей храбростью, только он не успел этого сделать.

— Ще буде времячко побалакать. Про тэ... потим. А зараз на, — и бросил Чулкову сапоги. — Нема яловых. Порадуй мене.

Нет, то были не сапоги, а чудо творения рук человеческих. Настоящий хром. Правда, у одного сапога содран задник, у

другого чуть попорчено голенище. И все же Алексей мог лишь мечтать о таких в юности. На что их было тогда купить? Яловые — и те дороги, а тут хром...

Алексей обескураженно поглядывал то на сапоги, то на старшину.

— Обувай, кажу, бо раздумаю,— поторопил его старшина.

В голосе Бурова звучал приказ, и Алексей подчинился. К его досаде, сапоги на портянки не лезли.

— А ну стий, хлопче. — Старшина порылся в повозке и бросил Чулкову тонкие шерстяные носки. — Намирь-ко.

Алексей надел носки и запросто потом пятапул на ноги сапоги. Притопнул раз-другой. Тесновато, правда, но ходить можно. И так легко ногам, непривычно.

Боже ж ты мой, неужто все это паяву?..

— Так-так. — Старшина полюбовался на обувку, одобрительно крикнул, и вдруг взгляд его остановился на гимнастерке. — Шо це за вид у тебе? А ну скидай усе зараз. Усе.

— Как? И брюки?

— Бач, вип канарэйкою чи мавпою желеае вирядиться... И шаровары знымай!

«Мавпа... Что это такое?» — мелькнуло в голове Алексея.

Он стоял перед Бульбой в нижнем белье и не мог до конца понять, что с ним творят.

— Який рост?

— Сто восемьдесят сантиметров, товарищ гвардии старшина.

— Добре, добре. Во, це в самый раз. Примирь. ХБ, конечно... Хлопчатна та бумажна... А гарно.

Минут через пятнадцать-двадцать Алексей был одет во все офицерское. Даже ремень из желтой кожи, правда, не совсем новый. И обмундирование хлопчатобумажное, но все равно: генерал, да и только!

Старшина опять поставил его по стойке «смирно», осмотрел со всех сторон и, с сожалением подожав языком, сказал:

— Медальку б сюды и зовсим було б гарно, а? — Он заглянул Алексею в глаза, заметил там растерянность и безнадежно махнул рукой. — В бою ты куды кращый. А так, колы з начальством, мандраже тобэ бэрэ. Ну, що, що ты клипаешь очами, а? Я ж тобою горжусь, дурный ты хлопец. Зразумив, чы не зразумив? Шо ты загубив гвардейску смекалку? А ну гаркны: «Служу Советскому Союзу».

— Служу Советскому Союзу!

— Нэ чую.

— Служу Советскому Союзу!

Алексей едва не сорвал голос, стараясь, чтоб его услышал раздобревший Бульба.

— А цэ добре. Тэпер чую. Будэ у нас ордэнок чы та медалька, будэ. От сюды чы от сюды.— Он показал сначала на правую половину груди, а потом на левую.— А пока шо зробімо погончики.

Старшина снова покопался в повозке, вытащил сержантские погоны и сам пристегнул к гимнастерке Чулкова.

— Во цэ зовсім гарнэсенько.— И так хлопнул Алексею по плечу, что тот дрогнул и слегка присел.— Трымайсь, гвардеец!

Алексей опять не понял, что означает украинское «трымайсь», и переспросил.

— Кажу, хвист пистолетом, гвардия. Разумиєшь?

— Ясно, товарищ гвардии старшина... Только не могу понять: почему вы мне сержантские погоны пристегнули? Я же рядовой.

— Сполняю приказ товарища гвардии подполковника Луценко, нашего командира полку. Питання є?

— Никак нет.

— Шагом арш за мной.

Старшина построил взвод, посовещался о чем-то с младшим лейтенантом Коэловым, весело вдруг расхохотавшимся, и скомандовал «смирно». Чулков стоял в сторонке, не поднимая глаз. Старшина Буров поманил его пальцем.

— Прощу любити да жаловать цьего самого гвардии сержанта. Чулков назначается командиром отделения замясто Васи́на, выбывшего по ранению. Приказ у письменной хформе будэ завтра. Усе. Разойдїсь!

Минут десять Алексея дружески хлопали по плечу. И без того болела голова, а тут еще волнения. Потом с ним беседовал командир роты, а уже во время марша — новый их Батя, комбат Борис Степанович Борисов.

— Дерзай, сержант. Отвага с головою вместе — великая штука,— заключил он и приказал догонять роту.

Марш продолжался до полуночи. Прошли три деревушки — и ни одной хатки вокруг. Все сожжено, все разрушено. Дико горели глаза кошек из буйных зарослей, неясными тенями шаркались от дороги собаки. Шли роты колоннами, но настороженно, в любую минуту готовые вступить в бой. Во время коротких остановок поджидали допесения разведчиков. Вперед часто взлетали в небо ракеты, где-то слева то разгоралась, то стихала артиллерийская дуэль. Туда и оттуда на разных высотах летели невидимые, но отчетливо, хотя и по-разному, слышные на земле самолеты...

«Бу-у, ву-у, ву-у...»

Вот откуда-то издалека донеслись гулко взрывы бомб:
«Гух-гу-у! Гух-гах!.. Гу-у!..»

Вдрагивала земля под ногами. Бедная земля! Сколько же ран тебе нанесено!

Около двенадцати ночи вошли в село Солошино. Это на самом берегу Днепра. Разместились в готовых уже траншеях. Кто-то постарался... Но кто? Фашисты или свои? О минах не предупредили, значит, свои, из 69-й армии.

Минут через десять, когда отделение Чулкова только-только разместилось, в траншею появился Буров.

— А ну повертайся! — приказал он Алексею. — За мной, — и вскоре привел его в какую-то хату. В слабо освещенной комнате, склонившись над картой, разложенной на столе, о чем-то совещались офицеры.

Золотая Звезда комдива блеснула при свете коптюшки. За спиной полковника Мошляка возвышался широкоплечий майор с орденами на груди. Алексей узнал комбата Сентюрина.

— Он? — обернулся к майору полковник.

— Так точно.

Командир дивизии стремительно подошел к Чулкову, пожал ему руку.

— Молодец. Давно баранку крутишь?

— В колхозе еще научился.

— Ну, что ж... Надеюсь, и впредь гвардейское звание будешь оправдывать с честью.

— Постараюсь, товарищ гвардии полковник, — отчеканил молодой сержант.

— Хороший ответ, — похвалил полковник и добавил: — Стало быть, впрок пошла двойная порция солдатского харча...

«Какая цепкая у него память!» — с восторгом подумал Чулков и не нашелся, что ответить.

Полковник Мошляк помолчал, как-то пристально, оценивающе оглядел Алексея и сказал, ни к кому не обращаясь:

— В штурмовую группу, пожалуй, сойдет. В самый раз. — Четко козырнул: — Можешь быть свободен, товарищ гвардии сержант... А ты, старшина, задержись.

Буров вышел из хаты веселый, обнял Чулкова за плечи, и они тихонько побрели в расположение своего батальона. Повернули за угол, прошли сады с дурманящим запахом яблок (Алексей сорвал два яблока на ощупь) и вдруг оказались на берегу реки.

Днепр? Неужто Днепр? Ночь в сентябре темная, но река была видна: в ней отражались звезды. Где-то шелестела вода; не журчала, а именно шелестела, — наверное, в камышах. Сон.

но побрякивала на свой выводок утка. Вдруг вода всплеснулась совсем близко, что-то глухо ухнуло, потом снова все смолкло...

— Щука балует... Maybe, и батько сом али короб,— разомлевшим голосом сказал старшина.

Теплая, ласковая ночь дышала той особой тишиной, которая бывает только на берегу реки. Небо казалось глубоким, фиолетово-чернильным, с крупной россыпью звезд.

— Дивчат сюды бы та хлопців з гармонею,— со вздохом сказал Буров, и рука его опять легла на плечо Алексея.— Эх, парень-парень, украли фрицы твою юность.

— Эй вы, мечтатели, мать вашу... — зло оборвал старшину голос, раздавшийся где-то поблизости.— Тут каждый квадратик простреливается. Резанет крупнокалиберным, будет вам гармония...

И будто накликал тот голос беду. Вспыхнувшие звездочки замелькали буквально перед глазами Алексея.

«Ви-у! Ви-у! Ви-у!»

У самого уха резали воздух трассирующие пули... И когда уже старшина с Алексеем свалились в траншею, донеслось раскатистое «ду-ду-ду-ду». Это из крупнокалиберного. Неужели по ним?

— Видал, гармония? — удовлетворился прорицатель, которого они так и не разглядели в темноте.— Тут ушки на макушке надо держать, а вы...

Бешено заплесал огонь на днепровской воде километрах в пяти от них слева. Минуты две там все кипело и сверкало. Забилась в тревоге кряква, отчаянно залаяли собаки, сдуру весело и нелепо заорал в селе петух. Справа заблистали зарпиды, аккуратно, одна за другой, как цепная реакция, покатились по всему правому берегу вспышки ракет, освещающие высокие днепровские кручи.

Фейерверк был так ослепителен и прекрасен, что Чулков и Буров невольно замерли.

Слева, сначала тоненько, а потом все нарастая, запел в вышине самолет. Три синих луча, сбивая звезды, стали шарить по небу, но безуспешно. Советский самолет благополучно прошел в тыл фашистам. Куда он, одинокий-то? К партизанам, поди?.. А может, разведчика понес под самый Берлин?..

И вдруг опять повисла тишина.

— Уходите,— уже мирно, по-приятельски посоветовал тот же невидимый прорицатель.— Полчаса теперь будет спокойно.

Оба безропотно подчинились. Шли сначала траншеей, потом углубились в заросли тростника.

Наконец добрались до своих. Вошли в землянку. Старшина усадил Алексея и доверительно сказал:

- Приказано поднести тебе двойну наркомивську.
- Водки, что ли? — почему-то шепотом спросил Чулков.
- А як же?
- Так я ж ее не пью. Лучше вы сами, а? Очень вас прошу, товарищ гвардии старшина.

Старшина тихо посмеялся, похлопал сержанта по плечу.

— О це парубок! Не п'є горилки... Чудно!

С украинской щедростью старшина высыпал из мешка все его содержимое — свиную тушенку, сало, галеты, брикеты концентратов... Куда-то ушел и принес неполную бутылку водки. Тут же поставил два граненых стакана, налил в них водку и приказал Алексею:

— Пий! А то жінка ряба буда...

Старшина медленно и сосредоточенно, с явным наслаждением, выпил почти полный стакан водки. Вслед за ним Алексей судорожно сжал стакан и стал через силу глотать тошнотворно теплую, обжигающую горло жидкость.

Глава пятая

К БРОСКУ ГОТОВЫ!

Утром, когда солнце чуть поднялось над горизонтом и просушило сильно повлажневшее обмундирование солдат, всю ночь не выходивших из траншей, Росляков прищурил правый глаз и уставился на Алексея левым.

- Между прочим, с тебя причитается.
- За лычки, что ли? В Берлине обмоем...
- Не только за лычки... К медали тебя представили.
- Врешь, поди?

Володька не удостоил друга ответом.

Алексей вздохнул. В его памяти на мгновение возникла будто молнией выхваченная из прошлого Рая, а за ней и Лариса. Так и не смог Алексей оставить адрес этой хорошей девушке, своей новой знакомой. Все случилось внезапно. Алексей написал Ларисе письмо. Ответ пришел из отдела кадров медучилища... Лариса Дмитриевна Дементьева направлена в один из медсанбатов Степного фронта...

Где она сейчас? Может, и рядом, здесь же в Приднепровье? Поди разыщи ее в бесчисленных человеческих реках, которые текут и текут на Запад, смывая фашистскую нечисть с родной земли.

Не знал Алексей и адреса Раи. Собирался написать ее родителям, спросить, где она находится. Но так и не решился, постеснялся.

Недавно Алексей отправил письмо Клавде Гладышевой, надеясь узнать от нее что-либо о Рае. Ответа еще не дождался.

Из писем, которые получал Виталий Гордиенко от своей сестры Риммы, Чулков кое-что знал о Клавде. Ее будто подменили после того, как она познакомилась с Сергеем Васюковым. Поступила работать в военный госпиталь, под который была занята школа на станции, где они все учились. Допоздна не уходила от раненых и дома успевала помогать матери по хозяйству. Мать ею не могла нахвалиться. За Клавдой лейтенанты бегали, а она ни на кого даже смотреть не хотела, каждый день строчила письма своему Сереже.

Выходит, повезло тому сержанту. Где он сейчас, интересно? ...Володька вывел Алексея из задумчивости.

— С чего ты смурной такой?

Росляков хорошо знал друга и его особенность улетать в мыслях за тридевять земель. Знал он и о любви Алексея к Рае. Старался подбодрить его, уверяя, что ничего с нею не случится, даже если она на фронте. Не всех же убивают на войне. Не было еще такой войны, на которой бы все погибали.

Ответ Алексея был неожиданным для Рослякова.

— Известно ли тебе, гвардии рядовой Росляков, что нам, возможно, с ходу придется форсировать Днепр?

Лицо Владимира посуровело.

— Нам такого приказа еще не объявляли.

— Считай, что он уже есть.

Об этом приказе командир роты Гостев сообщил командирам взводов и отделений, и с той минуты слова «форсировать с ходу» были у всех на устах. Легко сказать «с ходу». Попробуй перескочить реку шириной более километра, если нет ни моста, ни паршивенького плота. Из-за стремительного марша полков тылы дивизии, переправочные средства оставались еще где-то под Чугуевом.

В подразделениях не было лодок — мало-мальски добротные посудины немцы перегнали на правый берег, а те, что им не понадобились, уничтожили.

За ночь в селе Солошино и в зарослях тальника, окружавших село, собралась вся дивизия. Сады, которые каким-то чудом уцелели при отступлении немцев, казались седыми от пыли, осевшей на листьях.

Гвардейцы притаились в садах.

Судя по тому, как вели себя немцы за Днепром, они не

догадывались о том, что вместо измотанных дивизий им противостоят теперь свежие силы. Смена дивизий произошла под покровом ночи настолько стремительно и скрыто, что противник и не предполагал о ней.

...В траншее, занимаемой первой ротой, появился запыхавшийся ординарец капитана Борисова Алеша Улосиков. Он передал командиру роты приказание комбата срочно явиться к нему. Старший лейтенант тотчас заспешил по вызову.

— Что-нибудь случилось? — спросил Чулков своего тезку, с которым у него сложились доверительные отношения после истории с пожаром в риге.

— Тут понимаешь, какая обстановка... — Улосиков, настроженно оглядевшись, снизил голос почти до шепота. — Перемахнуть на правый берег надо? Надо. А на чем? Инженерные части со своим громоздким скарбом ползком ползут... — Алеша вздохнул. — На подручных средствах придется...

Солдаты окружили ординарца комбата. Посыпались вопросы.

— Как там наверху?

— Что слышно, Алеша?

Живой, как ртутный шарик, Улосиков обычно знал все.

— Ночью комдив разнос давал... — Алеша замотал головой, будто у него болели зубы.

Кому и за что разнос — Улосиков не успел сказать. По привычке пригнувшись, он заспешил по траншее к соседнему взводу.

А минут через пятнадцать младший лейтенант Козлов по указанию командира роты поручил Чулкову подыскать подходящее место для строительства плота в каком-нибудь сарае или в ином укрытии.

— Захватите Рослякова. За себя оставьте Карпухина, — распорядился младший лейтенант.

Вдвоем тут же отправились в село. Все мысли Чулкова были только об одном: как он переберется с отделением на правый берег? Отделение называлось теперь штурмовой группой и состояло из семнадцати человек. Гвардейцы были вооружены полуавтоматами СВТ, пятью ППШ с круглыми дисками, ручным пулеметом Дегтярева, гранатами... Не исключалась возможность, что на правом берегу придется применить и миномет, который должны были переправить вслед за штурмовой группой.

Алексей и Владимир перебегали от сарая к сараю. В селе было полно солдат. Оно оказалось не таким уж большим, чтобы в нем могла скрытно расположиться дивизия да еще штаб 37-й армии.

Двор с добротным сараем в каких-то двухстах метрах от траншеи приглянулся обоим — здесь действительно можно было спокойно строить плот: все под рукою. Вот сколько слег и досок!

Уже решив уходить, они вдруг услышали где-то поблизости голоса. Чулков подошел к слуховому окну и увидел в прилегающем к сараю просторном дворе... двух генералов, окруженных офицерами. В глубине сада стоял замаскированный ветками «виллис», въезд во двор охранял часовой у ворот.

— Тут какой-то штаб,— шепотом сказал Росляков, стоявший за спиной Алексея.

— Тише!

Плотный, невысокого роста генерал-лейтенант строго выговаривал высокому с седыми висками генерал-майору.

— Как вы, Александр Иванович, могли допустить, чтобы настолько отстали инженерные парки и лодки. Ведь заранее знали о форсировании Днепра.

— Нет бензина, товарищ командующий. Болезнь всего фронта. Никогда еще не было такого сумасшедшего наступления...

Генерал-майор говорил с полной убежденностью в том, что лично его вины тут нет никакой...

— Вы что же, генерал, хотите, чтобы я вам посочувствовал или чтобы армия наступала помедленней?

Генерал-лейтенант недобрый взглядом окинул собеседника.

— Командующий фронтом с нас головы снимет, если мы не выполним его приказа.

— Так это же наш командарм Шарохин! — догадался Алексей.

— Меры я принял, товарищ командующий,— оправдывался генерал-майор.— Инженерные части уже движутся. Через тридцать часов будут у Днепра.

— В вашем распоряжении, генерал, восемнадцать часов. Срок определен Верховным Главнокомандующим.

Владимир и Алексей встрепнулись.

— Сталин! Смотри, как здорово! Неужели и до нас у него руки доходят? — подумал вслух Росляков.

— Прошу, Михаил Николаевич, предоставить мне самолет.

— Мой ПО-2 в вашем распоряжении. Адъютант вас к нему доставит.

Генерал-майор с натренированным изяществом повернулся и, сопровождаемый одним из офицеров штаба, быстрым шагом вышел со двора. За воротами тотчас взревел мотор «виллиса», и клубы пыли завихрились над забором.

Чулков и Росляков жадно, с мальчишеской ненасытностью

разглядывали своего командующего. Они еще ни разу в жизни не видели генерала вблизи...

У командарма было выразительное лицо. Тонкое, худое, с резко прочерченными морщинами от крыльев носа к концам губ,— оно говорило о сильном, властном характере.

Росляков сказал:

— Такой человек сразу подчинит себе любого.

— А что ты хочешь? Командующий. В его власти тысячи и тысячи людей.

Алексей отошел от слухового окна.

— Ну что, здесь будем строить плот?

— Да здесь, наверное, нельзя. Все-таки штаб рядом... Давай в каком-нибудь другом сарае. Доски и сгни отсюда перетаскаем.

Через полчаса в покосившийся сарай с дырявой крышей солдаты штурмовой группы Чулкова тащили доски, колья, створки ворот — все, что могло пригодиться для постройки плота. Приволокли тяжелую матицу и два поваленных снарядами телеграфных столба. Но всего этого было мало для плота на семнадцать человек.

Еще во время осмотра сарая Чулков заметил несколько полувysохших грушевых и яблоневых стволов.

Приказал Рослякову и Карпухину спилить. Росляков поскреб затылок, вздохнул.

— Рука не поднимается. Вон яблоки свисают...

— Нет же выхода! — обозлился вдруг Карпухин. — Что ты нюни распускаешь.

— Хватит спорить. Пилите.

— «Расцветали яблони и груши...» — ни с того ни с сего запел Росляков, подступая с ножовкой к дереву.

— Вот идиот! — возмущился Карпухин. — Перестань душу надирать.

С первой яблоней справились быстро. А когда с пилой подошли к груше, с нижних ветвей которой свисали золотисто-желтоватые плоды, перед гвардейцами вдруг откуда ни возмись появилась полнотелая рябоватая женщина. Скорострельную брань ее на украинском языке можно было перевести одним выражением: «Что ж вы творите, дурьи головы?!»

И Росляков с Карпухиным, и Чулков онемели под залпами в общем-то справедливых упреков. Непзвестно, чем бы все это кончилось, не появился майор Шибанов. Он подошел к женщине, мягко положил ей руку на плечо и тихо сказал:

— Нам тоже, поверьте, до слез жалко вашего сада... Но как быть? Надо скорее достать фашистов на том берегу, чтоб они не спалили все село вместе с садами!

Женщина оторопело хлопала ресницами, беззвучно шевелила пересохшими губами, будто израсходовала весь запас воинственных слов.

Шибанов поднял румяную тяжелую грушу, вытер ее ладонью и с наслаждением надкусил. Сом груши брызнул на руку женщине, тоненькой струйкой потек по подбородку майора.

— Бергамот, наверное? — как-то уж очень деловито осведомился у нее Шибанов.

— Да ни. Дюшесом прозывается. — И женщина вдруг заплакала. — Рубайте усе, коли трэба. Усе подряд. Звиняйтэ дурну бабу.

Майор порывисто пожал руку женщине.

— Спасибо. — И ушел вместе с хозяйкой сада, на ходу говоря ей: — Дайте срок... Вся Украина наполнится ароматом яблок и груш.

Еще вчера, когда речь зашла о подручных материалах, Алексей вспомнил, как в детстве он со своими сверстниками плавал по пруду на плоту, которым служила одна из половинок ворот. Гребли лежа на животе; в одну руку брали короткое весло, похожее на ракетку для настольного тенниса, другой держались за что придется. Ноги упирались в нижнюю перекладину. И так быстро разгонялись, почти как на лодке.

Но то гребли мальцы!.. А если солдаты начнут работать такими веслами? За ними и вовсе не угонишься! Разве сравнишь их силу с мальчишеской!

Вот и предложил Алексей Чулков построить плот по тому же принципу. Ворот здесь, правда, маловато было. Зато сколько сараев да амбаров, сколько разбитых снарядами изб.

Сначала вместе с Росляковым и Карпухиным решили изобразить плот на рисунке, на глазок прикинуть, чтобы представить объем работы и потребность в разных материалах.

Плот уже виделся им в воображении. Но как строить? Один лишь Карпухин, выросший на Волге, кое-что смыслил в плотях да сам Чулков со своим приобретенным в детстве опытом...

Еще одна забота тревожила Алексея — вот-вот на штурм Днепра, а он еще не очень-то хорошо знает своих подчиненных.

Не вытерпел, залил свою душу старшине, с которым у него сложились своеобразные дружеские отношения.

— Не до тэба, — отмахнулся Буров.

А Чулков опять за свое. Старшина рассердился.

— В армии головня — приказ. Выполняй. Осваивай. Усе. Чулков придирчиво сейчас приглядывался к новеньким.

Казалось почему-то, что те, кого не включили в штурмовую группу, были куда надежнее, смекалистей. Показав солдатам рисунок плота, поделившись своей задумкой с отделением, Алексей сказал:

— Думай, гвардия, шевели мозгами. Ясно?

— Ясно.

— Разойдись!

Солдаты разбрелись по сараю озабоченные. Вот и материалы есть, а с чего пачать, не знали... Каким должен быть плот, чтобы выдержать семнадцать человек? Обсуждая конструкцию плота, увлеклись, расшумелись и не заметили, как в сарай вошел старшина.

— Что это? — спросил он Чулкова, показывая глазами на рисунок.

Чулков стал объяснять. Внимательно выслушав сержанта, Буров взял рисунок в руки, повертел его, что-то соображая, и добродушно изрек:

— Бач, це ж дредноут получився, а?

Алексей вместо ответа только вздохнул. «Дредноут» был пока что у них в мозгах...

Старшина вдруг сол и начал что-то подсчитывать, чиркая огрызком карандаша в крошечном блокноте, который таскал в нагрудном кармане гимнастерки.

— Семнадцать парубков да груз... Це тонна с гаком... — Буров показал Чулкову на цифру — 1387. — Шо вам треба? Устойчивость. — Старшина стал загибать пальцы. — Да оружие сохраниты сухим. Я кажу о бортиках... Помозгуваты, хлопцы, треба, — заключил он и куда-то ушел.

Гвардейцы в общем-то быстро схватили что к чему. Но и вопросов оставалась уйма. Что нужно для устойчивости? Как на такой колымаге развернуться, как маневрировать? Мало ли что может случиться во время боя! Где взять кормовое весло?

— Как это — где взять?! Лопату в уключину — и жми себе...

Росляковская лопата — это была замечательная находка. Правду говорят: гениальное всегда просто.

Кто-то добавил: если одна деревянная лопата не годится, можно две лопаты вместе сбить, а для верности кровельным железом обить — воп его сколько валяется во дворе.

Чулков решительно встал.

— Доложу командиру взвода.

Вернулся Алексей довольно быстро. Сказал весело:

— Начинай! Старшой благословил конструкцию нашего дредноута.

И дело загудело. Завизжала пила, застучал топор, заскре-

жетали выдергиваемые гвозди. Все пошло в ход, в том числе и ворота. Ворота на ворота, а между ними бревна. Конечно, коротки они были на семнадцать душ, но их удлиннили, обшили досками. Хозяйка пострадавшего сада указала, где она припрятала ящики с гвоздями, скобами, штырями и целым набором инструментов,— все это в панике побросали немецкие саперы.

...В семь тридцать началась в отделении строительная горячка, а к девяти дреднот начал принимать какие-то определенные формы. На носу плота прочно укрепили сухой ствол и обшили досками.

В сарае снова появился старшина. Он откуда-то приволок четыре небольших бочонка из-под меда. Обошел вокруг плота, зачем-то потрогал поскон сапога его углы и сказал, кивнув на бочонки:

— Це посудинки для устойчивости. Укрепят их по углам у верх днищем. Центнера два-три подпыма, воно и гарно будэ.

И как это старшине могла прийти в голову такая мудрая мысль! Пусть не два, пусть хотя бы один центнер бочонки удержат на воде, и за это Бурову спасибо...

Старшина все лично проверил, покрутил усы в задумчивости и, приказав ребятам не отлучаться, опять покпнул их.

Плот выглядел надежным, теперь падо было научиться умело управлять им на воде. Требовалась хотя бы малая тренировка.

Подняли плот на подставки и улеглись на нем «елочкой». Чулков расположился на корме, сжал кормовое весло и вполголоса произнес:

— Приготовились! Весла — на воду! Вперед! Раз! Два!

Солдаты «рвали» воображаемую гладь Днепра, пока не натерли себе бортиками кожу под мышками. Пришлось пустить в расход брошенные гитлеровцами шинели. Облегчение почувствовали сразу же.

— Правый борт, не отставать. Выполнять команду точно.

Чулков очумело двигал влево-вправо накрепко сбитыми лопатами, заменявшими кормовое весло. Скрипело оно, проклятое! Пришлось обернуть уключину рукавом трофейной шинели.

— Уже плывут гвардейцы? — вдруг раздался чей-то удивленный возглас.

Алексей вскочил. В сарай вошел начальник штаба полка капитан Рапоров, отважнейший, по рассказам, человек, не раз уже замещавший в бою подполковника Луценко, командир полка. Капитана сопровождали комбат Борисов, командир

роты Гостев, командир взвода Козлов, а всю эту авторитетную комиссию замыкал старшина Буров.

Чулков крикнул:

— Встать! Смирно! Товарищ гвардии капитан...

— Отставить. Вольно. Продолжать тренировку.

Капитан Рапоров зашел вперед, присел на корточки и стал внимательно наблюдать за руками солдат. Вот он подождал комбата:

— Присядь. Смогут развить хорошую скорость... Как думаешь?

— Пожалуй! — согласился Борисов.

Капитан Рапоров поднялся. Спросил:

— Чья идея?

Чулков сказал, что думали все понемногу.

Комбат и старшина, переглянувшись, улыбнулись, и по этим улыбкам Алексей понял: труд, кажется, не пропал даром.

Штурмовая группа тренировалась восемь часов подряд. Все шло хорошо. Лишь одно беспокоило Чулкова: как справиться с течением?

Алексею вспомнилось: однажды они с Петькой Сурком едва не погибли на пруду, когда вода, прорвав плотину после ливня, понесла их в зиявшую щербатину в насыпи. Из всех сил они боролись с бурным потоком и кое-как пристали к берегу. Такого ужаса им еще не приходилось переживать. Прояви они слабость, летели бы с крутой тридцатиметровой насыпи.

Чулков неясно представлял себе, на какое расстояние может снести плот течением. Все зависит от скорости движения. Но большую скорость не разовьешь, если половине группы придется вести огонь, а другой — грести?

Вопросов скопилось много, и все они требовали ответа.

Оставив за себя Рослякова, Алексей разыскал Бурова и выложил ему все свои сомнения.

Буров задумался и долго с хмурым видом молчал.

— У самое яблочко вопросы, — наконец отозвался оп. — Траба до специалистов... Гайда за мною.

Но со двора уйти они не успели — навстречу шел майор Шибанов. Старшина тотчас переадресовал офицеру все вопросы, над которыми ломал голову Чулков.

Шибанов сказал:

— Чуть позже по ротам пойдут саперы, все разъяснят. Когда начнет смеркаться, всех командиров штурмовых групп проинструктируют непосредственно на берегу.

Заметив на своем рукаве присохшую глину, майор припнулся счищать ее, деловито, сосредоточенно. И вдруг спросил:

— Парторг с вами беседовал?

Младшего лейтенанта Козлова, которого еще под Вороножом избрали парторгом роты, солдаты за глаза ласково называли «младшóй». Он страдал малярией, да еще какой-то особой — тропической. К тому же и язва желудка у него открылась... Козлову предлагали лечь в госпиталь, а он наотрез отказался.

Когда Чулков и его гвардейцы прослышали о поступке «младшóго», они дружно начали уговаривать его всем отделением, чтобы он послушался врачей. Козлов был расстроен.

— Будь я только командир взвода, может быть, и слег бы до Днепра, — признался младший лейтенант. — Но я же ко всему прочему парторг. Вдруг подумают, что спасовал под благовидным предлогом. Люди разные бывают, а всем не объяснишь...

Кроме того, перед каждой крупной операцией сумка парторга распухает от заявлений желающих вступить в партию. «Если я погибну, считайте меня коммунистом», — пишут в них войны.

Чулкова этот разговор взволновал. Младшему лейтенанту Козлову он верил беззаветно, их сблизило несчастье. Это случилось еще на марше к фронту, в канун первого боя.

Ротный писарь вручил Алексею письмо поадно ночью. И не треугольник, как обычно, а строгий квадратик с незнакомым почерком.

Чулкова обдало холодом. Задрожали руки. При свете копилки не сразу все разобрал в тексте официального сообщения...

Нет больше отца. Погиб смертью храбрых.

Капитан Сибирцев, командир эскадрона, в котором служил отец, от руки приписал на казенном извещении несколько проникновенных слов. Сын может гордиться подвигом своего отца, посмертно награжденного орденом боевого Красного Знамени. Однополчане героически погибшего старшего лейтенанта Николая Петровича Чулкова уверены, что и его сын, Алексей Чулков, воюет так же храбро и самоотверженно.

Алексей как-то сразу ослабел и опустился на дно траншеи.

Чья-то рука вдруг легла на его плечо.

Козлов. Алексей не понимал, вернее, не слышал, что ему говорили. Он сидел на корточках, уткнувшись командиру взвода в колени, а Козлов стоял неподвижно и молча сжимал рукою его плечо.

Потом они говорили. Говорили долго, тяжело...

В ту ночь в жизнь Алексея вошел еще один хороший, сердечный человек.

Утром Алексей подал заявление в партию.

«Если погибну,— писал он,— прошу считать меня членом великой партии большевиков. За дело партии, за Родину, готов отдать жизнь».

Под заявлением поставил дату: 27 сентября 1943 года.

Химический карандаш Чулкова вскоре побывал в руках каждого солдата штурмовой группы.

Было приятно смотреть на «младшого». Он был счастлив от такого единодушия своих воспитанников. Как-то по-особому лучились его агатовые глаза, чуть влажные всегда, задумчивые, с пушистыми, точно у девушки, ресницами.

— Вы даже не представляете, друзья мои, в какой час истории делаете этот шаг.

Они молчали. Просто не знали, что сказать. Да и надо ли было говорить?

...Вспомнив обо всем этом, Чулков ответил майору:

— После беседы с партгором солдаты нашей штурмовой группы все до единого решили вступить в партию.

Шибановское лицо тотчас приобрело такое же радостное выражение, какое было у Козлова, когда он держал в руках целую кипу солдатских заявлений.

— Через час — открытое партсобрание,— сказал Шибанов.— Приходите в полном составе.

...Собрание было короткое, стремительное. Разговор шел о форсировании Днепра, о захвате плацдарма на правом берегу.

Старшина Буров, выглядевший необычно празднично, в новой диагоналевой гимнастерке с ярко начищенными пуговицами и в ослепительно блестящих яловых сапогах, произнес всего две фразы:

— Я быв фашистив на Волге. Быть ворогов батьковщины нашей буду и на Днипри.

Первый раз солдаты тогда слышали взволнованные слова своего всегда невозмутимого помкомвзвода Позднякова, которого они между собой называли «Ни рыба ни мясо».

Правда, таким он казался оттого, что долго не заживавшая рана в ноге мешала ему двигаться и в полную силу выполнять свои командирские обязанности. И Поздняков, наверное, подражая Козлову, упорно отказывался от госпиталя. А вот тут, на собрании, старший сержант выглядел так, словно он давно исцелился.

— Я в дивизии давно. Все довелось пережить. И потому обращаюсь к молодым гвардейцам. Не ждите легких побед. Фашисты дешево не отдадут правого берега. Все, наверное,

слышали о Восточном вале. Но мы к чертовой матери разрушим этот фашистский вал! — Он с силой рубанул рукою воздух, отчего тело его содрогнулось, причинив боль ране.

Здесь-то вдруг и случилось непредвиденное.

С места внезапно вскочил младший сержант Самонов.

— Нечего нас запугивать! — заорал он. — Надо бить и крушить фашистов до полной победы!

По рядам гвардейцев, сидевших на земляном полу сарая, где проходило собрание, прокатился ропот возмущения. Козлов метнул сочувственный взгляд на своего помощника, Росляков с досадой стукнул себе кулаком по колену.

Лишь сам Поздняков сделал вид, что не заметил подловатой выходки Самонова. Младший лейтенант Соснин, один из взводных, разрядил обстановку. Попросив у парторга слова, он пружинисто встал, откинул назад волосы и, мельком взглянув в блокнот, неожиданным при его щуплой комплекции басом заговорил:

— Товарищ Самонов тут выражает беспокойство о нашей боеспособности. Оснований для такого беспокойства не вижу. Я могу коротко рассказать, как воюет наш батальон. За два дня наступления мы сделали марш-бросок в сто четыре километра. В памятном всем нам бою враг потерял убитыми сто двадцать два человека, тяжелоранеными — шестьдесят восемь, в плен нам сдались восемьдесят девять фашистов. Итого — почти половина батальона... В том же бою мы успели захватить около двухсот автоматов, двадцать шесть ручных и восемь крупнокалиберных пулеметов, семь противотанковых ружей, более полусотни ящиков с гранатами и пулеметными лентами. В наших руках два шестиствольных миномета, четыре автомашины и двадцать повозок с продовольствием и снаряжением... Вот так и дальше будем держать, товарищ Самонов, — закончил младший лейтенант и с улыбкой спросил: — Ну, как, гвардейцы, не подведем Самонова?

Шутка Соснина развеселила солдат. Раздался смех. Самонов от смущения не знал куда глаза девать.

— Тихо, тихо, товарищи! Так всю нашу часть можно замаскировать, — забеспокоился парторг. — Давайте вернемся к делу. Сейчас все вы получите красивые флажки. Каждый из вас должен установить свой флажок на родной нашей советской земле на правом берегу Днепра.

Козлов стал горстями доставать из патронного ящика флажки и передавать гвардейцам.

Получив свой флажок, Чулков спрятал его за пазуху...

Козлов объявил собрание закрытым. Расходились по траншеям в туманных сумерках. То тут, то там слышались всплес-

ки разговоров. Ориентируясь на звук, ударила немецкая батарея. Четыре снаряда взорвались один возле другого почти одновременно.

Поздняков вскрикнул и упал. Чулков со Старостинным подхватили старшего сержанта, быстро оттащили его в ближайший окоп, вырытый позади сарая. Последующие несколько взрывов не причинили вреда: снаряды, перелетев через укрывшихся в окопах гвардейцев, упали в огородах. Позднякова увезли в санбат.

Вечерело. Командиров штурмовых групп и заводных командир роты старший лейтенант Гостев собрал на берегу Днепра, чтобы провести рекогносцировку, уточнить места, куда ночью будут перенесены плоты. Пробирались к реке скрытно, кое-где по-пластунски. Расположились в полуобвалившейся трапшее.

Было тихо. На реке — ни одной морщинки. Чистое, по уже чуть блеклое небо отражалось в воде, оно еще посылало земле свет. Был отчетливо виден противоположный берег.

Алексей думал: неужели он со своей группой сможет добраться до тех вон высоких, подступивших к самой реке склонов правобережья, по которым придется сделать первые шаги при высадке.

Он вглядывался в сероватую кайму противоположного берега, в дымчатую зелень, чуть подернутую прозрачным вечерним туманом, и ему не верилось, что эти кручи, этот воздух, эта мирная тишина скоро будут взорваны и расколоты бомбами, иссечены свинцовым ливнем. Где-то там, за Днепром, на подступах к селу Мишурии Рог, его группе придется прорываться сквозь глубоко эшелонированную вражескую оборону.

Основательно успели закрепиться там немцы. Майор Шибанов недавно передал младшему лейтенанту Коалову перевод письма немецкого солдата. Его читали всей роте.

«Слава богу,— писал некто Карл Гофман своей Луизе,— вчера ночью переправились за Днепр. Сегодня впервые после оставления Харькова можно спокойно заснуть. До этого мы только и думали о том, что нас вот-вот настигнут русские танки или пехота на автомобилях. Днепр здесь так широк и глубок, а берега так высоки и отвесны, что мы чувствуем себя вполне спокойно. Здесь все, от генерала до солдата, уверены, что русские будут остановлены».

Необходимые данные о реке уже записаны. Намечены азимуты для продвижения роты к селу. С левого берега видна лишь его южная окраина.

Чулков после четко поставленной перед ним задачи под-

считал угол отклонения плота, наметил ориентир — орашжево-бурый водослив на крутом обрыве.

Все расписано. Все предусмотрено. В тревожное безмолвие снова погрузился берег, на который медленно надвигалась ночь. Эта была ночь одного из величайших сражений войны — сражения за Днепр.

Глава шестая

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ДНЕПР

В то время, когда роты примерялись к прыжку через Днепр, семеро отчаянных разведчиков уже плыли к правому берегу.

Неслышно причалили, высадились, замаскировали лодку. Некоторое время прислушивались к тишине, потом стали карабкаться по крутому обрыву. Вражеского охранения не встретили. Предосторожности ради выждали несколько минут.

Никого. Тихо вокруг. Где-то впереди и слева прошивали черное небо немецкие ракеты.

В глубь обороны врага разведчики поползли вдоль озера Лиман. До села Куцеволовки напрямую от Днепра, наверное, километра три, если б не это озеро. Хотели было обойти его слева. Но там наткнулись на посты. Все обходы тщательно охранялись. Отчетливо был слышен топот кованых сапог, перекличка солдат, разговоры...

Пришлось отползать.

Один из семерки предложил переправиться через озеро Лиман вплавь. Совещались шепотом, но, заспорив, повысили голоса. Трое из разведчиков настойчиво предлагали поискать какие-либо обходные пути.

Но случилось непредвиденное. Рядом с местом, где совещались разведчики, пряталась в прибрежных зарослях жительница села Куцеволовки — девушка, назвавшаяся Ниной Шашло. Она скрывалась от немцев, которые угоняли молодежь в Германию.

— Милые вы мои! — рванулась она к людям, говорившим на русском языке. — Неужто наши?

Разведчики переполошились, но не поверить дрожавшей от сильного волнения беглянке, в речи которой украинские слова переплетались с русскими, было невозможно.

Успокоившись, стали расспрашивать девушку. Нина рассказала все, что знала. Тайком покидая село, она из зарослей бурьяна увидела немцев, входивших в Куцеволовку.

— Человек пятьдесят, може, и побольше...

— Пушек много было у них?

— Не бачила я, не к чему було...

— Придется самим разведать,— вслух подумал старший.— Надо переправляться через Лимап,— принял он окончательное решение.— Лодку бы нам...— и повернулся к Нине Шашло.

— Есть, есть лодка! Вон там ее прячу. Небольшая, правда. На трех человек,— с готовностью отозвалась Инна.

Решили переправляться в три рейса. Девушка с радостью согласилась стать проводником разведчиков.

Два раза пересекли озеро удачно, но в последний раз не повезло. Слева, из прибрежных камышей, раздалась автоматная очередь; вокруг лодки взметнулись искристые фонтанчики.

Солдаты мигом пригнулись. Один из них коротко бросил девушке:

— Опусть весла!

Выстрелы не повторились. Переждав какое-то время, разведчики осторожно снова двинулись к берегу.

Девушка гребла, напрягая все силы; в горячке она не сразу почувствовала, что ранена. Старший заметил это, переваливал ей ногу.

И вдруг разведчики увидели, что по берегу наперерез лодке бегут патрульные. Рано переправившиеся через озеро пятеро солдат меткими короткими очередями уложили их.

И опять наступила тишина. Разведчики, не теряя драгоценных минут, двинулись к селу, а проводница осталась у озера, чтобы спрятать лодку. Солдаты должны были подождать девушку в бурьяне на окраине села.

Приближаясь к Кудеволовке, они услышали отчаянный крик Инны Шашло. Было ясно, что девушка попала в беду. Старший тотчас же послал троих своих товарищей на выручку Инны. А с остальными решил поскорее пробраться в село, чтобы успеть до рассвета выполнить боевое задание: гитлеровцы уже охотились за горсткой отважных разведчиков.

...Как выяснилось потом, Инну Шашло немцы схватили около лодки. Прижав дуло автомата к груди девушки, фашисты допрашивали ее, почему она прячется на берегу озера ночью.

— Потому что кобели ваши солдаты, насильники,— отвечала Инна.— Или не видите, что творят в селе?

Владевший русским языком немец продолжал уже более мягким тоном:

— Зачем же фрау переправлялась на другой берег? Кто с тобой плыл? Где они сейчас?

— Одна я плыла, одна... На тот берег переплывала... Думала, что там меньше солдат. В лодке никого со мной не было... По мне из автомата... И вот ногу прострелили.— Инна

выставила под свет карманного фонарика ногу, перебинтованную разведчиками.

Это была роковая ее ошибка: немцы не имели таких бинов. Ефрейтор, рывком отстранив солдата, говорившего по-русски, ударил носком сапога по ране. Бил, как бьют по футбольному мячу. Дупераздирающий крик Нины Шашло и слышали разведчики.

Нину набивали зверски. Она кричала изо всех сил, надеясь криком своим предупредить об опасности разведчиков.

Потом ее потащили к дому. Услышав крик, навстречу дочери выскочил престарелый отец.

— Что же вы лютуете, бисовы души... — Он не договорил, скошенный очередью гитлеровца-ефрейтора.

Как раз в это время совсем неподалеку от дома Шашло застрочили автоматы. Над головами гитлеровцев засвистели пули. Бросив свою жертву, немцы бежали. Вспыхнула чья-то изба. В свете разгорающегося пожара Нина видела, как выскакивали в пижаме белье фашисты, стреляя на ходу.

Переполох поднял на ноги полдеревни. Бешеная стрельба вскоре поухнула — немцы поняли, что русских немного.

Трое гвардейцев-разведчиков укрылись в одной из хат. Бой длился около часа.

Зажигательными пулями фашисты подожгли соломенную крышу. Разведчики бросились из горящего дома в атаку. В атаке они и нашли смерть. Погибли на глазах жителей Кудеволовки. Около четырех десятков гитлеровцев не досчиталось немецкое командование.

Об этом трагическом эпизоде рассказала советским воинам Нина Шашло на другой же день, когда подразделения шестидесят второй дивизии, форсировав Днепр, ворвались в Кудеволовку и спасли от смерти истерзанную фашистами девушку. Остальные четверо разведчиков, выполнив задание, уже возвращались назад к Днепру, но тоже были вынуждены вступить в бой и погибли.

Когда на КП командира дивизии прибыл командующий армией генерал-лейтенант Шарохин, полковник Мошляк места не находил от беспокойства: посланные на правый берег семеро разведчиков должны были вернуться два часа назад, но они до сих пор не появились... Только что комдив послал в разведку еще одну группу гвардейцев.

— Кто вас надоумил, Иван Никонович, под самым носом противника командный пункт дивизии разместить? — с напускной строгостью сказал командарм, входя в блиндаж Мошляка.

— Отсюда мне удобнее руководить операцией, товарищ командующий,— ответил полковник Мошляк.— Немцам я в голову не придет, что КП дивизии — на переднем рубеже...

Командарм промолчал. Мошляк по выражению его лица понял, что в общем-то он не осуждает такого рискованного шага своего комдива, и коротко доложил обстановку. Генерал, не прерывая командира дивизии, внимательно выслушал его, потом стал придирчиво расспрашивать о мельчайших подробностях подготовки к форсированию. Мошляк, не торопясь, обстоятельно отвечал. В дивизии привыкли к этой введливости командарма, считавшего своим долгом знать все, что делалось в его передовых частях.

Как свидетельствовали данные армейской разведки, немецкое командование готовилось к отражению удара в двух-трех местах по берегу — там, где, по его предположению, могли переправиться крупные части.

А план советского командования был прост — одновременный удар по врагу малыми подвижными группами войск на большом протяжении Днепра, в самых неудобных для форсирования местах. Успех операции во многом зависел от смельчаков, из которых формировались штурмовые группы. Форсирование должно было произойти там, где гитлеровцы меньше всего ожидали этого. Для начала требовались «пятачки» на правом берегу. Надо было завязать бои сразу во многих пунктах.

Времени до начала штурма оставалось немного. Оба военачальника с нетерпением ждали сведений от второй разведгруппы. И вот наконец связной принес добрую весть: разведчики высадились на том берегу в намеченном пункте и не обнаружили в непосредственной близости от Днепра никаких изменений в оборонительных порядках противника.

— Успеть бы переправиться штурмовым группам, пока разведчики там кашу не заварили,— заволновался полковник Мошляк.

Генерал-лейтенант, взглянув на часы, сказал:

— Пора.

Командир дивизии тотчас отдал приказ. Его немедленно повторили в полках, батальонах, ротах...

Плот спустили на воду осторожно, бесшумно, без единого всплеска. Тяжел был, проклятый, семнадцать человек едва его подняли. Казалось, что плот сильно оседет и вода зальет оружие... Нет, сооружение получилось надежное... Чулков облегченно вздохнул.

У соседей кто-то громко охнул. На него зашикали:

— Тише ты, дурень!.. Немецкую пулю проглотить хочешь?

Хрустнула ветка на берегу, и в утренней тишине звук этот был похож на выстрел. Комбат сдержанно и как-то очень уж буднично сказал:

— Пошли!

— Вперед! — Это уже старший лейтенант Гостев, командир роты.

Форсирование Днепра в районе Солошино—Мишурия Рог началось. Произошло это в четыре ноль-ноль 28 сентября 1943 года.

Чулков вполголоса командовал своему отделению:

— На плот! — Сам вскочил первый. Было очень темно, но Алексею казалось, что он отчетливо видит каждого. Вот улеглись, изготовились.

— Греби! Раз!.. Два!.. Правый, ослабы! Заваливаем... Хватит. Греби ровно. Раз! Два!

Оттолкнувшись от берега, взяли курс, намеченный заранее. Очень хорошо, что вовремя догадались перенести плот на несколько десятков метров вверх — плот сразу же стало сносить течением. Надо было приноровиться и грести так, чтобы строго выдерживать заданное направление. Да при этом не столкнуться в темноте с другими плотами.

Алексей напрягал зрение, прислушивался...

Скорость плота с каждым рывком гребцов возрастала. Не зря занимались «сухой» трепировкой в сарае.

Правый берег молчал. Ни выстрела, ни ракеты. Тишина. Что сейчас делают немцы? Сколько их там?

На плотях, лодках, паромах переправлялись два полка 62-й гвардейской дивизии — 182-й, в состав которого входил батальон майора Сентюрина, и 184-й, где служили Чулков и его товарищи. Форсирование дивизии происходило на фронте в пять километров. А сколько таких дивизий подошло к Днепру! Сколько армий!..

Было тихо. Лишь всплеснет хвостом рыбина — звук такой мирный и знакомый, что невольно подумаешь — уж не приснилась ли война? Распластавшись на плоту, Алексей лежал позади шестнадцати солдат и, резко поворачивая голову то влево, то вправо, подавал тихие команды гребцам:

— Правый — ослабь, левый — нажми, — и сам наваливался на кормовое весло-лопату.

Зловеще молчавший крутой правый берег все приближался. Что же ожидает их там, у днепровских круч? Вдруг перещелкают всех в упор на узкой береговой кромке...

Алексей почувствовал, как предательский страх заползает ему в душу... До одури стало страшно. Хоть кричи...

«Трус! Ведь ты же трус! — гневно оборвал он себя. — Посмотри, все молчат и спокойно делают свое дело. Позор!»

Он удивился, заметив, что его плот намного опередил соседние. И разрыв все увеличивался. Дружно и слаженно действовали гвардейцы...

Уже пройдена середина реки. Конечно, плот порядком снесло, но Чулков почему-то был уверен, что намеченная для высадки его группы лощинка все еще оставалась левее.

Многое зависело от скорости движения плота. Алексей чувствовал, что плывут они со значительно большей скоростью, чем он предполагал.

Молодцы, ребята!

Чулков опустил руку за борт. От ладони, поставленной ребром против течения, по обе стороны расходились крутые бурунчики, точь-в-точь как от сохи отваливаются земляные пласты.

Надо было взять левее. Алексей навалился на рукоятку кормового весла. Плот пошел в нужном направлении.

Неужто они доберутся до правого берега без единого выстрела? Хорошо бы. Ох как хорошо!

Алексей напряженно всматривается в надвигающуюся на плот черпую высокую кручу.

— Берег! Ей-богу, берег! — едва сдерживая радость, пресекающимся голосом шепчет он ребятам. — Победа, братцы!..

Но тут происходит неожиданное. Где-то позади раздается треск сломанного весла, затем всплеск — кто-то падает в воду. И сразу же летит над водой матерщина. В ней — досада, гнев и боль. А на реке ночью так все отлично слышно...

В небо с правого берега взлетают ракеты. Одна, другая, третья... Они еще не погасли, как вдруг, будто по команде, над Днепром вспыхивают сотни ракет. Мутно-зеленая густая река с десятками плотов и лодок тотчас становится отчетливо видимой на обширном пространстве.

— Ах, черт!

— Тюхи-матюхи!

Все на плоту потрясены.

В мелкий порошок они бы стерли тех, кто их так нелепо подвел, выдал.

При ярком свете ракет Алексей чувствует себя догола раздетым, инстинктивно прижимается к доскам плота и прикрывает голову ладонями. Но тут же вскидывает ее и к своему ужасу видит, что никто из подчиненных не гребет. Сжались в комочки, замерли.

Неведомая сила поднимает Чулкова на ноги. Он орет что есть мочи:

— За весла! Греби! Раз!.. Два!.. Сильнее, мать вашу!.. —

Ругань срывается с его губ, хотя никогда раньше он не ругался.

Будто устыдившись скверных своих слов, Алексей падает на плот и тотчас отчетливо слышит лающую немецкую команду:

— Файер! Файер!

Позади, на левом берегу реки, выхватывая из темноты кудрявую, отливающую серебром зелень садов, молниями засверкали залпы «катюш». В тот же миг загрохотали пушки. Над головами солдат один за другим завывали снаряды. Это командир огнем подбадривал своих гвардейцев.

Грохот взрывов оглушает. Чулкову кажется, что вот-вот его оторвет от плота и бросит в пучину. Он надрывно кричит:

— Греби, ребята! Сильней греби!

Боже! Что творится позади! Около других плотов и лодок вода взбаламучена взрывами. А рядом с ними ни одного всплеска — они метров на триста вырвались вперед. У Алексея вспыхивает надежда: может, пронесет, может, удастся невредимыми доплыть до берега.

И как раз в этот момент в нескольких метрах от плота хлопает мина.

Руки солдат на мгновение замирают. Но только на мгновение! Алексей даже не успевает дать команду, как весла опять вспарывают воду.

— Не сбавляй скорость! Греби! Раз! Раз!..

До берега рукой подать, а взрывы почти на каждом метре. Из многих десятков этих снарядов им бы с лихвой хватило одного. Но пока смерть щадит их. Страха нет. Только злость. Лютая, жгучая. Кажется, она вот-вот испепелит сердце. Алексей старается определить, из какой точки по ним стреляют. Правее лощинки, у которой намечена высадка, замелькали огненные очереди трассирующих пуль. А с левой стороны по их плоту бьют два миномета.

Чулков громко командует:

— Все за оружие! Целься по вспышкам! Огонь!

До берега остается метров сто, не больше. Шквальным автоматным огнем гвардейцы стараются подавить ближайшие огневые точки врага.

И вдруг на самом гребне береговой кручи в небо взметнулись оранжевые брызги огня. Раздался сильный взрыв. Огневая точка врага замолкла.

— Ура! — заорали солдаты.

И почти одновременно позади них прямым попаданием снаряда вдребезги разбило чей-то плот.

Вокруг все злое еще светлеет, вода кипит от пуль и оскол-

ков. Десятки немецких ракет постоянно висят в воздухе. Одни гаснут, другие загораются.

А берег все ближе. Шестнадцать рук мощными рывками отвоевывают у днепровской шири метр за метром. Каждый понимает, что теперь берег — спасение.

— Жми, жми, ребята!.. Впереди мертвая зона!..

Просто удивительно, что никто из них даже не ранен. Впрочем, у одного из солдат сильно кровоточит глубокая царапина на левой ноге. Но солдат в горячке даже не замечает раны.

Берег совсем рядом. Вода впереди уже не бурлит от осколков и пуль — плот вошел в мертвую зону.

Метров за пять от берега Чулков командует:

— Прыгай!

Через несколько минут солдаты уже карабкаются вверх по крутому склону. Чулков прикидывает, где же укрыт пулемет, который бил трассирующими? Наверное, на правой стороне кручи, на самом ее выступе. Оттуда немцы не могут видеть гвардейцев — мешает травянистый карниз, козырьком нависший над крутизной высокого берега. Гвардейцы тоже не видят немцев, зато слышат их лающие команды.

Чулков оглядывается и видит, как река уносит все дальше и дальше сбитый с мели течением их плот. Все. Ходу назад нет. Вплавь на левый берег не доберешься. Только тут, на правом, твоя судьба. Тут и жизнь, и смерть, тут и слава твоя, если ты ее заслужишь...

Ноги и руки упрямо впииваются в сыпучий сутлинок почти отвесного склона. Внезапно нога Алексея соскальзывает с небольшого уступа, и он медленно начинает сползать вниз. Но к подошве ноги кто-то уже подставил руку. Алексей не видит, кто помог, но догадывается — Володька. Он всегда рядом. Метрах в пятидесяти от берега плывут люди. Видны только их головы и поднятые над водой винтовки и автоматы. Вплавь добираются до берега... Ни плотов, ни лодок рядом...

Вплавь! Ведь это легко сказать. С винтовкой, в пудовых ботинках, с боеприпасами... Невероятно! И вода вокруг них все так же кипит, клокочет... Теплая волна приливает к сердцу Алексея, гордого за своих товарищей... Молодцы! Какие молодцы! И доплывут, обязательно доплывут.

Позже Чулков узнал, что это была рота лейтенанта Себялюбского. Вместе с нею форсировал Днепр и комбат Зубалов.

Где-то неподалеку действовали и гвардейцы капитана Асташина — одного из той четверки будущих героев, которые сошлись тогда на станции возле санитарного вагона и, балагурия, разговаривали с красавицей военврачом.

Спасительная лошадка хорошо укрывала солдат, подбиравшихся к травяному карнизу. Незамеченные врагом, гвардейцы подтянулись к самой кромке обрыва. Алексей громким шепотом приказал:

— Приготовить гранаты!

Голос его от волнения сорвался, но, кажется, никто из солдат этого не заметил. Он тихонько развел траву, свисавшую с карниза. В каких-то пяти метрах от него строчили сразу три вражеских пулемета.

Чулков скомандовал:

— Гранатами — огонь!

Руки солдат взметнулись одновременно, и сразу же там, наверху, загрохотало.

Одним духом все семнадцать человек выскочили на край обрыва.

— За Родину! За Сталина! Ура-а!

Грозное и ликующее слилось воедино в этом победном русском кличе. На площадке перед траншеей валялись трупы гитлеровцев.

— За мной! В траншею! — крикнул Алексей и первым прыгнул в покореженный гранатами ров. Следом горохом посыпались солдаты его штурмовой группы.

Уцелевшие после взрывов гранат немецкие солдаты в панике бросились бежать.

Стоя в окопе, Алексей поливал их огнем из автомата, что-то кричал, но что именно, сам понять не мог...

Володька Росляков проворно подскочил к оставленному немцами на площадке пулемету и, приладившись, без команды начал стрелять по удирающим немцам.

В сильных Володькиных руках вражеский пулемет работал безотказно. Стрелял он то короткими, то длинными очередями, вовремя перенося огонь с одной цели на другую. Получай, фашист, сполна!..

Молодец, Росляков! Когда у Алексея иссяк диск, он вместо того, чтобы заменить его запасным, кинулся к оставленным врагом пулеметам. Ни один из них, к счастью, не был поврежден. Алексей схватил сразу два: первый передал Карпухину, а из второго приготовился стрелять сам.

— Пали вправо! — приказал он ефрейтору. — Подави пулемет!..

— Ясно! — крикнул в ответ Карпухин.

Как это здорово — знать оружие врага, как это важно сейчас! Спасибо тебе великое, генерал Евстигнеев, за то, что заставил нас изучать немецкие пулеметы!

Карпухин быстро перебежал на правый фланг отделения и

стал посылать очередь за очередью вдоль берега. В сотню метров от группы Чулкова сгрудились отступившие немцы. Путь к отступлению им преградили свои же солдаты, двигавшиеся от второго оборонительного рубежа.

Над головою с воем пролетали снаряды, ими засыпали правый берег артиллеристы шестидесят второй дивизии. Постепенно огонь батарей перемещался в глубь немецкой обороны.

Алексей ликовал: выходит, пушкарки видят их и не оставят в беде!

Прервав стрельбу, он поднялся во весь рост, звонким голосом скомандовал:

— Водрузить флажки на освобожденной советской земле!

И откуда-то слово «водрузить» взялось?! «Воткнуть» — как-то не так, не то!..

Он подбежал к вершине кручи, которую они только что очистили от немцев и вонзил в песчаный грунт древко своего флажка. Не прошло и минуты, как рядом с его флажком затрепетали на предутреннем ветерке еще шестнадцать таких же.

Вот бы посмотреть сейчас с высоты, охватить взглядом эти сотни километров днепровского побережья... Полыхает, поди, Днепр! И как полыхает!

В те грозные дни гвардии сержант Алексей Чулков, конечно, не знал, да и знать не мог, как осуществлялась вся грандиозная операция форсирования Днепра. Лишь потом ему стали известны кое-какие детали.

В ночь с 27 на 28 сентября пока что только одна дивизия 37-й армии — их гвардейская 62-я дивизия — смогла форсировать Днепр между городами Днепропетровском и Кременчугом. Как раз там, где прижались к древней реке села Мишурип Рог и Куцеволовка.

Слева от 62-й дивизии действовала 7-я гвардейская армия, руководимая генерал-лейтенантом Шумиловым. Она форсировала Днепр на день раньше, 27 сентября.

Именно в тот день, когда 62-я гвардейская начала форсировать Днепр, Ставка Верховного Главнокомандующего приказала Центральному, Воронежскому, Степному и Юго-Западному фронтам ликвидировать все вражеские плацдармы на левом берегу Днепра. Важно было пресечь попытки гитлеровцев нанести удары по флангам и тылам наших войск, которые переправлялись на правый берег. Кроме того, надо было по возможности уберечь украинские села и города от разрушения.

В те дни, конечно, не только группе сержанта Чулкова удалось вцепиться в правый берег. Были и другие силы, более мощные. В направлении Кучеволовки, справа от 184-го полка, наступал 182-й полк, в составе которого форсировал Днепр штурмовой батальон майора Сентюрина. Лодка комбата, переправлявшегося через реку вместе с первой ротой, была в поле зрения всех штурмовых групп батальона.

Задача перед сентюринцами стояла очень сложная — их путь к правому берегу преграждал остров, занятый немцами. Гвардейцам не удалось пробраться к острову незамеченными. Немцы осветили Днепр и открыли бешеный огонь по наступающим.

Выход у Сентюрина оставался один: приказать штурмовым группам, чтобы они тотчас же покинули плоты и лодки, как только достигнут глубины не больше человеческого роста.

Команды исполнялись молниеносно. Попрыгав в воду, гвардейцы неустрашимо рвущейся вперед цепью бросились на первую линию вражеских окопов. Как ранее установила разведка, на острове было еще два таких оборонительных рубежа.

Рота, высадившаяся на острове первой, понесла ощутимые потери. Но зато следующей роте, с пулеметами и минометами, действовать было куда легче. Когда она подошла, Сентюрин поднял бойцов в атаку.

...Чуть раньше комбат обратил внимание на то, как несколько гитлеровцев переправились с острова на правый берег вброд. Не оставалось сомнений — здесь образовался песчаный нанос, не обозначенный на карте.

Это открытие было редкой удачей. Майор приказал не стрелять по тем гитлеровцам, чтобы по ним проследить направление и глубину брода. Вода переправлявшимся немцам доходила до пояса.

О лучшем месте для форсирования днепровского рукава нельзя было и мечтать...

В бой за остров вступали все новые и новые группы гвардейцев из второй и третьей рот батальона. Сосредоточившись на рубеже решающей атаки, солдаты майора Сентюрина в последнем стремительном рывке сбросили в Днепр остатки вражеской пехоты, оборонявшей юго-западную часть острова. Буквально по пятам отступавших сентюринцы переходили вброд обмелевший рукав.

В свете ракет, непрерывно вспыхивавших над взбаламученным Днепром, пересекал водный простор гигантские тени гвардейцев. Настигаемые этими теньями, фашисты испуганно шарахались от них, падали в бурлящую на стремнине воду...

Развивая наступление, батальон Сентюрина продолжал преследовать немцев и на правом берегу, с ходу преодолев его, казалось бы, неприступную крутизну.

Так был захвачен самый обширный в районе действий 37-й армии плацдарм на днепровском Правобережье, неподалеку от села Куцеволовка.

Глава седьмая

«СЛУШАЙ МОЮ КОМАНДУ!»

Между тем на участке, где действовала группа Чулкова, перестрелка на короткое время затихла. Сержант не мог сразу решить, закрепиться ли его группе здесь, в первой оборонительной траншее, или продолжать преследовать удиравших гитлеровцев? Такая благоприятная ситуация для продвижения вперед! Вдруг будет упущен момент? Труднее всего было то, что решать приходилось самому. Рядом ни командира взвода, ни командира роты.

Нет, пожалуй, не стоит рваться в глубь вражеской обороны, пока не будет захвачена вся траншея. Ведь, если немцы догадаются зайти в тыл штурмовой группе, им не трудно будет ее уничтожить. Сомнений не оставалось: надо и на флангах вытеснить фашистов из береговой траншеи.

Очистить от гитлеровцев левый фланг Алексей поручил Рослякову, выделив ему двух солдат с трофейным пулеметом. А вправо по траншее двинулся с группой гвардейцев ефрейтор Карпухин. Там вскоре снова вспыхнула перестрелка. Застрочили сразу два ручных пулемета.

— Молодец, Славка! — обрадовался Алексей, заметив, как справа гитлеровцы бросились врассыпную.

За спиной Алексея вдруг раздался голос Рослякова:

— На левом фланге немцев нет.

— Как нет! Почему?

— Там была пулеметная точка и миномет. И то и другое вдребезги разнесло снарядам с левого берега.

— А еще левее? Что там?

— За огневой точкой — трясина. Похоже, там озеро с заболоченными берегами.

— Ах, это, должно быть, озеро Уступ... А за ним — рукой подать до села Мишуриян Рог. Как раз нашему полку и приказано захватить это село.

— Через болото не очень-то легко пройти. Правда, если

спуститься к самому Днепру и берегом обойти заболоченный участок, то потом можно подняться по лощинке вверх. Там больше таких преград нет...

— Ну, сейчас еще рано так далеко вперед заглядывать. Сначала надо полностью завладеть прибрежной линией окопов...

Кто-то сзади резко дернул Алексея за ремень. Он обернулся. Перед ним, тяжело дыша, стоял незнакомый солдат.

— Товарищ гвардии сержант! Тяжело ранен командир роты. В горло... Вас требует. Срочно.

От неожиданной этой вести у Алексея сердце упало.

Как же теперь без командира? Пропадет рота, погибнет. Козлов не заменит ротного, болен — и без того едва тянет. Вот Соснину бы принять командование! Сейчас он уже здесь должен быть, на правом...

— Где младший лейтенант Соснин?

— Тоже ранен... Но, кажется, не тяжело.

Оставив за себя Рослякова, Алексей спустился к берегу, где, по словам связного, лежал раненый командир роты Гостев.

Старший лейтенант лежал на шинели. Голова его запрокинулась. Кровь, пробиваясь сквозь повязку на горле, заливала лицо, волосы, грудь.

К счастью, Гостев был в сознании. Увидев Чулкова, сделал ему знак подойти. Попытался что-то сказать, но вместо слов из горла вырывался только хрип.

Подошел Козлов:

— Принимай мой взвод, Чулков. Я должен заменить командира роты. — «Младшой» мельком взглянул на край обрыва. — Какая там у вас обстановка?

— Захватили первую линию обороны. Надо немедленно развивать наступление.

— Отлично! Теперь вашего полку прибыло. Действуй смелее. Я со взводами Соснина и Старостина буду пробиваться левее вас — в направлении Мишурина Рога.

— Но слишком далеко влево не забирайте — там трясины.

Метрах в двадцати от них вдруг плюхнулась мица, за пей вторая, третья... Едкий чад ударил в ноздри. Завизжали осколки. Дико закричал солдат — распорол живот. Упали замертво еще четверо. Остальные бросились в укрытие.

Алексей будто прирос к месту — ноги сделались ватными. Повезло — ни один осколок его не задел.

Опомнившись, крикнул:

— Взвод! Слушай мою команду! За мной! Бегом!

Солдаты вместе с командирами отделений Самоновым и

Кокаревым, покинув укрытие, куда их загнали взрывы мин, рванулись вслед за Чулковым к подножию обрыва и стали карабкаться вверх...

Младший лейтенант Козлов приказал ординарцу Гостева переправить командира роты и раненного в живот солдата на левый берег, а самому без задержки вернуться обратно. Ординарец, которого солдаты дружелюбно называли Раскудря-Кудрявый, тотчас перенес раненых в лодку и, столкнув ее с мели, взялся за весла. Подхваченная течением, лодка быстро удалялась от берега, мелькала в беспорядочной пляске волн...

Только взобравшись со своими новыми подчиненными на крутой берег, Алексей по-настоящему понял, какая ответственность легла на его плечи — теперь в его руках судьба целого взвода солдат.

Жарко приходилось штурмовой группе, которая удерживала захваченную траншею. Когда к пей присоединился Алексей со своим пополнением, Росляков ему доложил о ходе боя. Только что гвардейцы отбили атаку двух взводов, а теперь уже около трех взводов противника наседало на них.

— Ясно,— прервал Рослякова Алексей.— Теперь слушай меня. Возглавись мое отделение. Функции штурмовой группы оно выполняло и будет, как и раньше, первым отделением. Мне поручено командовать нашим взводом.

— А Козлов разве ранен?

— Нет, ранен командир роты. Младший лейтенант — вместо него.

В это время Алексей увидел, что немцы стали накапливаться в траншее, примыкавшей к ложнине,— готовились к очередной атаке.

— Без команды огонь не открывать,— передал он по цепи и вдруг подумал: сейчас бы с фланга по ним ударить!

— Самонов, ко мне! — позвал он и, когда подошел и встал рядом с Росляковым Самонов, сказал: — Вот что, братцы: я с отделением Кокарева зайду немцам во фланг. Вы остаетесь здесь. Надо удержать траншею во что бы то ни стало. Возглавит оборону Росляков.

Самонов насупился.

— Почему это он, а не я? У меня все-таки звание, а Росляков рядовой.

— Прошу не обсуждать приказ! — возмутился Алексей.

— Считаю твой приказ незаконным. Подчиняться Рослякову не собираюсь.

Алексей рывком оттянул затвор автомата и направил дуло на Самонова.

— А-а-а!.. — по-щенячьи заскулил тот и попятился, заслонившись прикладом винтовки СВТ.

Нет, выстрелить в своего у Алексея не хватило сил. Заметив близости ефрейтора Карпухина, он приказал ему:

— Принимай отделение! — И с презрением взглянул на Самонова. — Сволочь ты! Не поднялась на тебя рука, а жалы!..

Самонов всхлипнул и, сутулясь, пошел прочь по траншее. Алексей повернулся к Рослякову.

— Я думаю так, Володя: в случае удачи нашего обходного маневра — поднимайтесь по моему сигналу в атаку. Сигнал — зеленая ракета. Смотри, чтобы своих не постреляли...

Алексей спустился под обрыв к ожидавшему его отделению Кокарева.

Путь до подъема к ложинке преодолели за несколько минут. Выбрались наверх. Плотно прижимаясь к земле, поползли по дну впадины. От скошенной жесткой травы осталась стерня, остро пахнущая полынью и чебрецом: высушенная солнцем, она больно царапала руки.

Фашисты были совсем рядом. Слышались их голоса.

Подползали почти вплотную к вражеским окопам. Выбрались из ложинки, заняли удобные позиции для ведения фланкирующего огня. Послышалась отрывистая команда немецкого офицера. Фашисты, пригнувшись, начали выскакивать из траншей. Алексей видел их спины.

— Огонь, — негромко приказал он. На гитлеровцев обрушился свинцовый шквал. Ошеломленные, они хлынули к своему левому флангу, потом залегли.

Не мешкая, Алексей выстрелил из ракетницы. Зеленый огненный клубочек, прочертив дугу над всполошившимся вражеским станом, падучей звездой растаял в предраассветном небе.

Автоматную трескотню заглушил накатывающийся от берега лялюющий стоголосый крик:

— А-а-а!..

Это Росляков атаковал с фронта. Крик «ура» звучал так мощно, что казалось, в атаку пошел не взвод, а целый полк.

— Во наши дают! — толкнул в бок лежавшего рядом Алексея сержант Кокарев.

По одному, по двое немцы вскакивали и короткими перебежками отходили в тыл.

— Бей левее! — крикнул Алексей Кокареву, строчившему из пулемета. — Отрезай фрицам путь назад!

Трассирующие очереди сержанта прижали немецких солдат к земле.

Гвардейцы во главе с Росляковым стремительно прибли-

жались. И тут нервы у врага сдали. Гитлеровская пехота беспорядочно побежала в сторону Мишурина Рога.

Алексей пригнувшись бросился вперед.

— За мной! В атаку!

Преследование продолжалось несколько минут. Фрицы бежали не оглядываясь.

И вдруг — будто сквозь землю провалились. Ясно — там вторая линия траншей.

— Ложки-сь! — раскатиисто закричал Алексей и ткнулся головой в жесткую траву. Он сделал это вовремя — бешеный огонь обрушился на атакующих, густым роем запели над головою пули. Да, враг, оказывается, не так прост. Надо отходить, а то взойдет солнце, всех перестреляют.

Пользуясь еще не рассеявшейся темпотой, прячась в складках местности, взвод стал отрываться от противника. Но что-то уж очень заторопились с отступлением гвардейцы! Так и норовили обогнать друг друга...

Упаси бог от паники!

Очень плотный огонь вели гитлеровцы. Настигаемые пулями, то тут, то там вскрикивали солдаты.

— Раненых не бросать! — предупреждал Чулков, поминутно оглядываясь назад и стараясь разглядеть, не остался ли кто из его подчиненных на поле боя.

Немцы вдруг поднялись во весь рост и бросились в контратаку. На ходу стреляли из автоматов.

И случилось то, чего больше всего боялся Алексей. Солдаты его взвода, словно сговорившись, дали такого стрекача, что от их топота, казалось, земля загудела. Бежали самым позорнейшим образом! Вместе со всеми бежал и Чулков, новоявленный командир взвода.

— Стой! Стой, сволочи! Стрелять буду! — закричал он что было мочи.

Но никто его не услышал, никто даже не замедлил бег. Лицо Алексея заливали слезы: позор, позор!!

Возле появился Росляков. Он тяжело дышал.

— Слушай, Леха. Надо к трясине повернуть. Там окопы от берега дальше.

Алексей сразу схватил замысел Рослякова. Нельзя отступать к самому обрыву. Сметут, костей не соберешь. А трясина все-таки преграда. Хочешь не хочешь — остановишься.

— Не теряй время. Обгоняй взвод слева и дуй к трясине... И побегу правее тебя... Впереди надо быть — за нами потянутся...

Напрягая все силы, Алексей обогнал одного, другого, тре-

тьего. Грудь вот-вот лопнет. Саднило горло, легким не хватало воздуха. И все-таки он превозмог себя, закричал:

— Сюда!.. За мной!.. Здесь окопы!

Кто-то услышал, и пошло по цепи:

— Выводный вперед!..

Чулков брал правее, правее, оставляя в стороне обрывистый берег.

Наконец он начал замедлять бег, хотя каждым нервом, лопатками, спиной чувствовал вихри пуль, посылаемые вдогонку пемцами.

Впереди внезапно показалась траншея, — так внезапно, что Алексей, оступившись, неловко соскользнул в нее, больно ударился грудью обо что-то твердое.

Дыхание у Чулкова совсем пропало. Грудь будто жерновами сдавило. Превозмогая себя, поднялся. Знал одно: нельзя допустить, чтобы солдаты, перемахнув через траншею, помчались дальше. Хватая за что попало солдат, силой втаскивал одного за другим в траншею, яростно кричал:

— Стой, Тюрин!.. Сизов, опомнись! Куда тебя черт несет! Занимай оборону!

Но кое-кто все же прорвался к трясине и с разгону влетел в чавкающую болотную жижу.

В окопах солдаты стали приходить в себя. Отряхивались, пробовали затворы. Проклятая СВТ! У многих затворы заело. Кругом песок. Эх, если бы им всем автоматы!

— Пулеметы, автоматы, винтовки к бою! — скомандовал Чулков. Цепи гитлеровцев быстро надвигались на траншею.

— Огоны!

Немцы замедлили движение, пошли перебежками. Алексея не покидало такое чувство, что фашисты вот-вот затопчут, сомнут, растерзают его взвод.

Откуда-то справа, со стороны берега затараторили сразу два ручных пулемета. По звуку Алексей определил: наши, дехтяревские...

— Это же младший лейтенант Козлов с ротой! — вслух радовался он.

На фоне светлеющего неба обозначились силуэты солдат, спешивших на подмогу. Захлебнулась контратака гитлеровцев. Они залегли, затем начали отходить.

В траншее сделалось тесно, когда в ней собралась вся рота.

Младший лейтенант Козлов, зажав пятернею рану на предплечье, сбивчиво объяснял:

— З-зацепила, п-проклятая... Не-не успел увильнуть...

Густая, темная кровь сочилась между его пальцев.

Карпухин выхватил из кармана индивидуальный пакет, рывком разорвал рукав гимнастерки «младшого», перетянул руку жгутом чуть выше раны, затем забинтовал рану. Младший лейтенант зябко поеживался и все сплнее и сильнее дрожал. Дрожь начала бить его, неестественно громко стучали зубы.

— Худо мне, братцы. Кажется, приступ начался.— Лихорадочно блесклыми глазами посмотрел он на Алексея.— Придется, видно, тебе принимать роту, сержант... Соснии контужен, не может подняться.

— Справлюсь ли, товарищ гвардии младший лейтенант? — усомнился Чулков.

— Обязан справиться,— твердо проговорил Козлов.— Ну, чего молчишь? Действуй по Уставу.

— Рота! Слушай мою команду! — разнесся над траншеей звонкий голос Чулкова.— Приготовиться к атаке!..

На плечи Чулкова легли новые, казавшиеся ему непосильными заботы.

Глава восьмая

НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ

С той поры, как началась переправа через Днепр, прошло чуть больше двух часов. Рассвет неумолимо наползал с востока. Побледили звезды и исчезли, будто растворились. От реки поднимался туман, застывая клочьями, постепенно заволакивал и Днепр, и левый берег.

Справа от роты пронзительно хлестали и хлестали выстрелы, будто рвали брезент. Ухало вокруг, звенело до боли в ушах. А время летело, и его никак нельзя было терять зря.

Раненых в роте оказалось шестнадцать человек. Кое-кто из них приковывался к траншее, не желая переправляться назад через Днепр.

Надо бы их похвалить, а Чулков набросился с руганью.

— Ну, куда, куда вас несет? Младенцы вы, что ли? На берег поворачивай.

— А я не хочу на берег,— заартачился один из раненых. Он белесый, с длинными светлыми ресницами и веселыми глазами.

— Хочу не хочу — мамке после войны скажешь...

Раненый добродушно рассмеялся.

— Меня чуток задело, товарищ комроты. Гляньте сами.

Алексей глянул. Бок залит кровью. Сквозь разорванную

гимнастерку и нижнее белье проглядывал небрежно наклеенный пластырь. И не понять: рана или царапина у белесого парня? Заметив колебание Чулкова, солдат весело сказал:

— Спасибо, товарищ гвардии сержант. Еще повоюем,— и, неуклюже козырнув, зашагал к своему отделению. Алексей почему-то не посмел его остановить.

Забот с каждой минутой прибавлялось. Патроны к винтовкам СВТ, диски к автоматам и трем ручным пулеметам Дегтярева, да и гранаты были на исходе. Когда их сумеют переправить с левого берега — неизвестно.

Подошел Росляков, с хитринкой во взгляде спросил:

— Патроны пересчитываешь, товарищ комроты?

— Нет, картошку в лукошке.— Алексей сердито покосился на не вовремя развеселившегося приятеля.— Кто это тебе приклеил улыбку до ушей?

— Докладываю: господа фашисты.

— Уймись. Говори дело.

— Трофейные боеприпасы подсчитал. Часа на три, а может, и на четыре хватит.

Оказывается, во время ночной вылазки Володька обнаружил хорошо замаскированный склад боеприпасов. Там же нашлись и автоматы МП-38 с металлическими откидывающимися прикладами, много рожковых магазинов к ним и гранаты с длинными деревянными ручками. Правда, уж больно долго они не взрываются после броска. Кто-то заметил:

— Оно и к лучшему... Если упала под ноги, хватай ее за хвост и бросай обратно.

Младший лейтенант Борис Соснин наотрез отказался переправиться на левый берег. Отдышавшись в укрытии, что наскоро устроила медсестра Надя под крутым склоном берега, Соснин собрал все силы и поднялся на ноги. Кроме боли в затылке и накатывавшейся волнами тошноты, испытывал он странное равнодушие ко всему, что происходило вокруг.

Вдруг младший лейтенант заметил, что по берегу бестолку мечутся почти три десятка солдат.

— Откуда они? — оживившись, спросил он сестру.

Взмокшая и едва державшаяся на ногах девушка устало ответила:

— Моя забота — раненые. Вон их сколько, товарищ гвардии младший лейтенант...

Резкой командой Соснин подзвал к себе солдат и вскоре выяснил, что все они с разбитых плотов, что выжили буквально чудом. Добирались до правого берега кто как мог: и вплавь, и на бревнах, и на досках, а четверо гвардейцев

из 182-го полка (они служили в батальоне капитана Данько) уцепились за перевернутую вверх дном тяжелую лодку и проплыли не меньше пяти километров. Сильное течение долго мешало им причалить к берегу, и все-таки они преодолели поток и высадились в районе буерака, где начинала действовать группа Чулкова.

Младший лейтенант с волнением отметил про себя: никто из солдат не бросил оружия. А ведь в воде оно пудовое.

— Неробкого десятка команда! — похвалил солдат Соснин. — С этой минуты — я ваш командир. — И представился, пружинисто приложив руку к виску. — Гвардии младший лейтенант Соснин. Будем драться в составе первой роты первого батальона сто восемьдесят четвертого полка. — Отыскав глазами высокого сержанта со свежим шрамом на лице, приказал: — Позже составьте список. Назначаю вас своим помкомвзвода.

Дал знак двум солдатам, чтобы они помогли ему подняться на кручу, и приказал своему вновь сформированному взводу:

— За мной!

Карабкались долго. Слишком крут оказался подъем для человека, пострадавшего от контузии. Но волевой, упрямый младший лейтенант не давал себе поблажки. Худой, высокий, с густой курчавой шапкой жестких, как проволока, волос, был он горяч, неудержим в своих порывах.

Добрались до карниза.

— Осторожно. Головы не поднимать. Рассредоточиться по карнизу.

Соснин знал, что первая траншея врага захвачена. И все-таки считал, что осторожность не помешает.

Раздвинув траву, убедился: береговая траншея пуста. Пошарил биноклем ее дальний край, ходы сообщения — картина та же. Подумал вслух:

— Значит, рота ушла вперед.

Но что это? Младший лейтенант принял к окулярам бинокля. Извиваясь змеей, к траншее полз человек. Вот он вскочил, рывком достиг окопов и мягко скатился вниз.

«Зачем нашим ползти к уже захваченной траншее? — задал себе вопрос Соснин. — Немцы! Это же немцы...»

Все стало ясно. Гитлеровцы, убедившись, что прибрежные траншеи пусты, занимали их, чтобы отрезать роту от своих, ударить по ней с тыла и уничтожить. Секунды шли... Один за другим солдаты в серых мундирах прыгали в траншею, рассредоточивались вправо и влево.

«Что же это я, болван, бездействую?» — обругал себя Соснин и передал по цепи:

— Приготовиться к атаке!

Доложили: отделения готовы.

Взвод рванулся к траншее.

На стороне советских солдат была внезапность. Они свалились на врагов как снег на голову...

Автоматные очереди, взрывы гранат и ликующее «ура» слышали в роте. Алексей понял, какую ошибку допустил, не закрепившись в береговой траншее. Еще не зная, кто там пришел ему на помощь, он послал подкрепление атакующим.

Бой у береговой траншеи еще не закончился, а связной, посланный младшим лейтенантом Сосниным, уже докладывал о сформировавшемся взводе.

— Гвардии младший лейтенант предлагает влить новый взвод в состав нашей роты.

— Кто же откажется от пополнения? — живо отозвался Алексей. — Передай Соснину, чтоб прислал список взвода. Кто, откуда... Да он сам знает, как падо. Бегом!

Вместе со списком взвода младший лейтенант прислал сведения о потерях. При штурме, уже, казалось бы, прочно захваченных окопов погибли трое и получили серьезные ранения пятеро солдат.

«Не умею, не умею я вести бой, нет у меня тактической сметки, — поедом ел себя Алексей. — Эти три человеческие жизни на моей совести. Надо поскорее сдать роту младшему лейтенанту Соснину...»

Поддавшись чувству неуверенности, Алексей вдруг поймал себя на пугающей мысли: сможет ли рота удержать плацдарм на левом фланге полка, в сущности, не имея соседа слева, если не считать разрозненных подразделений 7-й армии, с которыми пока не удалось вступить во взаимодействие. За срыв такой ответственной операции можно поплатиться головой.

Свои сомнения выложил парторгу...

* Козлов и до этого разговора по растерянному виду Алексея догадался, что творится у того в душе. Тяжко ему, это ясно. И все-таки Чулков показал себя надежным командиром: В него поверили. И поверили не где-нибудь, а в бою...

Парторг решил прийти на помощь сержанту. Надо было одним ударом покончить с его колебаниями... Конечно, проучили Чулкова немцы. Но и это неплохо: за битого — двух небитых дают...

— Ну, что, браток, волнуешься? — Козлов, осунувшийся, бледный, положил руку на плечо Алексею. — Напрасно. Видишь, какой кусок земли отвоевали!

— Так-то оно так, товарищ гвардии младший лейтенант. Только будь на моем месте настоящий командир роты, сейчас

мы бы у Мишурина Рога вели бой. Может, все-таки вам командовать ротой? Или Соснину?

— Я ранен, Соснин еле двигается...

Уловив неуверенность и смущение Алексея, Козлов усадил его на ящик из-под патронов.

— Ну полно, не грызи ты себя. В любую минуту приду на помощь. Но если хочешь начистоту: не нужны тебе няньки. Не нужны, поверь! Ты — прирожденный командир.

Кто-то осторожно тронул Алексея за локоть.

Обернувшись, увидел солдата с автоматом на груди и двумя флягами на поясе. Не сразу Алексей признал в этом до нитки промокшем и перепачканном гвардейце ординарца комроты Раскудря-Кудрявого.

— Мне что прикажете, товарищ сержант?

— А ты откуда взялся?

— По приказанию гвардии младшего лейтенанта, — он взглянул на Козлова, — переправлял на левый берег раненых... Разрешите приступить к исполнению своих обязанностей?

— Что, понравилось в ординарцах ходить?

Подковырка, угадывавшаяся в словах Чулкова, развеселила солдат.

— Ординарец — не роскошь, а воинская необходимость, — оборвал смех Козлов и строго взглянул на Раскудря-Кудрявого. — Предупреждаю, Женья: береечь командира роты пуще глаза...

— Есть беречь! — вытянулся ординарец.

Чулков облизнул пересохшие губы.

— Дали бы попить, друзья-товарищи. Во рту, как в Сахаре...

Ординарец быстро отстегнул флягу от пояса. Алексей жадно припал к горлышку и едва не задохнулся...

Водка!

Сделав над собой невероятное усилие, проглотил обжигающую жидкость и как ни в чем не бывало вернул флягу ординарцу.

— Почему у тебя вода горькая? Где взял?

Тот неуверенно, с опаской понюхал горлышко фляги и вытаращил глаза.

— Это же водка, товарищ гвардии сержант!

— Что-о?! Водка?! Кто тебе разрешил водкой запасаться?!

А ну пиши объяснение...

— Да я... Да мне... Да она же... — запинаясь, бормотал Раскудря-Кудрявый.

Его невнятный лепет потонул в неудержимом солдатском хохоте.

В траншею ввалился младший сержант Серегин, посланный на поиски связистов.

— Товарищ гвардии сержант. Никого не нашел из взвода связи на этом берегу, — доложил он.

— Вот что, Серегин. Кровь из носу, по связь наладить.

— Есть наладить связи! — ответил младший сержант.

Едва Серегин успел уйти, как перед траншеей один за другим разорвались несколько снарядов. Вслед за ними стали хлопать мины. Едкий желтый дым попола по земле, струйки его стекали в траншею... Определенно — артподготовка перед атакой. Алексей подозревал ординарца:

— Бегом по взводам. Предупреди: сигнал к контратаке — красная ракета.

Еще рвались мины, когда Алексей увидел в бинокль поднявшиеся немецкие цепи.

Ах, черт! Не только на участке их роты контратака. Цени гитлеровцев видны и справа. Там асташипцы, а дальше, наверное, рота Себялюбского и передовые штурмовые группы третьего батальона во главе с комбатом Зубаловым.

Плохо, что сосед слева так далеко. На левом фланге ух надо держать остро. В трясине могут быть проходы...

В разгоравшейся звонкой солнечною сентябрьского утра (бабье лето полыхало ярко, цветисто) Чулков попытался разглядеть в бинокль картину боя у соседей справа. Но порыв-желое жинвье быстро затягивалось пылью и желтым дымом от взрывов.

На участке роты атакующие стремительно приближались. Но метров за двести пятьдесят от траншей они залегли, поползали по-пластунски, затем, петляя, начали перебегать с места на место. А ведь рота еще не открывала огня.

В рядах атакующих не чувствовалось всесокрушающего порыва — вот что открыл для себя Алексей. Гитлеровцы боялись. Алексей почувствовал облегчение. Подумалось: одолеем!

Когда до фашистов осталось метров сто, рота открыла жесткий и плотный огонь.

В какие-то секунды цепь немцев, зловеще облитая красноватыми лучами восходящего солнца, сильно поредела и начала откатываться к своей траншее. В тылу у нее вдруг замелькали черные мундиры. Вот они появились на флантах и начали палить из ручных пулеметов.

— Ведь это же всасовцы! По своим строчат! — удивился стоявший в окопе рядом с Чулковым младший лейтенант Козлов.

— Верно. Заградители... Черт знает что могут сейчас сделать!

Гитлеровцы прекратили отход. Вскоре снова двинулись в атаку. На этот раз — двумя эшелонами, цепь за цепью. Когда первая цепь лежала ведет огонь, вторая под ее прикрытием перебегают. Потом первая перебегают — вторая лежит...

Вести прицельный огонь по двум цепям было труднее — приходилось то и дело менять прицел. Потери немцы несли незначительные, и это встревожило Алексея: вдруг повторится то страшное, что пережили и что с трудом преодолели на рассвете?..

— Женья! — позвал Чулков ординарца. — Беги во взвод Кокарева. Пусть бьют только по второй цепи. Первую возмут на себя взводы Козлова и Старостина.

Этот маневр вскоре дал себя знать. Цепи атакующих прекратили перебежку и стали подбираться к траншее по-пластунски. Поражать ползущих было не легко, зато атака развивалась крайне медленно. Да и потери гитлеровцы не переставали нести. Там и тут на золотистом жнивье стили неподвижные мышинного цвета комочки.

Чулков тронул за локоть Козлова, показал глазами на поле.

— Нравится такое украшение земли?

— Не увлекайся, командир. Нужен полный разгром.

— Будет, товарищ парторг.

— А бабушка, может, надвое... О, черт возьми! — неожиданно вскрикнул Козлов. — Смотри влево!

Чулков перевел бинокль на левый фланг... В траншее, занимаемой взводом Старостина, разгоралась рукопашная. Линия обороны роты вместе с береговыми окопами напоминала вогнутую дугу, потому-то гитлеровцам не удалось достигнуть фланга.

Захватив десяток солдат, Алексей помчался по ходу сообщений на левый фланг.

Рукопашная схватка была жестокой и потому короткой. Из-за тесноты ни наши, ни гитлеровцы не могли стрелять — действовали прикладами. СВТ по тяжести не сравнить с немецкими автоматами, да и бойцы у Старостина подобрались один к одному. Туго приходилось гитлеровцам. Взвод справился бы с ними, если бы дело было только в этом. Но следовало немедленно ликвидировать прорыв. Потому-то Алексей и бросился на помощь.

Ни один из ворвавшихся в траншею не ушел оттуда...

Вскоре Алексей заметил, что на правом фланге начала откатываться волна атакующих. Не выдержали огня...

Рванув из-за пояса ракетницу, Алексей выстрелил. Бледная красная точка на пронзительно голубом утреннем небе была куда слабее заметна, чем белая дуга кудреватого дыма, оставляемого горящей ракетой...

И все-таки ее увидели.

Алексей перемахнул через бруствер. Не оборачиваясь, по звукам определил: рота шла за ним. Наступил наимыгоднейший момент — коптратакующие, прикрытые двумя цепями немцев от губительного пулеметного огня, оказались неуязвимы. Алексей побежал быстрее. Догнать врага, догнать... Когда первая цепь столкнется со второй, — забросать их гранатами...

— Быстрее! Быстрее! — звенящим, грозившим сорваться голосом призывал Алексей подчиненных.

Отметил: ординарец Раскудря-Кудрявый мельтешил перед ним — явно прикрывал.

— Приготовь гранаты!

Влево и вправо покатилося:

— Гранаты!.. Гранаты!..

Вот первая цепь поравнялася со второй...

— Бросай!

Вырвав шнур у трофейной гранаты, Алексей с ликующей силой бросил ее. Угодил в спину гитлеровца.

— Ложись!

Взрыв получился слитный, страшный. Этот взрыв вырвал из смешавшихся цепей немало вражеских жнзней.

Но беда не обошла и роту. Увлечшись преследованием, некоторые из солдат не успели вовремя упасть и сами пострадали от осколков. Сквозь зиявшие прорехи вражеской цепи засвистали огненные мухи. Это из траншеи стреляли эсэсовцы.

Но вот стрельба прекратилась. Черными букашками из окопов выпрыгивали и расползались эсэсовцы. Бойцы перегоняли Алексея, занимали вражеские укрепления.

Немедленно надо было решать: закрепитья ли здесь или с ходу атаковать следующую линию обороны. Не повторит ли он почной ошибки? Вряд ли.

— В траншее не задерживаться! Вперед! Вперед!

Следующая линия обороны оказалась пустой, и это было неожиданным счастьем. Удача не приходит одна — в окопах обнаружили боеприпасы к автоматам и пулеметам, четыре ящика пистолетов системы «вальтер», патроны к ним и большую партию гранат с длинными рукоятками. Нашли здесь и продовольствие, что особенно было кстати для проголодавшихся

солдат. В термосах сохранился горячий завтрак: толстые свиные сосиски с капустой свежего посола; в нос ударил пахучий кофе; в ящиках нашлись какие-то консервы, сухая колбаса, розовое, в три пальца, сало, яйца с аккуратной треугольной пометкой крошечным штемпелем.

У солдат ходили кадыки — не успевали заглатывать голодную слюну. Поглядывали на Алексея, ждали команды: «Налетай!»

А Чулков медлил: вдруг продукты отравлены? Поделился своими сомнениями со взводными. Как бы проверить? Но тут перед ним вырос Раскудря-Кудрявый.

— Разрешите доложить, товарищ комроты: химический анализ проведен по всей форме — проба с продуктов лично мною снята. Если не загнусь через минуту, кушайте на здоровье.

— Кто же тебе позволил? — тихо, измученным голосом спросил «младшой».

— Докторов у нас, товарищ гвардии младший лейтенант, не имеется, а кому-то ведь надо первому?

— Ну, что ж, тогда действуй за начпрода, — сказал Алексей. — Распределяй по отделениям и взводам. Оставь кое-что на обед и ужин.

— На ужин-то, поди, в наши поднесут, — хитровато ухмыльнулся Женья, — стоит ли оставлять, товарищ гвардии сержант? Оголодали ребята...

По одобрительным взглядам командиров взводов Чулков понял, что они целиком на стороне ординарца. Пришлось отменять распоряжение, но все-таки какой-то запас на обед Чулков попросил оставить: кто знает, что с ними случится до той поры?

Ординарец лихо вскинул руку.

— Будет исполнено. — И неожиданно тонким голосом, похожим на перетянутую струну, готовую вот-вот лопнуть, завопил: — А ну, атделенные!.. У которых солдатушки есть-пить хотят!.. Налета-а-ай!!

Выходка эта вызвала дружный смех. А Женья, почувствовав поощрение, продолжал:

— Ат-тделенные!.. В колонку по одному! С плащ-палатками в руках... с котелками в зубах!.. Ста-а-апа-вись!!!

Надо было срочно решать вопрос с ранеными. Медсестра Надя, всегда исполнительная, строгая по характеру и требовательная, и двое сапитаров почему-то не появились на поле

бой. Несколько раненых в траншею доставили на своих плечах их товарищи.

«Неужто мина угодила в санитаров?» — со страхом подумал Алексей, тревожась за Надю. Хорошая девушка, своя какая-то, будто за одной партой сидели.

Поручил Карпухину выяснить, что случилось с Надей и санитарями...

К этому времени поспел завтрак. Ординарец Женья, наскоро очистив полуразрушенный блиндаж, расстелил на полу плащ-палатку, разложил на ней яства и, явно гордясь собою, пригласил Алексея «к столу». Тот сначала опешил, потом начал наполняться гневом.

— Это что такое? Одному мне? И водка тоже? А ну, введи-пых сюда!

Женья по-детски обидчиво отвернулся в угол.

— Вот и гвардии старший лейтенант были... с фокусами...

— Тебе сколько от роду?

— Восемнадцать.

— А мне, думаешь, больше?

— Так я ж... от полного моего уважения! — Демонстрируя избыток чувств, Раскудря-Кудрявый прижал к груди ладонь.

Алексей вздохнул.

— Зови командиров взводов... и Рослякова тащи.

Водку выпили до капли. С жадностью ели, возбужденно обсуждая только что закончившийся бой. Даже Козлов, отличавшийся в последнее время «птичьим» аппетитом, уплетал сейчас за обе щеки. Яйца пили сырыми, бросая шепотки соли прямо в рот. Рекорд побил Росляков — он выпил восемь штук. На спор.

Но что-то нарочитое улавливалось в его браваре. Сидел Володька кособоко и нет-нет болезненно кривился.

— Ты что гримасничаешь? — подозрительно взглянул на него Алексей.

— Жадность одолела...

— Ранетый он, товарищ комроты, — непримиримо сверкнул глазами в полумраке блиндажа Раскудря-Кудрявый.

— Я ж тебя просил, пустомеля...

— Куда ранен? — строго оборвал Рослякова Алексей. — А ну пойдем на свет...

Рана у Володьки была, к счастью, не очень серьезной: пуля насквозь пробила мякоть под мышкой левой руки. Но бинт оказался грязным, пропитался кровью, намотали его наскоро, небрежно. Как выяснилось, Росляков сам себя бинтовал.

— Вот что, удалец, — сардито проговорил Алексей, закан-

чивая перевязку. — Немедленно к берегу! Вдруг заражение крови...

Володька нахально усмехнулся и тихонько послал друга к черту.

Алексей вспылil. Они поругались. Но ругались шепотом, не желая обижать перед взводными дружеских чувств друг к другу.

— Не пойду, что хочешь делай! — повысил голос Росляков.

— Не ори! Антонов огонь прицепится, сам взвоешь, да поздно будет.

Росляков сдвинул брови.

— Я не лысый... Вон сколько раненых в строю! А мне, выходит, поблажка?

Что с ним делать? Не отправлять же на берег под конвоем...

Злился Алексей на товарища, но злость вытесняло зарождавшееся в глубине души чувство уважения. Скромный и тихий был в школе, сдержанный в училище, а каким орлом показал себя в бою!

— Справишься помкомвзводом у «младшего»? — деловито спросил Алексей.

— А почему меня, рядового, на такую должность?

— Тебя учили командовать взводом, а если потребуется, и ротой. Не зря же тратили силы и средства.

— Что ж, если надо...

— Надо, Володя. Тяжело Козлову... И приступы, и рана. А он парторг... Взвод, если откровенно, на твои плечи ляжет.

Росляков пошевелил плечами, не сдержал улыбки.

— Плечи, как видишь, не хрупкие. Не заставляй хвастаться. Приказ есть приказ. Выполняю!

Козлов обрадовался, когда Алексей, не решаясь приказывать офицеру, предложил ему взять помощником Рослякова.

— Вот спасибо, — простецки ответил «младшой». — Теперь хоть душа будет на месте.

Когда о принятом решении Чулков объявлял взводу, он перехватил ненавидящий, исподлбья, взгляд Самонова.

«Не забыть бы вечером написать рапорт комбату. Разжаловать надо сукина сына», — напомнил себе Алексей.

Из блиндажа выглянул Старостин.

— Что-то подозрительно тихо, — обеспокоенно сказал он, тыльной стороной ладони стирая с губ яичный желток. — Может, самым пощекотать фрицев? Узнать их намерения...

— Разведка нужна, но не боем. Главное сейчас — удерживать захваченное...

— Добро, — согласился Старостин. — Еще двоих пошлю в разведку. По камышам Уступа, в направлении Мишуряна Рога пусть пошарят.

Из-за уступа траншеи появился Карпухин.

— Ну? Что сделано? — Чулков нетерпеливо взглянул на ефрейтора.

Тяжело дыша, вытирая с лица обильно струившийся пот, Карпухин доложил, что все раненые перенесены на берег. Надя контужена, ее надо отправлять в медсанбат.

— А санитарам я морду набил, — необыкновенно мрачно закончил доклад Карпухин.

— Что это... руки распускаешь?

— Их, сволочей, расстрелять надо.

Двое пестроевиков-санитаров, оказывается, без медсестры едва не удрали со страху на левый берег. Благо, и лодок, и плотов набралось немало. Человек пять раненых, что сами кое-как ползли к берегу, они подобрали, а других выносить побоялись.

— Струсил, товарищ комроты, — кипел Карпухин. — Самым подлейшим образом струсил. Ну, я и... смазал обопм.

— Правильно сделал, — авторитетно изрек сержант Кокарев, будто резолюцию паложил. Карие глаза его стали черными от гнева.

— Где санитары?

— Здесь они. Дрожат, как суслики...

— А кто с ранеными остался?

— Приглядывает Дерюгин из нашего отделения. Его самого чиркнуло.

Санитары заслуживали строгого наказания. Но довольно с них было и карпухинских тумачков. Меловые лица обопм «дядьков» вызывали брезгливость. Алексей отпустил их, пригрозив судом трибунала, если впредь оставят на поле боя хотя бы одного тяжелораненого.

Вернулся Карасев, тот, что вместе с Серегиным и Дергачевым отправился налаживать связь с батальоном. Был он ранен и едва держался на ногах. Его сообщение было грустным: в двух километрах отсюда заняла оборону вражеская рота, усиленная пулеметами. Окпы немцы вырыли наспех, но хитро — перпендикулярно к реке; таким образом они рассекли линию обороны батальона. К своим теперь не пройти даже низом — узкая полоска берега хорошо простреливается. Связные решили пробраться по воде, но около берега глуби-

на оказалась с «головкой». К тому же течение там очень сильное, продвигаться пришлось с большим трудом.

Их обнаружили и обстреляли из пулеметов. Серегин и Дергачев сразу же исчезли под водой, видно, клюнула пуля, а ему, Карасеву, удалось выкарабкаться...

Алексей попытался уточнить обстановку. Как окопы обращены к ним — тылом или фронтом? Карасев сказал, что тылом. Неужели немцы не знают, кто действует здесь? Нет, этого быть не могло.

Все спуталось, смешалось, все представлялось в искаженном свете. Созванные для совета командиры взводов не успели разобраться в обстановке. Послышался нарастающий рев, и вслед за ним показались «юнкеры». Они шли над самым берегом.

Взводные стали гадать: к переправе идут или на них? Ответа долго ждать не пришлось. Первая тройка стала заваливаться на левое крыло; с душераздирающим воем самолеты пошли в пики. Длинная бомбовая очередь рванула в полосе второй траншеи. Траншея была пуста. «Младшой» сразу же оценил этот факт.

— Давай, фрицы, давай! Молодцы!

Все возликовали. Ошибка врага доставила им с чем не сравнимое удовольствие.

Минут пятнадцать продолжалась бомбежка. Пыль и дым окутали все вокруг. Грязно-серые клубы вздыбились над землей и прочно прикрыли солнце.

Алексей подумал, что у летчиков старые данные, но ведь их могут быстро поправить.

Самолеты еще не успели скрыться, а он приказывал взводным:

— В разбитую траншею! Сейчас же в разбитую траншею! Бегом!

— Ты что, ошалел? — удивился Соснин. — Отступить? Фрицы ж мигом засядут на наше место!

— Не рассуждай много, младший лейтенант! Правильное решение, — заметил Козлов и первым тяжело побежал к своему взводу.

Через несколько минут рота заняла подвергшуюся бомбежке траншею. Боже, что с ней стало! Через каждые пятнадцать-двадцать метров — воронка.

Предчувствие беды не подвело. Пыль еще не осела, а над головой снова ревели самолеты. Фашисты бомбили только что покинутую траншею. Бомб попало еще больше. Видимость совсем исчезла — сплошная пылевая завеса. Пахло гарью, чад и пыль забивали ноздри, слезились глаза.

Как только самолеты ушли, Алексей послал вперед на границу видимости боевое охранение. Ничего опасного солдаты не заметили. Покинутая траншея казалась пустой.

— Ну, каково мнение? — спросил Алексей «младшего».

— Ведь решил... Отдавай команду.

— Ты думаешь, фрицы не успели занять траншею?

На всякий случай все были готовы — черт его знает, какой сюрприз приподнесут гитлеровцы?

Быстро преодолели пространство между траншеями. Верно — никого.

И все-таки боевое охранение допустило ошибку. Обследовав центр и правый фланг, разведчики решили, что вся траншея пуста. Но оказалось: левый фланг ее фашисты успели занять сразу после отхода роты. И попали под свои же бомбы...

То, что представилось взору, вызывало отвращение, тошноту. Ход сообщений был набит обезображенными трупами. Видимо, скопившись на левом фланге, немцы не успели расконцентрироваться... Хотелось бежать от траншеи подальше. Но куда убежишь? Пришлось терпеть...

Слева, где находился взвод Соснина, вдруг вспыхнула ожесточенная перестрелка. Когда туда прибежал Алексей, Соснин был мертв.

Произошло следующее. Заняв траншею, он решил проверить воронки. Две из них оказались пустыми, а в следующей — сразу одиннадцать гитлеровских солдат. Несколько Соснин успел уложить, прежде чем вражеские очереди почти пополам разрезали его. Будучи смертельно раненым, он еще стрелял. Это рассказали взятые в плен гитлеровцы.

Глава двятая

СВЯЗЬ

— Товарищ комроты, прибыл майор Баранов.

Слова ординарца как-то не сразу доходят до Алексея Чулкова. Он сидит в траншее, привалившись к земляной стене. Ноет сердце — еще одного офицера нет, и какого офицера! Алексей и хочет, и старается, и не может вырваться из состояния одеревенелости.

Но слова ординарца беспокоят. Баранов... Кто такой майор Баранов? Что ему тут нужно? Где он слышал эту фамилию? Майор Баранов, майор Баранов?..

И вдруг вострепнулся, вспомнил. Это же редактор дивизионной газеты «Родина зовет». Писал интересные очерки, живые заметки, зарисовки из окопов. Больше всего нравились солдатам стихи Баранова. Нравились конкретностью, тем, что воспевали не подвиги вообще, а подвиги солдат и офицеров дивизии, людей, которых хорошо знали.

Пусть бой мы ведем в бездорожьях
И кручи нам брать нелегко,
Но всюду дорогу проложат
Бойцы офицера Данько.
Зубалов! В бушующем пламени
Отважно идет впереди,
Два ордена Красного Знамени
Недаром горят на груди.
Сквозь реки, овраги, долины,
Сквозь гром на проторенный шлях
Ведет нас вперед, Украина,
Твой сын знаменитый Мошляк.

Алексей представлял редактора дивизионки почему-то бородатым, с мощной копной длинных волос, зачесанных назад. А Баранов был обыкновенным фронтовым офицером, усталым и каким-то закопченным. Подошел, стряхнул землю с гимнастерки — видно, пришлось ползти — присел рядом, улыбнулся открыто, заговорил... Спустя пять минут Алексею уже казалось, что с майором Барановым знаком он давным-давно.

Долго расспрашивать о делах роты редактору не дали — забросали встречными вопросами. Всем хотелось знать, как воюют другие. Все жаждали новостей.

Майор повял солдатскую нужду и рассказал все, что знал сам...

Нелегкой оказалась обстановка к рассвету и в батальоне майора Сентюрина. Две передовые роты ворвались в Куцеволовку, что никакими планами и приказами не предусматривалось. Но как не воспользоваться случаем, когда враг бежит? С ходу брали траншею за траншеей. И, главное, с малыми потерями.

Вскоре гитлеровское командование спохватилось. Оно установило, что действуют против них чуть больше двухсот человек. (Остальные еще не успели переправиться.)

Сентюринцев атаковал свежий батальон из резерва, сумел охватить фланги.

В предрассветной мгле по цепи пронеслось страшное слово: «Окружены». Майор послал за капитаном Зориним. Веселый, живой капитан, казалось, никогда не уставал и везде успевал побывать. Его любили за безудержную храбрость, до-

ходившую порой до безрассудства. Но странное дело — безрассудство никогда не кончалось для капитана плачевно.

Только такому офицеру по плечу было задуманное командиром батальона.

— Вот что, Семен. Или голова в кустах, или грудь в крестах. Что по душе?

— Это смотря, что надо сделать, — в обычной для него веселой манере ответил Зорин.

Сентюрин развернул карту... Разговор закончил словами:

— Успех операции возможен при единственном условии: если успеем до рассвета.

— Успеем, — твердо ответил капитан.

Через несколько минут звонко и грозно загремело, заухало в том краю Куцеволовки, где был возможен единственный выход из клещей. Немцы, уверенные, что именно на этом участке и состоится решающее сражение, сосредоточили здесь все основные силы и всю огневую мощь. А роты — одна под командованием Сентюрина, другая — Зорина — вместо того, чтобы прорываться назад, к берегу, ударили по ослабленному фронту противника вправо и влево, вышли в тыл фашистам и атаковали их с тыла. У врага создалось впечатление, что на помощь окруженным подошли свежие силы. Немецкий батальон в беспорядке стал отступать, опасаясь окружения.

Этого и добивался майор Сентюрин. В узком месте, которое враги никак не могли миновать, комбат поставил два трофейных пулемета и устроил «горячую» встречу гитлеровцам.

К рассвету батальон был основательно потрепан. Немцы так и не поняли, что против них действовали все те же две роты.

Куцеволовку все-таки пришлось оставить — надо было сохранить силы. Если ночью противника удалось ввести в заблуждение, то днем он сообразит, что к чему.

Быстро собрали оружие и боеприпасы. Последнее было кстати: переправлять боеприпасы через Днепр не простая задача. Позиции оставили незаметно, чтобы дезориентировать противника...

— Мы слышали раскаты грома справа от нас. Может быть, это у Сентюрина? — спросил кто-то, прерывая рассказ Баранова.

— Это другое, — возразил майор. — Переправу бомбит фашист. Крушит все, подлец. Пока наша авиация не подойдет, придется держать плацдарм наличным составом. Назад пути все равно нет.

— Это точно, товарищ гвардии майор, — кивнул Алексей.

В течение следующего часа рота отбила еще две вражеские атаки. Затем Алексей поднял солдат в контратаку. Не сделал и десятка шагов, как вдруг молния вспыхнула перед его глазами и сильная воздушная волна опрокинула навзничь...

Очнулся Алексей от того, что голову его мотали из стороны в сторону, причиняя острую боль.

— Вы что, с ума сошли! — громко сказал он, вырываясь. — Колотите и колотите по голове!..

А голову, оказалось, перевязывали.

— Ожил комроты, — весело, но, как показалось, шепотом сказал кому-то ординарец.

И тут Алексей поймал взгляд Рослякова. Тот стоял в некотором отдалении. Алексей видел, как шевелились его губы, но слов разобрать не мог.

«Контузия», — сообразил Алексей.

— Где мы? Как атака?

— Сбили немца, опрокинули! — на ухо прокричал Росляков.

— Потерп?!

Володька махнул рукой.

— Ну?!

— Не считал! Думаю, половина роты полегла! Кокарев доложит.

Полежав еще минут пять, Алексей поднялся. Подошел майор Баранов с немецким автоматом на плече — трофей! Во время атаки он действовал в боевых порядках, как рядовой.

— Ну, командир, мне пора на тот берег. Газета должна выйти в срок. А материалу набрал на два номера.

Преодолевая головную боль и тошноту, Чулков проводил майора по траншее до места, откуда до берега надо было ползти по-пластунски.

Во время передышки роту наконец направили и кое-как накормили. Алексей опять разругался с Росляковым — тот, пренебрегая субординацией, начал настойчиво советовать Чулкову эвакуироваться на левый берег. Получив отпор, Володька куда-то исчез и возвратился с немецкой рацией. Подробности о том, как добыл Росляков рацию, рассказали солдаты. Заметив метров за двести от траншеи двигающийся штырь антенны, силами своего отделения отрезал путь вражескому радисту. Тот, отстреливаясь, ранил двоих солдат, но и его нашла пуля. Рация оказалась исправна. А нуждался в ней больше, чем в пище. Не давалась связь с батальоном, несмотря на все попытки. Час назад от командира полка Луценко прибыл радист, каким-то чудом переплывший Днепр. Добрался до траншеи, но перед тем, как перебраться через

бруствер, навлек на себя пулеметную очередь, и радиостанцию насквозь пробила пуля. Еще утром к роте случайно прибился радист-кавказец. Но и у него рация была разбита.

Два радиста, которых свел случай, колдовали теперь над трофеем. Алексей поинтересовался, есть ли надежда на связь? Заверили оба в один голос:

— Есть. Есть.

Наконец, ординарец доложил:

— Есть связь, товарищ гвардии сержант.

Алексей помчался к радистам. Голова по-прежнему кружилась и болела. Казалось, ее стянули стальным обручем. Алексея тошнило, но он крепился. Одна мысль — наконец-то связь есть — наполняла радостью и торжеством. Уж теперь-то все наладится...

— Быстрее, быстрее, товарищ комроты, — кричал полковой радист. — Питание кончается... Умеете обращаться с рацией?

Да, Чулков умел. Уверенно взял микрофон, доложил как положено. В ответ послышался не очень четкий, властный голос, который показался знакомым. Собеседник, однако, не представился.

Разговор был предельно осторожным — говорили открытым текстом. Алексея Чулкова поздравили с одержанной победой. В ответ Алексей намекнул на потери, но почувствовал, вряд ли его поняли. Разъяснять и уточнять не решился. Сказал, что единственный офицер, парторг Козлов, хотя едва ноги посят, но «дерется, как лев». Собеседник иронически отнесся к пылкому сравнению. Обозлившись, Алексей в энергичных выражениях стал доказывать, что их «младшой» — душа подразделения, их солдатская совесть... Но тотчас в ответ услышал предостережение — меньше слов, и приказ: продержаться до ночи. Не исключено даже, что уже в ближайшие часы у них кое-кто появится. А до той поры он, командир роты, обязан...

Но тут голос собеседника начал слабеть и смолк совсем. Чулков некоторое время дул в микрофон, встряхивал его, кричал: «Алло, алло» — все напрасно.

— Не поможет, товарищ гвардии сержант, — сказал полковой радист. — Питание кончилось.

С сожалением Алексей передал ему наушники. Хорошо хоть, что все успел сказать... И тут же спохватился: он же ничего не попросил. Ай, растяпа! Как он мог забыть? Ведь нужны и боеприпасы, и горячее питание, и медикаменты. Хотя бы одну сестру и санитаря...

Но что теперь-то поделаешь? Досадуя на себя, Чулков рассеянно спросил:

— А с кем я говорил?

— Как это с кем? — удивился радист. — С комдивом Мошляком.

Алексей некоторое время обалдело смотрел на радистов. Вот это да, а он-то разорялся... Думал, говорит с кем-то из офицеров батальона...

...В блиндаже собрались командиры взводов. Алексей доложил им о разговоре с командиром дивизии... Затем попросил Козлова пригласить коммунистов. Повторил и им о приказе комдива. В заключение сказал, что в такой обстановке приказ командира дивизии, лично обратившегося к роте, — огромная для них честь. Поднялся Козлов. Помолчал, вглядываясь в лица. Строго и просто, без патетики, сказал:

— Клянемся, что не уйдем отсюда, пока живы.

Глава десятая

ПОЛЫХАЕТ ДНЕПР

После того как командиры взводов и коммунисты покинули блиндаж, Алексей прилег на топчан. Но лежать было некогда — надо было пойти по взводам, подсчитать боеприпасы. Встал, откинул плащ-палатку и нос к носу столкнулся... со старшиной Буровым. Алексей остолбенел и лишился дара речи. Сергей Кузьмич! Стоит и сияет белозубой улыбкой... Откуда? Уж не привиделся ли?.. После контузии всякое бывает...

Инстинктивно Алексей коснулся груди Бурова и потянулся к его усам...

— Гав! — клацнул тот зубами.

Чулков испугался, отдернул руку. Они оба рассмеялись, начали хлопать друг друга по плечам, обнялись. Обнимая старшину, Алексей нащупал за его спиной катушку с телефонным проводом. Так и есть: две катушки, два телефонных аппарата.

— Ура! — почему-то шепотом проговорил Алексей. — Связь. Связь. Наконец-то! А что там, как? Прошу вас, быстро, пока не началось.

У старшины была куча новостей. Капитан Борисов едва не погиб. С переправой совсем худо, враг бомбит и бомбит, проклятый, все топит, все убивает...

— А как в полку? Что другие батальоны?

— Э, мылый! Це ж не мово разума дило...

— Ну все-таки? — не отступал Алексей.

— Отличився батальон Зубалова тай сосид наш Асташин. Орлы. Кажуть, геройски воюють, а я ж толкую — мои байстрюкы усим нос утруть.

Старшина ухитрился перебраться через кипящую реку в полной лодкой разных запасов. Самое главное — катушки. Чулков их тотчас пустил в ход. Ни одного телефониста у них уже не осталось. Пришлось поручать дело радистам.

Порадовал старшина и другим ценным подарком. Двадцать автоматов ППШ с круглыми дисками, новенький 82-миллиметровый миномет с добрым запасом мин. В их положении еще один миномет очень кстати.

Лодка старшины оказалась вместительной. А главное — с мотором. Уму непостижимо, где он отыскал ее? Оказывается, отыскал в рыбацких тайниках.

Буров все присматривался к Алексею, будто оценивал. Прислушивался к его разговорам со взводными, его распоряжениям. Когда опять остались вдвоем, старшина разулыбался:

— Молодчина. Вжэ командир роты. Тильки... — старшина поколебался и продолжал: — Разумнешь, якась заковыка?.. Спокойниш трэба, повыгы... Ту, как это? Весомость, разумнешь? За всех усе не зробишь.

В точку бил старшина. Чулков действительно старался за всех сделать все сам. Эту ошибку извечно повторяли молодые командиры.

От Мишурина Рога беглый огонь повела немецкая артиллерия. Впереди и сзади загрохотали частые разрывы.

— Опять началось, — сказал Алексей. — Вы, Сергей Кузьмич, побудьте тут, а я — к Кокареву.

Вид у Кокарева был обескураженный. Чулков понять не мог, что с ним происходило? Всегда был подтянут, уверен в себе, а тут глаз от земли не поднимает.

— В чем дело? Чего ты рукав жуешь?

— Самонов пропал, — выдавил из себя командир взвода. Этого еще не хватало! Пришлось выяснять обстоятельства.

Кокарев убедился, что Самонов трус. Решил помочь человеку взять себя в руки. В горячке боя снова назначил Самонова командиром отделения. Сначала вроде бы помогло; при отражении атаки Самонов командовал неплохо, а когда атака повторилась, опять заметался, приказания отдавал путаные, в штыковой прятался за спины солдат. А потом и вовсе пропал.

— Может, ранен, убит?

— Все обыскали. Нигде нет. — Кокарев замаялся. — Конечно, может, и не он, только тут солдат один видел... Утонул, говорят.

Солдат из взвода Кокарева подтвердил: он видел, как Самонов кубарем скатился с обрыва и бросился в Днепр. Но проплыл всего метров двадцать-тридцать. Ушел ко дну...

Чулкова подмывало сказать: «Собаке — собачья смерть».

Воздержался. Тут разбираться надо. Приказал удрученному командиру взвода написать рапорт. Но сейчас было уже не до рапорта. Фашисты пошли в контратаку. На этот раз подбирались по-пластунски. Жали на фланги. Особенно на правый — тут они, видно, заметили слабину.

Вражеские пулеметы не давали поднять головы. На глазах гибли люди. А гитлеровцы ползли под прикрытием плотного огня. Пришлось выжидать, пока поднимутся в атаку...

Встретили шквальным огнем.

И так повторялось трижды...

Наконец откатились.

Когда затих грохот взрывов, трескотня пулеметов и автоматов, Алексей из конца в конец обошел траншею. Жалкое она впечатление производила. Воронки, воронки... Восемь убитых. Шестеро раненых. Их отправили к берегу.

Тревогу вызывало состояние солдат. Физические их силы истощались до предела. Правда, и гитлеровцы измождены. Сомнительно, чтобы они решились в ближайший час-полтора предпринять новую атаку: измотанные вконец, вряд ли они сумеют за такой срок восстановить силы.

К Алексею подошел Буров в сопровождении Раскудри-Кудрявого.

— Что, старшина?

— Лыхо, командир, лыхо.

— Знаю. Что предлагаете?

— Е у мене задумка. Байстриук цей, — старшина кивнул на ординарца, — може, достаты воды скільки треба.

— Зачем? Люди напились уже.

— Треба освежити гвардию. А байстриук камеры автотомбильны найшев. Це ж по две цибарки у каждой камеры.

Алексей посмотрел на старшину, на ординарца... Освежающее купание? А что — мысли! Правда, и опасность немалая — вдруг внезапная атака? Поговорил с Козловым. Решили: была не была... Один солдат свободно снесет две камеры. В каждой камере по два ведра воды. А озеро Уступ — рукой подать.

Примерно через час по двое — по трое, кто до пояса, а кто и голышом, солдаты сладко ухали и охали под тонкой струйкой воды. Дожидавшиеся своей очереди глядели в оба, готовые к бою.

Командиру роты сливал сам старшина. За все свои восемнадцать лет Алексей не испытал большего блаженства, чем от этого траншейного купания. Благоприятно действовало оно и на младшего лейтенанта Козлова. Желтые щеки его порозовели, опала припухлость век, исчезла краснота.

После купания Алексей вернулся во взвод Кокарева и, привалившись к теневой стенке траншеи, незаметно задремал.

Разбудил его окрик часового:

— Стой! Стреляю...

В ответ — голос из ложка, спокойный и властный:

— Тихо, гвардеец. Тихо.

— Прошу не поднимать головы, — предостерегающе крикнул Чулков, окончательно приходя в себя. — Ложок простреливается.

Два офицера, распластавшись на земле, поползли медленней, осторожней и вскоре один за другим ловко попрыгали в траншею. Первый — капитан Борисов, комбат. За ним полковник Мошляк. Гимнастерка в пыли, в черных потеках лицо. Алексей вытянулся по стойке «смирно». Надо было докладывать, а он молчал...

Мошляк вскинул взгляд на капитана, кивком указал в сторону Алексея.

— Оя?

— Так точно, товарищ гвардии полковник.

— Вы что же, товарищ гвардии сержант, языки лишились? — весело поинтересовался комдив. — Ну давай присядем. — Полковник показал глазами на ящик из-под гранат. — Садись, не стесняйся.

Алексей опустил на ящик, как во сне. И сразу пришел в себя. Набрал полные легкие воздуха, бойко начал докладывать:

— В четыре тридцать штурмовая группа в составе семнадцати человек высадилась на правом берегу Днепра. Захватили траншею примерно на двести — двести пятьдесят метров по фронту. Использовать панику врага полностью не удалось из-за тяжелого ранения командира роты. Сначала командование принял командир первого взвода младший лейтенант Козлов, а после его ранения пришлось возглавить мне. Из-за этой заминки упустили выгодный момент для развития наступления...

— Гм... Критически мыслящего командира воспитали в батальоне, товарищ Борисов, — вроде бы одобрительно, но в то же время и насмешливо заметил полковник.

Капитан взглянул на Чулкова проницательно.

— Гвардии сержанта хлебом не корми, а дай на митинге речь закатить.

— Да что вы говорите?! — улыбнулся Мошляк. Топ веселый, подхлестывающий. — Продолжайте, сержант.

— Контратаку пемцев мы отбили... Но... — Алексей замаялся. Сгладить или уж действительно гнуть правду-мат-

ку? — Увлечлись малость преследованием, товарищ гвардии полковник... Всыпали нам фашисты.

— Сколько отбито контратак?

— Как их считать?.. Все время отбиваем и сами атакуем.

— А точнее?

— Четыре, — опять вмешался Борисов.

И откуда он так хорошо информирован?

Собравшись с мыслями, Алексей вполголоса стал рассказывать о мужественной смерти младшего лейтенанта Соснина. Не мог не сказать он и о своем парторге роты Козлове.

— И роты не было бы, не будь парторга! — порывисто заключил Алексей свой доклад.

Вмешался капитан Борисов. Он вдруг стал хмурым.

— Считаю, что временно исполняющий обязанности командира роты гвардии сержант Чулков скромничает...

Комдив жестом остановил комбата.

— Оценим их подвиги, по достоинству оценим. А за высокое мнение о своих товарищах по оружию, за то, что болеете за них, солдатское вам спасибо.

Полковник, не поднимаясь, обнял Алексея рукой за плечи и не очень сильно встряхнул. Увидел стоявшего в стороне Бурова.

— А, Сергей Кузьмич, и вы здесь! Опередили, опередили командира дивизии.

Первый раз Алексей увидел, как заалело от счастья и оказанной ему чести лицо старшины Бурова. В очень и очень редких случаях полковник Мошляк называл своих подчиненных по имени-отчеству.

Комдив взглянул на капитана Борисова.

— Начнем с осмотра, товарищ гвардии капитан?.. Пусть командир роты покажет оборону.

Давно Алексей Чулков ждал этих слов. Очень было беспокойно у него на душе. Вдруг контратака или высокое их начальство накроет мипой или снарядом? Ужас!

Подгоняемый этими страшными мыслями, Чулков быстро двинулся по траншее. Шел впереди, не думая о том, нарушает он или нет законы субординации.

Мошляк осмотрел оборону, поговорил с солдатами. Командиров взводов и отделений приказал собрать в блиндаже. Перед ними официально одобрил действия роты. Строго заметил, что следует еще больше укрепить фланги, так как действуют они оторванно от батальона. Замечаний набралось более десятка. И в каждом — забота о жизнях солдат, о лучшей боеспособности роты.

Затем комдив официально назначил гвардии сержанта Чул-

кова командиром роты и возложил на него всю ответственность за выполнение задания командования. Подав команду «Смирно!», перед строем младших командиров объявил:

— Командира роты гвардии сержанта Чулкова за проявленную инициативу, доблесть и героизм представляю к званию Героя Советского Союза... — Помедлив, комдив добавил: — Сегодня же товарища Чулкова представляю к офицерскому званию... Товарищ капитан, — обернулся полковник к командиру батальона. — От моего имени пошлите начальнику училища письмо... поблагодарите за отличную подготовку. Толковым, доблестным будет офицером!

Алексей не нашел слов для ответа; только переступил с ноги на ногу, грубейшим образом нарушив команду «смирно». Полковник, однако, сделал вид, что не заметил нарушения.

— К высоким наградам представим командиров взводов, отделений, отличившихся гвардейцев.

— Служим Советскому Союзу!

...Начальство отбыло. Все облегченно вздохнули. Чулков вздрагивающей ладонью вытер холодный пот со лба.

Комдив, верно, не успел еще добраться до берега, когда гитлеровцы вновь атаковали. Сначала «сыграл скрипун» — немецкий шестиствольный миномет. Шквал огня грохочущими синими молниями засверкал позади траншеи. Об этом миномете слухи ходили грозные. Алексей постарался засечь место расположения «скрипуна».

Только он хотел сообщить об этом Рослякову, как на глаза попался незнакомый младший сержант.

— Кто вы такой?

— Где командир роты? — на вопрос вопросом ответил тот.

— Я командир роты.

— Приказано поддержать вас минометным огнем.

— Отлично. Видите дом со скворечником на шесте?

— Вижу. Что там?

— Шестиствольный миномет.

— Это он ревел?

Не ответив, Чулков спросил:

— Может, и связь у вас есть?

— Меня сопровождает связист, — показал минометчик на солдата, который спокойно устроивался с телефонным аппаратом, расширял ячейку в траншее. Рядом возился другой солдат — подвешивал на плетневую стену хода сообщения телефонный провод.

Вот что значит — на позициях побывал командир дивизии!

Пока длилась артподготовка, приняли два пулемета, присланные комдивом, — ручной Дегтярева и станковый «максим» с запасом лент.

Разгорелась дуэль. Младший сержант-минометчик обстрел начал не очень удачно, но потом разошелся. Дом со скворечником от мощного взрыва будто ветром сдуло. Не успел вовремя изменить позицию «скрипун».

Одну за другой накрывал минометчик цели, которые указывал Алексей. С двух-трех мин.

— Кто у вас командир взвода? — поинтересовался Алексей.

— Гвардии старший сержант Гордеенко.

Вот так неожиданность!

— Виталий Гордеенко?!

— Так точно, Виталий. А вы его знаете?

— Еще бы. Из одного училища.

Алексей попросил соединить его с Гордеенко, но связь вдруг оборвалась. Да и некогда уже было разговаривать — с трех направлений двинулись гитлеровцы на позицию роты. Атаковали силами полубатальона. Но теперь численное превосходство противника Алексея не пугало. Рота имела достаточно огневых средств, чтобы отбить атаку. И все эти средства были пущены в дело.

Потеряв больше трети солдат, фашисты залегли и стали окапываться. А стрельба не умолкала. Алексей приказал бить короткими очередями, строго прицельно, чтобы заставить атакующих отступить на исходные. Огневой бой разгорался.

Тринадцать часов миновало с того момента, как рота ступила на правый берег. Тринадцать часов под огнем. Две рукопашных... Если бы Алексею Чулкову раньше сказали, что есть люди, способные такое выдержать, он уверенно заявил бы: чушь, бред, фантазия. А они выдержали. И держались дальше. И не сомневались в том, что продержатся столько, сколько необходимо.

Глава одиннадцатая

«МЫ СМЕРТИ СМОТРЕЛИ В ЛИЦО»

Сначала Алексей подумал, что гитлеровцы не выдержали прицельного огня. Они перестали окапываться и уползли в свои траншеи. Стало тихо... Вдруг кто-то отчаянно закричал:

— Танки! Танки!

По склону дальнего пологого холма расплзались пылевые облачка. Они медленно приближались.

Да, это были танки. Штук двадцать, не меньше. Это был конец, потому что рота не имела средств для борьбы с танками. Пулеметы, автоматы, гранаты-лимонки бессильны против стальных чудовищ. Алексей смотрел на танки, и мыслей у него не было — одна только боль в сердце.

Подошел старшина Буров. Лицо мертвенно-бледно, однако спокойно. Сунул Алексею чем-то плотно набитый солдатский вещмешок.

— Ось визьмы. Нэ так страшен черт, як его малюють.

— Что здесь?

— Та противотанкови гранаты... Прихватыв на черный дэнь.

— Гранаты! — Алексей заглянул в мешок: верно, тринадцать штук противотанковых... Обнял старшину порывисто, — Сергей Кузьмич, спасибо. Ведь это ж... Я к Козлову...

Он помчался по траншее. Раскудря-Кудрявый следом тащил мешок с гранатами.

— Парторг! Здесь тринадцать противотанковых. Немецкие должны еще остаться. Связки нужны...

— Уже делаем, — быстро отозвался Козлов. — Предлагаю вот что: создать двенадцать групп по три человека, во главе каждой поставить коммуниста или обстрелянного надежного солдата. Группы вооружить противотанковыми гранатами и связками немецких гранат.

— Согласен!

Танки скрылись в дальней низине между холмами; слышался только их приближающийся рев. Вот-вот они появятся на ближайшем гребне... Но вместо танков на гребень высыпала орущая толпа. Это были люди в советской защитного цвета форме — военнопленные. Вслед за ними показались танки. Люки открыты. В бинокль хорошо видно, как танкисты скалят зубы. Но ни одного выстрела. Просто гонят толпу и смеются. Ясно — танкисты прикрываются военнопленными. Одна из машин рванулась вперед, подмяла под себя четверых отстававших.

— А-а-а! — слышит Алексей разрывающий душу вопль. Не помня себя, он вскакивает на бруствер. В одной руке автомат, в другой — связка с гранатами. Кричит пленным во всю силу легких.

— В заросли, в заросли!!!

Он имел в виду мелкий кустарник в низине... Слышат ли его? Слышат, нет ли, но передние замедлили бег, кипулись в стороны. Задние продолжали бежать прямо на трапшею.

Чулков краем глаза увидел, как выскочили на бруствер Росляков и Старостин, замахали руками:

— Ложись!

— В сторону!

— В заросли!

Пулеметчики из танка заметили гвардейцев.

У самых ног Чулкова резанула очередь. Огромным усилием воли Алексей подавил желание нырнуть в спасительную траншею.

— В заросли, в заросли!!!

Пулеметчик из траншеи стегавул очередью поверх голов пленных. Раз... другой... Подействовало. Пленные, — кто ползком, а кто согнувшись, перебежкой, — устремляются в заросли.

Грохочущий столб огня взметнулся в пятнадцать метрах впереди траншеи. Алексей спрыгнул в траншею. Взрывы зачастили, земля посыпалась за воротник. Усиленный взрывами гордеенковских минометов, огонь роты кажется сейчас немалой силой. Залпы минометов становятся все более прицельными и разящими.

Люки захлопнулись. Правда, вовремя скрыться за спасительной броней успели не все. Несколько гитлеровцев повисли на краях люков, сраженные меткими очередями.

Густо ударили танковые пулеметы. Раздались стоны. Через бруствер перевалились сразу несколько солдат, перепачканных тinou, без поясных ремней. Корявые руки их потянулись к Алексею...

— Гранаты! Дайте гранаты!

Военнопленные... Бывшие военнопленные — теперь солдаты.

— Старшина, раздайте немецкие гранаты!

Запасы гранат растаяли в минуту.

— Огонь! Бей по смотровым щелям! — приказал Алексей. Понимал: от такой меры толку немного... Но важно было включить в бой всех и каждого: — Стреляй! Стреляй!

А пленные, из тех немногих, что уцелели, продолжали один за другим прыгать в траншею. И страх мгновенно покидал их, в глазах загоралась ярость.

— Гранаты! Гранаты дайте!

Алексей разыскал Козлова.

— Надо сделать так, чтобы новые знали своих командиров взводов. И дисциплина, дисциплина... Их, по-моему, тут больше трех сотен, и они растеряны. Понимаешь? Они влились в роту. Теперь в нашем подчинении.

— Сделаю сейчас же. Взводные будут временно исполнять обязанности командиров рот...

— Правильно. От того, как быстро эти люди будут организованы, зависит многое.

Навстречу танкам ползли солдаты с гранатами в руках. Вот один из них пробрался по болотистому бочажку на левом фланге к другому берегу. Скрываясь за камышами, он близко подпустил крайний танк. Бросил сначала противотанковую гранату, а потом связку. Граната разорвала гусеницу, а связка попала в заднюю часть. Вместе со взрывом взметнулся черный дым. Танк остановился, неуклюже заворочался, стараясь развернуться, но тотчас стал оседать на левый бок. Дым посветлел, сделался серым, и сразу всю заднюю часть броневой машины охватило огнем.

Откинулась крышка люка. Показался автомат и сжимающая его рука. Автомат стрелял. Рывком вынырнул танкист, занес ногу через край люка и... осел. Автомат выпал из рук... Двое танкистов выбрались через нижний люк; их так же сразил солдат.

Но и сам ткнулся головой в землю — видно, срезали его очередью из другого танка. Но танк горел — это вызвало оживление в траншее... И тотчас — вторая победа. Минометки Гордеенко попали в гусеницу танка. Машина закрутилась на одном месте, ее добила гранатой. Третий танк метрах в двухстах от траншеи попал в трясину.

Подчиняясь чьей-то воле, танки сбавили скорость, но усилили обстрел. Сплошной ливень огня из пулеметов и пушек обрушился на траншею. Но танки двигались по изрытой земле, их качало, будто лодки на волне, и огонь потому не отличался точностью.

Справа от Алексея раздался радостный крик.

Обернулся и увидел: горел еще один танк.

Все случившееся дальше происходило будто во сне. Никто не заметил, как пять немецких танков Т-IV обошли траншею со стороны села Мишурин Рог. Увидели их уже тогда, когда они пошли утюжить траншею. Солдаты шарахнулись в болото, но тут же были скопены танковыми пулеметами. Алексей, схватив две связки немецких гранат, помчался к месту прорыва. Кричал на бегу:

— Пропускай над собой! Бей сзади!

Но голос тонул в реве дизелей. На повороте траншеи его едва не сбил с ног незнакомый солдат с расширившимися от ужаса зрачками. Связкой Алексей ткнул солдата в плечо.

— Назад! Пристрелю! Бей гранатой,— и сунул ему одну из связок.

Боль от удара образумила человека. Но тотчас оба они поняли, что гранаты, взорвавшись, могут поразить их самих. Танк был в десяти шагах. Он медленно накатывался на них. Оба упали на дно траншеи. Леденящий сердце грохот прошел над ними. Вскочили и вдогон одновременно бросили связки. Алексей попал в башню и большого вреда танку не причинил. Зато от солдатской связки лопнула гусеница.

Солдат от восторга завопил и бросился под танк, чтобы проскочить под ним на другую сторону траншеи. Но танк взревел, бешено дернулся и, разрушив одну из стен хода сообщений, завалился изуродованной стороной прямо на солдата.

Алексей оцепенел — ужасная смерть... Он не заметил, что бинт съехал на затылок, разорванная кожа на голове стала кровоточить, и лицо его залило кровью.

— Не двигайтесь, товарищ комроты. Вы ранены!

Это ординарец Женя выскочил из-за танка, кому-то замал руками. И вдруг охнул, свалился на Чулкова. На гимнастерке чуть пониже левого плеча начало расплываться кровавое пятно.

— Тебе плохо, Женя? Ранен?

Раскудря-Кудрявый с досадой и как-то по-мальчишески отмахнулся рукой.

— Царапнуло, товарищ комроты.

— Что с танкистами? — спросил Алексей.

— Постреляли их, постре... — Плашмя, всем телом ординарец упал на спину.

— Женя!

Алексей приподнял его голову, заглянул в глаза. Они угасали.

— Женя! Отнись!

Рванул на груди ординарца гимнастерку. Разорвал одновременно и нижнюю рубашку... Чуть выше сердца сквозь кровь виднелась крошечная дырка.

Женя был мертв.

«Как же он перевязывал меня с такою раной?» — бесчувственно, с каким-то задубелым равнодушием подумал Алексей.

И вдруг сами собой, вопреки его воле полились слезы. Он упал на тело ординарца и заплакал, захлебываясь слезами.

— Женя! Женя! Не надо... Не надо...

Возможно, на какое-то время он потерял сознание. Его поднял за плечи Старостин.

— Плохо, Алексей. Придется отходить. Прут и слева и справа...

— Не отходить, а драться. Если побегим, раздавят поодиночке.

— Нет гранат, товарищ комроты. Надо в заросли людей Погубим всех.

Алексея била нервная дрожь. В голове тукало:

«Нет гранат... Нет гранат...»

Он поднял тело ординарца, передал его Старостину.

— Похоронить! Вот здесь! — При этом он отчетливо сознавал, что и делает и говорит не то.

Резко повернувшись, заспешил по траншее в центр обороны.

«Неужто отходить?.. Это же конец, конец... Они нас сбросят в Днепр...»

Но другого выхода не было. Задержать на какое-то время тапки им, может быть, и удастся, но остановить лавину невозможно. Нет у них таких сил, нет.

От рева танков вздрагивала земля. Еще десять минут, и рота прекратит существование...

Почти одновременно раздалось несколько мощных взрывов. Между танков взмыли темные фонтаны с округлой грязно-серой шапкой. Откуда-то слева донесся орудийный залп, слитный, резкий, короткий. Звук разрывов слился в общий, непрерывный и грозный грохот, от которого заломило скулы и стало больно в ушах.

Один из танков взлетел на воздух. Его тяжелая башня как-то противоестественно легко и лениво отделилась от корпуса и уткнулась дулом в землю неподалеку. Танка будто и не было.

А грязно-серые и синие-черные шапки неумолчно встают над танками. Завертелся на месте еще один танк. Но почему-то не загорелся.

При следующем залпе очередной танк перевернулся вверх гусеницами и жирно задымил.

Алексей как зачарованный смотрел на поле, где творилось справедливое возмездие.

Били армейские пушки — с левого берега. Помнили о них там и пришли на выручку в самый критический момент. Никогда Алексею не забыть этих счастливых минут. Солдаты вокруг что-то кричали, но, что кричали, до его сознания не доходило.

Танки, развернувшись, спасались бегством. И огонь перемещался вместе с ними. Одиннадцать костров пылало на поле...

Туманно-багровое, задернутое поленою дымом солнце наполовину скрылось за увалом, на котором белели хаты Мишурина Рога.

Алексей распорядился, чтобы приступили к ужину. Солдаты не успели даже развязать вещевых мешков. Со стороны Мишурина Рога на бреющем полете на них свалились штурмовики.

Налет застал врасплох. Никто и предполагать не мог, что фашисты пошлют авиацию в конце дня, когда уже наступили сумерки. Все смешалось. Дыбом встала земля.

Грохота взрывов Алексей не услышал. Его выбросило из траншеи и ударило о землю. Вспыхнули в глазах яркие звезды, а потом стало черным-черно. В этой непроглядной черноте он еще долго куда-то летел, плавно и неудержимо...

Глава двенадцатая

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

После авиационного налета Алексея Чулкова нашли в стороне от траншеи. Лицо его было залито кровью.

Росляков и старшина Буров перенесли командира в траншею. Володька упал на колени, приложил ухо к груди. Сердце не билось. Он снова и снова слушал — нет... Слушали и другие, как могли, старались привести в чувство, но все напрасно. Командир был мертв. Командование ротой принял младший лейтенант Козлов.

Погибших во время налета — тридцать два человека — решили похоронить с воинскими почестями. Но фашисты открыли сильный минометный огонь, и торжественности не получилось. Пришлось солдатам лежа на животе закапывать погибших товарищей в близлежащие воронки. В одну из таких братских могил хотели положить и Чулкова; сержант Кокарев приподнял тело за плечи, намереваясь тащить к ближайшей воронке, но Буров его отстранил.

— Не могу дозволиты цього, друзи. — И обратился к Козлову. — Дуже прошу вас, товарищу гвардії младший лейтенант: похоронимо його ближче до Дніпра. На цій висотці. Одного. Навжэ він цього не заслужив?

Козлов колебался — похороны могли обернуться новыми жертвами. Но как откажешь человеку, которого многие здесь по-сыновьи любили, в том числе и сам Козлов?

— Ладно, согласен. Хорошо бы дощечку найти и написать на ней, кто похоронен.

— Сделаю, — сказал Росляков.

— Тогда несите... Я вас догоню.

На самой макушке высоты Буров и Росляков нашли воронку, начали ее углублять. Фашистские минометчики засекли их, попытались «взять в вилку». Мины ложились все ближе, и работу пришлось прервать.

Подполз Козлов, от усталости едва переводя дух сказал:

— Товарищи... придется хоронить... как есть. Ничего не поделаешь... И скорее...

Росляков хотел возразить, но вдруг всхлипнул и уткнулся лицом в согнутый локоть.

— Плачь, плачь, друже,— мягко провел рукой старшина по вздрагивающей его спине.— От слиз полэгчае на души.

Сергей Кузьмич вытащил из сумки большой кусок марли, попытался вытереть засохшую кровь с лица Алексея, но, убедившись, что попытка напрасная, подал команду опустить его в могилу. Совсем неглубокой она получилась,— головой к разбитому блиндажу, из которого торчал конец шпалы.

Росляков стащил с себя скатку, подложил ее под голову другу. Тело выровнялось. Старшина, сложив марлю вчетверо, покрыл ею лицо и грудь Чулкова. Поднял глаза на Володьку.

— Володымыру Стéпановичу, просимо вас першим кынуть зэмлі у могылу... Як друга просимо...

Володька осторожно высыпал на грудь товарища горсть песка. За ним Козлов...

Потом в изголовье могилы Росляков воткнул винтовку с изогнутым дулом. К ложу ее была прибита дощечка — рубель, которым хозяйки «катают» выстиранное белье. На гладкой стороне рубеля ножом были вырезаны слова:

«Здесь похоронен
отважный командир
Чулков
Алексей Николаевич
(1925—1943 гг.)
Вечная слава
Герою!»

Втроем заползли в воронку от мины, присели на корточки. Помолчали. Буров расстегнул кобуру и вытащил пистолет. Его примеру последовали Козлов и Росляков.

Буров тихо сказал:

— Почтим память командира тремя залпами.— Помедлив, скомандовал: — Огонь!..

Наступила ночь. С короткими паузами и методичной последовательностью в черном небе с шипением взрывались ракеты. Около полуночи прошел сильный и теплый дождь. А когда рас-

сеялись тучи, землю осветила луна. Была она на восходе кроваво-красная, огромная, грозная. Но прошло полчаса, луна поднялась над горизонтом и озарила все вокруг чистым зеленоватым светом. И село Мишурия Рог, и приднепровские высоты, одинокие и сиротливые, мягко заливала эта призрачная зеленоватость.

Как только заглохли взрывы, на поле боя вышли похоронные команды, чтобы предать земле погибших. К необходимому, но страшному труду своему большая часть из них уже привыкла. Лишь младший сержант Агафоненко не мог смириться с тем, что он, один из лучших пулеметчиков полка, после ранения в ногу оказался во главе похоронной команды, состоявшей из пожилых нестроевиков. Хотя ему и самому было далеко за сорок, он считал, что рано его списывать в нестроевые. Но приказ есть приказ.

Когда похоронная команда добралась до высоты, где был похоронен Алексей Чулков, младший сержант Агафоненко разрошил своим нестроевикам отдохнуть. К тому часу им уже пришлось основательно поработать, и кто знал, сколько этой работы предстояло впереди?

Разместились на всякий случай в полузасыпанной траншее. Отсюда хорошо видны были склоны высоты, свежая могила шагах в десяти слева. Сидели молча, осторожно курили. Солдат, которого младший сержант терпеть не мог за равнодушие к покойникам, сказал:

— Ишь как блестят!

— О, чтоб тебя!.. — выругался Агафоненко и посмотрел туда, куда поглядывал солдат... Из мокрого размытого дождем песка торчали ноги в хромовых сапогах.

— С почестями похоронили.

— Помолчи, — с досадой оборвал его младший сержант, холодея от того, что он отчетливо увидел: песок на могиле вдруг стал осыпаться. Казалось, что под песчаным холмиком кто-то зашевелился...

Глава тринадцатая

И ВЕЧНЫЙ БОЙ...

Медленно продвигалась к Днепру открытая полуторка, переваливаясь на ухабах разбитой дороги. Находящихся в кузове четверых бойцов мотало от борта к борту, будто на морской волне. У троих сухопутная качка вызывала только смех, четвертый — это был Алексей Чулков, — сцепив зубы, держась за

борта от напряжения побелевшими в суставах пальцами, вжался в угол кузова.

Всего десять-двенадцать дней минуло с той ночи, когда младший сержант Агафоновенко извлек его из могилы. Единственное, что запомнилось Алексею — это огромная и почему-то зеленая луна за открытым пологом медсанбатовской палатки.

Ему казалось, что луна занимала большую часть неба. Больно было смотреть на нее, хотелось закрыть глаза. А закрывать боялся — закроешь и провалишься в черноту. Он напрягал все силы, чтобы удержать пудовые веки.

Вдруг на фоне лунного диска появилась мать. Она медленно приближалась, как бы наплывала на него. Алексей протянул к ней руки, но она не обращала на него внимания. Мать, волнуясь, говорила с кем-то. Ну, конечно, она разговаривала с отцом. Он вдруг оказался с нею рядом.

— Ну, куда, куда ты идешь? — страстным шепотом говорила ему мать. — Ведь убьют, убьют!..

— На войне, женщина, случается, и убивают.

— Что ты говоришь! Ну, что!.. — опять шепчет мать.

Отец вздохнул:

— Сын слушает. Его бы постеснялась.

— А он умней тебя. Небось не будет рваться на погибель свою.

И тут Алексей увидел себя — Леху. Еще там, на станции. Он хочет возразить, хочет протестовать, но голоса своего не слышит, не может пошевелить руками и ногами.

Мать, глядя на него, в страхе отшатнулась и многозначительно зашептала:

— Мишурин Рог... Мишурин Рог... Мишурин Рог...

Алексей снова протянул к ней руки, но она исчезла в волокнистом тумане. А из того тумана вдруг выплыло лицо Рай с сияющими радостью глазами. Она наклонялась над ним все ниже и шептала:

— Я люблю тебя... Я здесь, я с тобой.

Закрыв глаза, он почувствовал на лбу и на груди приятный холодок компресса.

Сон тихо унес его в плавную зыбкость.

Очнувшись, Алексей увидел свод палатки, державшийся на слеге защитного цвета, потом заметил больших зеленых мух, бившихся под сводом. Мухи не жужжали, и это было странно.

Чуть-чуть опустив глаза, Алексей встретился с большими, тревожными и синими глазами. Сначала они смотрели пристально и требовательно, потом радостно вспыхнули.

«Девушка», — подумал Алексей, и девичьи губы зашевелились. По движению губ он разобрал слова:

— Очнулся, очнулся!

Синие глаза исчезли, и Алексей Чулков встретился с другим, также улыбавшимся взглядом. Глаза были зеленые, маленькие, а в уголках век — морщины.

«Мужчина», — опять открыл для себя Алексей.

— Ну, как дела, гвардеец?

Голос мужчины еле дошел до сознания Чулкова сквозь непрерывный гул, хотя губы мужчины были совсем рядом.

— Ничего дела... Голова болит... — не сказал, а как-то вроде бы запел Алексей к своему удивлению.

— Чго-что? Не слышу...

Чулкову казалось, что он говорит громко, но даже сам себя Алексей не слышал. Это было и странно и немного страшно. Пришлось говорить прямо в склоненное к его губам ухо...

Мужчина в белом халате, запачканном коричневыми и красными пятнами, услышал Чулкова и широко улыбнулся.

— Молодцом, сержант, молодцом! А что голова болит, беда. Теперь пойдет на поправку...

И, тихонько похлопав Алексея по колену, удалился, чем-то удовлетворенный.

На второй день из палатки Алексея перенесли в чистенькую хатку с земляным полом, устланном нежно пахнущей травой. В хатке их было трое лежащих...

К тому времени непрерывно мучивший Алексея шум в ушах начал стихать: казалось, что за окном утихает ураганный ветер. Между тем за стеною хаты по-летнему светило солнце и листья на деревьях даже не шевелились.

А на третий день, нарушив все правила, Алексей поднялся с постели. И сразу упал. Поднимался с трудом, пришлось обеими руками опираться о стену и осторожно переставлять одну к другой дрожащие ноги. Но слышал он теперь вполне сносно и говорить стал лучше. Правда, слегка еще заикался, подпевал, но врач сказал, что все это у него «со временем пройдет и все быльем зарастет».

Значения слова «быльем» Алексей почему-то не понял и долго с недоумением размышлял: что бы оно могло означать? А потом как-то сразу дошло. Он первый раз рассмеялся — надо же дойти до такой глупости!

С этого момента и началось выздоровление Чулкова. Вечером слышал, как сестра рассказывала молоденькой докторше, той самой, которую в окружении офицеров видел еще на подходе к Днепру:

— ...Контузия с потерей сознания. Рассказывают, из мо-

гилки вытащили. Вестибулярный аппарат...— Конец фразы Алексей не понял.

— Неужели закапывали?

— Младший сержант, который его принес на себе, рассказывал: сантиметров пятнадцать над ним был слой песка. А на лице марля. Голова лежала на шпале, а шпала выходила в блиндаж или в траншею. Образовался приток воздуха. И тут влажный песок.

— Вот так история!

Они ушли. А Чулков стал размышлять над тем, что услышал. Значит, побывал в могиле? Кто же это его поторопился похоронить?.. Хотя, что значит поторопился?.. В боевых условиях не торопиться нельзя... Значит, считают его убитым...

Утром Алексею выдали грубо сколоченные самодельные костыли. С их помощью он целый день передвигался из конца в конец сада, окружавшего хату. Хотелось орать от боли, от усталости, но он упорно делал шаг за шагом.

Наверное, все же его в конце концов отправили бы в тыл... Но Алексей в тыл не желал. Люди, с которыми воевал он бок о бок: старшина Буров, Козлов, Володька Росляков, Кокарев — в своей отрешенности от мелочей жизни, в своей негибкости перед лицом смерти представлялись ему прекрасными до святости. Он хотел быть рядом с ними — этого требовало его чувство самоутверждения. И потом: он представлен к званию Героя Советского Союза... А это обязывает как можно скорее встать в строй.

Превозмогая головокружение, Алексей начал ходить без костылей. Пришло наконец и время, когда он уже стал выглядеть здоровым. Правда, еще кружилась и побаливала голова, и ноги слабели, и речь иной раз давалась с трудом, но все это уже возможно было от врача скрыть.

Сегодня утром его выписали из медсанбата, и теперь вместе с тремя такими же выздоровевшими он на попутной машине догонял фронт. Впереди открылся Днепр. Болтанка кончилась, полуторка в ряду других машин въехала на понтонный мост. Высоко в небе звенели моторы баррожирующих истребителей. Откуда-то издалека доносились по воде орудийные раскаты.

На правом берегу, выбравшись из скопления машин, полуторка свернула на какой-то проселок и, пыля, помчалась в глубь Правобережной Украины. Одну за другой миновали две сожженных деревни. Промчались на третьей скорости между двумя шеренгами закопченных печных труб... Третья деревня еще дымилась. Шофер не сбавлял скорости — только петер свистел в ушах. И было безлюдно. У Алексея вдруг сердце

обдало кровью — бешено забарабанил кулаками по крыше кабины... Завизжали тормоза, полуторка остановилась как вкопанная, высунулся шофер, зыркнул злыми глазами:

— Ну, что?..

— Куда гонишь, черт тебя возьми?! — свирепея от только что пережитого чувства страха, заорал Алексей. — К немцам в лапы охота?! Или у тебя разведка вперед выслана? И летит, и летит... Найти надо кого-нибудь, расспросить, где противник.

Шофер часто-часто замигал выгоревшими ресницами, перевел недоумевающий взгляд на попутчиков Алексея, pokrutil указательным пальцем около виска:

— Он что — с приветом?

У Алексея от возмущения дыхание перехватило... Но тут один из спутников хлопнул его по плечу, рывком повернул к себе:

— Слушай, друг, ты спросонья, что ли? Да немцами на сто километров и не пахнет. Лататы задали — теперь до границы не остановишь. Соображаешь?

— Брось, — не поверил Алексей, — треплешься...

Ответом был дружный хохот. Шофер, смеясь, махнул рукой, исчез в кабине, и полуторка тронулась. Спазма сдавила Алексею горло... Вот как, значит... Погнали немцев... Не зря, значит, Соснин погиб, не зря... И Раскудря-Кудрявый... И многие десятки солдат его роты не зря полегли... Вон как мчится машина по этой земле. Аж слезы вышибает из глаз. Летят под колеса версты...

А сколько их еще там, за чертою фронта, до государственной границы?! И после государственной границы?! И сколько еще жизней возьмет борьба за право человека спокойно жить на своей земле?

Алексей нагнулся к окну кабины, крикнул:

— Ну чего же ты, как осенняя муха, ползаешь?! Гони!

Шофер усмехнулся, покачал головой: «Ну не псих ли?» — и прибавил газу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВИГ. *Повесть*

Пролог	8
На пороховой бочке	11
Захватили эшелон	24
«Подать комиссара!»	29
Пешком в Ростов	35
Приговор: «Смертная казнь»	42
Шкуро	47
Предатель	50
За советом к Ленину	57
Доверие	61
«Поклон генералу Бригсу»	70
Смерть офицера	75
Покушение	79
Пришла любовь	83
Бегство	93
«Буду любить до конца жизни»	97
Заговор раскрыт	103
Отступление	109
Семь героических дней	118
Под чужой фамилией	131
Пусть светит солнце	138
Эпилог	150

ПОСЕДЕВШАЯ ЮНОСТЬ. *Повесть*

Глава первая. Беглец	157
Глава вторая. Перевал	171
Глава третья. По тревоге	188

Глава четвертая. «Дерзай, сержант!»	202
Глава пятая. К броску готовы!	218
Глава шестая. Прыжок через Днепр	231
Глава седьмая. «Слушай мою команду!»	242
Глава восьмая. Не так страшен черт	248
Глава девятая. Связь	261
Глава десятая. Полыхает Днепр	266
Глава одиннадцатая. «Мы смерти смотрели в лицо...»	272
Глава двенадцатая. На войне как на войне	278
Глава тринадцатая. И вечный бой...	280

Алексей Николаевич Першин

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Повести

Редактор Л. И. Парфенов

Художник И. А. Москвитин

Художественный редактор Э. А. Розен

Технический редактор И. И. Капитанова

Корректор З. А. Росаткевич

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 28/II-72 г. Формат бум. 84×108¹/₂. Физ. п. л. 9,0. Усл. п. л. 15,72. Уч.-изд. л. 17,13. Изд. инд. ЛХ-351. А07642. Тираж 50 000 экз. Цена 65 коп. в переплете. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия».

Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Занав 2830.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

**Издательство просит отзывы об этой книге
и пожелания присылать по адресу: Москва,
Центр, проезд Сапунова, д. 13/15,
издательство «Советская Россия».**